А. С. ПАНКРАТОВЪ.

ИЩУЩІЕ БОГА

Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній.

N 458

А. С. Панкратовъ.

ИЩУЩІЕ БОГА

ЯМА:

Исторія ямы. Первые сектанты. Евангелистъ. Безсмертники. Святодуховецъ. Пророкъ Іезекіиль. Три товарища. Миссіонеръ. Никита. Рабочій толстовецъ. Два Парамона. Послѣдніе годы.

МОСКОВСКІЙ БРАТЕЦЪ ІОАННЪ.

У Преображенской заставы. У братца Іоанна. Прошлое братца. Заступничество Петербурга. Гоненіе на братца. Отлученіе отъ церкви.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ БРАТЕЦЪ ІОАННЪ.

ТОРГОВЕЦЪ-ПРОРОКЪ М. А. КУРАМШИНЪ.

НЕПЛЮЕВСКОЕ БРАТСТВО.

Біографія Н. Н. Неплюева. Противники Н. Н. Неплюева: К. П. Побѣдоносцевъ и М. О. Меньшиковъ. Въ братствѣ.

СВОБОДНОЕ ХРИСТІАНСТВО.

Свободное христіанство епископа Михаила. Христіанство И. М. Трегубова. Московское свободное христіанство.

НОВЫЙ ИЗРАИЛЬ.

СТУДЕНТЫ-ХРИСТІАНЕ.

АДВЕНТИСТЫ.

СІОНЯНКА А. Д. РЫЧКОВА-ЗАЦѢПИНА.

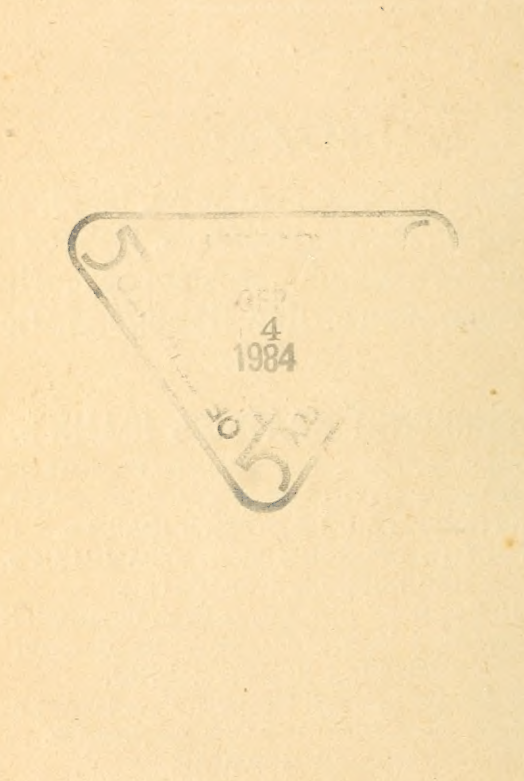
СТАРООБРЯДЦЫ.

Поповцы. Безпоповцы. Бѣглопоповцы. Единовѣрцы.

РЕЛИГІОЗНЫЕ ПОРТРЕТЫ:

ГОРДѢЙ КРАСНОВЪ. НИКАНОРЪ ШАРИКОВЪ. СЛЕСАРЬ ПЕТРОВЪ

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.

4
1984

Исканіе Бога.

Достоевскій назвалъ русскій народъ:

— Богоносцемъ.

Вѣрнѣе онъ:

— Богоискатель.

Исканіе Бога—русское исконное начало.

Въ старообрядчествѣ, напримѣръ, нельзя видѣть окостенѣлый пережитокъ когда-то живой борьбы невѣжественныхъ людей за обрядовую форму. Нѣтъ, оно, какъ и сектантство есть проявленіе исканія Бога. Правда, въ своемъ историческомъ источникѣ оно было проявленіемъ низшаго порядка, такъ какъ люди видѣли Бога не въ душѣ и даже не на небѣ, а въ простомъ обрядѣ. Но это только съ точки зрѣнія насъ, людей XX столѣтія. Съ этой точки зрѣнія и вся борьба съ старообрядчествомъ, всѣ драконовскія мѣры противъ него—также явленія низшаго порядка, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ не только отстаиваніе, но и принужденіе силою признать правильность простого человѣческаго обряда. Но мнѣ кажется, что эта болѣе чѣмъ трехсотлѣтняя борьба съ старообрядчествомъ создала для русскаго религіознаго человѣка одинъ изъ многихъ, конечно несовершенныхъ, выходовъ на пути его естественнаго исканія Бога. Всегда и вездѣ,—и особенно въ Россіи — то, что подвергается гоненію, что создаетъ массовое мученичество, является для самихъ гонимыхъ и вообще для народа сіономъ ихъ идейныхъ исканій, въ данномъ слу-

чаѣ—религіозныхъ. Въ сущности, дѣло было уже не въ обрядѣ, какъ формѣ, хотя по косности своей старообрядцы и ихъ противники всегда говорили только объ обрядѣ,—дѣло заключалось въ гораздо болѣе возвышенномъ: именно, въ борьбѣ за свое естественное право искать Бога внѣ узкихъ формъ церкви. Въ старообрядчествѣ люди искали своего Бога и Божьей жизни. Гоненія и мученичество утвердили въ нихъ увѣренность, что праведная жизнь именно здѣсь, въ «древлемъ благочестіи». Съ этой точки зрѣнія старообрядчество являлось живой, дѣйственной религіозной силой. Вѣчное исканіе Бога заставляло старообрядчество раскалываться на составныя, враждующія части, не стоять на мѣстѣ, а идти впередъ.

Теперь, съ точки зрѣнія XX вѣка, когда религіозная мысль, прорвавъ плотину обрядовыхъ и догматическихъ загражденій, уже ушла въ свободное пространство безконечностей, старообрядчество въ своей массѣ является богоисканіемъ низшаго порядка, обрядовымъ, формальнымъ богоисканіемъ. Теперь русскій народъ уже настолько выросъ въ религіозномъ отношеніи, что передовые его слои идутъ уже не въ старообрядчество, а въ сектантство. Здѣсь по многочисленнымъ и извилистымъ тропинкамъ ищутъ они Бога и праведной жизни. Да и само старообрядчество не осталось безъ вліянія времени. Оно въ своей массѣ все еще держится за обрядъ, чему весьма способствуетъ воинственное отношеніе къ нему господствующей церкви. Это отношеніе поддерживаетъ старый взглядъ, что «праведная жизнь»—только въ старообрядчествѣ. Не будь этого отношенія, пытливая, бурливая человѣческая мысль не застоялась бы такъ долго на этомъ этапѣ, а давно бы уже вышла за предѣлы обрядовѣрія. Но передовые старообрядческіе слои, впрочемъ, и теперь уже порываютъ съ буквой. Образованіе и новыя формы человѣческой жизни уже достаточно расшатали стѣны, за которыми искали Бога люди «древляго благочестія».

Широкой волной разлилось по Руси сектантство. Оно съ каждымъ днемъ растетъ и усиливается. Его не остана-

вливаютъ никакія преграды. Ни грозное слово господствующей церкви, ни строгія гражданскія мѣры. И это понятно: въ сферѣ идей, да еще религіозныхъ, можетъ благотворно дѣйствовать только кроткое слово убѣжденія и мученичество. Насколько развито сектантство, можно судить по такому характерному факту. Одинъ старообрядческій начетчикъ, только что пріѣхавшій изъ Сибири, разсказывалъ мнѣ въ 1910 году.

«Пріѣхалъ я въ одинъ городъ, вызываю тамошняго священника-миссіонера на словопреніе. А онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: «о чемъ намъ съ тобой говорить? О чемъ спорить? У насъ съ тобой одинъ общій врагъ—сектантъ. Соединимся и выступимъ противъ него! Сектантство массой идетъ на насъ!»

Между тѣмъ, совсѣмъ недавно еще сектантство занимало скромное въ количественномъ отношеніи положеніе. Съ нимъ даже не спорили о вѣрѣ офиціальные представители церкви. Всѣ свои знанія и силы они тратили на одно старообрядчество. Теперь же имъ приходится не только считаться съ сектантствомъ, но, оставивъ въ сторонѣ старообрядчество, бороться съ однимъ сектантствомъ.

Сектантство есть выраженіе того же исконнаго русскаго начала—исканія Бога. Въ него идутъ люди съ пытливымъ умомъ, неудовлетвореннымъ старыми формами вѣрованія. Пути, по которымъ идетъ народъ въ секты, впрочемъ, разнообразны. Тутъ и желаніе избавиться отъ платъ за требы, тутъ и стремленіе мужа и жены уйти отъ опостылившей своей законной половины. Но, главнымъ образомъ, сектантство есть исканіе новой, болѣе удовлетворяющей запросы духа, вѣры.

Но исканіе Бога не только въ старообрядчествѣ и сектантствѣ. Оно и въ господствующей церкви. И тамъ масса въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи: разными путями и въ разныхъ формахъ она ищетъ Бога и всегда стоитъ предъ бездной вѣчнаго вопроса:

— Какъ жить по-Божьи? Какъ спастись?

Тотъ путь, который указываютъ ей, какъ непреложный, она подвергаетъ сомнѣнію:

— Нѣтъ, не такъ нужно жить по-Божьи.

Она не останавливается, не замираетъ, а ищетъ и ищетъ.

Отсюда—скитальчество по монастырямъ, пустынникамъ, затворникамъ, юродивымъ. Для многихъ это—простое поклоненіе святынѣ, паломничество, даже удовлетвореніе суевѣрнаго чувства, но для нѣкоторыхъ это—путь исканія.

— У насъ дома нѣтъ «Божьей жизни». Не найду ли я гдѣ-нибудь? Не откроетъ ли святой отецъ, живущій сорокъ лѣтъ въ затворничествѣ, какъ намъ спастись, какъ устроить свою жизнь, какъ найти Бога?

Прежде, такое исканіе выливалось въ формѣ отжившаго уже свой вѣкъ исканія праведной «земли» или «праведнаго города». Это была своего рода сладкая мечта о «золотомъ вѣкѣ». Наступитъ этотъ вѣкъ царства Божьяго на землѣ, и люди, наконецъ, будутъ довольны своею жизнью. Разница лишь въ томъ, что «праведная земля» рисовалась не въ одномъ будущемъ, а и въ прошломъ и въ настоящемъ. Эта «земля» осталась отъ старой библейской или евангельской жизни, когда люди были святы. Но она затерялась въ наслоеніяхъ грѣшнаго человѣческаго существованія, и найти ее могутъ только люди, угодные Богу. А найти ее нужно во что бы то ни стало для того, чтобы дать людямъ высокій примѣръ, принять благодать праведныхъ людей, живущихъ въ «праведной землѣ», и начать жизнь новую, святую.

Психологическое основаніе этой вѣры просто. Съ одной стороны, грустная дѣйствительность. Жизнь складывается такъ, что шагу нельзя сдѣлать безъ грѣха. Грѣхъ идетъ за человѣкомъ и въ монастырь и въ алтарь... А съ другой—основная наша религія всегда оставалась для народа внѣшней. Великій евангельскій принципъ: «царство Божіе внутри насъ» какъ-то всегда былъ въ тѣни, хотя и проповѣдывался въ церквахъ. Къ сердцу русскаго простого народа эта проповѣдь о внутреннемъ царствѣ мало доходила, отчасти въ силу его темноты. Народъ искалъ царства Божьяго на сторонѣ, внѣ своей души. Грѣховность свою объяснялъ незнаніемъ какихъ-то особенныхъ «Божьихъ истинъ».

Мечта о праведной жизни воплощалась иногда въ странничествѣ. И это было самое наивное, полное трогательной вѣры и высокихъ чувствъ русское заблужденіе. Искали когда-то «бѣловодскую землю», искали и ищутъ теперь градъ невидимый «Китежъ». Эти исканія общеизвѣстны. Но въ разныхъ мѣстахъ Россіи народная фантазія создала свои мѣстные «невидимые грады», причудливо переплела ихъ со сказками и суевѣріями и заставила повѣрить имъ. Нерѣдко въ деревняхъ можно слышать разсказы, какъ разъ въ годъ, ровно въ полночь, на ихъ «святомъ озерѣ» показывается верхушка колокольни или изъ воды выходятъ «божьи старцы»... Въ этихъ разсказахъ часто уже утраченъ тотъ элементъ религіозности, который связанъ былъ съ исканіемъ «праведнаго града». Но, несомнѣнно, это—отзвукъ исканія.

Теперь исканіе Бога проявляется уже въ болѣе совершенномъ видѣ. Ищутъ не территорію «праведной земли»—а истину.

Я зналъ одного такого вѣчнаго искателя. Уже сѣдой, но живой, подвижной человѣкъ. Его семья жила въ Подольской губерніи. У него домъ, хозяйство, торговля. Но ничто не мѣшало ему горѣть внутреннимъ огнемъ.

Услышитъ ли, или прочтетъ, что тамъ-то открылась новая секта, или узнаетъ, что Толстой сказалъ новое слово,—сейчасъ же ѣдетъ къ сектантамъ или къ Толстому. Въ вагонѣ—очки на носу и Библія въ рукахъ или разговоръ о Богѣ и душѣ съ крестьяниномъ.

За послѣдніе три года онъ что-то не появляется въ Москвѣ,—можетъ-быть, умеръ. А прежде я видѣлъ его раза два въ годъ. Помню первый его разговоръ со мной:

— У васъ въ такой-то статьѣ есть такое-то мѣсто. Я пріѣхалъ поговорить по этому поводу.

И началось религіозное словопреніе. Онъ и опровергалъ, и въ то же время пытливо вслушивался:

— Нѣтъ ли чего-нибудь новаго?

Онъ былъ у массы людей, интересующихся религіозными вопросами. Со всѣми говорилъ.

Яркими штрихами онъ рисовалъ недостатки господствующей церкви. Я спросилъ его:

— Вы сектантъ?

— Нѣтъ, не установился мнѣніемъ,—отвѣтилъ онъ.— Все ищу, всю жизнь ищу.

И затѣмъ:

— Вотъ говорятъ, на Волгѣ, около Камышина, появилась новая секта. Вы ничего не слыхали? Поѣду туда, разспрошу. Можетъ-быть, истинная.

Въ толпѣ богомольцевъ вы найдете человѣка, который о цѣли своего путешествія скажетъ, если вы съ нимъ разговоритесь «по душамъ», такъ:

— Иду поклониться преподобному... А потомъ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ праведной жизни.

Помню, на волжскомъ пароходѣ сѣдобородый паломникъ торжественно-печально разсказывалъ мнѣ:

— Гдѣ я только не былъ, обошелъ, почитай, всѣ монастыри, былъ въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ, въ Стародубѣ у старовѣровъ, какихъ сектъ не видалъ, съ какими людьми не говорилъ,—и нигдѣ не нашелъ правильной, Божьей жизни. Не живутъ люди, а колотятся. Одни говорятъ: «Идите къ намъ,—у насъ истина». Другіе: «Нѣтъ, къ нимъ не ходите,—у насъ она». А истина, господинъ, одна, ибо Богъ одинъ...

Но для многихъ и такое исканіе истины, связанной съ сектой или лицами, является несовершеннымъ. Религіозная мысль развилась, углубилась. Она витаетъ въ сферѣ внутреннихъ, душевныхъ исканій, устанавливаетъ высокій принципъ:

— Богъ въ сердцѣ человѣческомъ. Тамъ его и нужно искать.

За послѣдніе годы богоискательство особенно развилось. На нашихъ глазахъ на великой шахматной доскѣ совершается великая перестановка фигуръ. Политика, съ ея барабаннымъ боемъ, шумомъ и пустотой результатовъ, утомила всѣхъ. Склоненіе во всѣхъ падежахъ Милюкова, Дубровина и Гучкова потеряло свою остроту.

А такъ какъ общественную жизнь нельзя нивелировать и сдѣлать безстрастно-равнодушной, какъ нельзя каждаго отдѣльнаго человѣка заставить интересоваться всѣмъ въ одинаковой степени, то стали просыпаться и завоевывать первое мѣсто другіе интересы.

Совершается поворотъ изъ области политики въ область религіозной мысли.

Поворотъ медленный, но неуклонный. Не только въ провинціи, но даже въ столицѣ, гдѣ такъ ярка нарядная внѣшность и такъ мало времени на то, чтобы заглянуть въ свою душу,—этотъ поворотъ уже замѣтенъ теперь.

Стали искать Бога и тѣ, кто доселѣ былъ равнодушенъ къ Нему, и тѣ, у кого не хватало времени на Бога. Тѣ же, которые не разставались съ Богомъ, стали очищать свою религію отъ наростовъ внѣшности, условности, стали одухотворять ее.

Религія очищается, одухотворяется. Бога перестаютъ искать въ переднемъ углѣ и даже въ небесахъ.

Подъ Москвой есть одинъ бойкій желѣзнодорожный центръ—мастерскія съ сотнями рабочихъ. Прежде тамъ безраздѣльно царила политическая непримиримость махроваго соціалъ-демократическаго цвѣта. Все было въ политикѣ и все черезъ политику.

Теперь тамъ иная картина. Непримиримые ходятъ на сектантскія бесѣды и очень увлекаются религіозно-нравственными вопросами.

О нихъ мнѣ говорили сектанты:

— Благодарный матеріалъ. Непримиримость осталась и обрушилась на нашихъ противниковъ. Но мягкость религіозная уже коснулась ихъ душъ и воздѣйствовала сильно. Отъ правовѣрія соціалъ-демократіи не осталось и слѣда. Появилась какая-то странная смѣсь религіи и политики, причемъ такъ много религіи, что политика кажется недоразумѣніемъ, навожденіемъ. Эти люди были религіозны всегда, и лишь на время засыпала въ нихъ религія.

Такіе центры вездѣ.

Въ Россіи сейчасъ чувствуется сильное біеніе развивающейся религіозной мысли...

Яма.

Исторія «Ямы».

Простой русскій человѣкъ говоритъ много, громко, свободно только въ трактирѣ. Это его общественная трибуна.

Въ торговомъ мірѣ въ особенности «уважаютъ» трактиръ. Всѣ сходки и разговоры происходятъ тамъ. Мнѣ какъ то нужно было поговорить съ однимъ лавочникомъ. Онъ меня совсѣмъ не зналъ.

— Я къ вамъ,—обращаюсь къ нему.

— Ко мнѣ? Пожалуйста.

Онъ подозрительно оглянулся кругомъ:—не слушаетъ ли кто. Затѣмъ быстро выдвинулъ ящикъ, взялъ два мѣдныхъ пятачка и направился къ двери:

— Пойдемте!

Лавка у него свѣтлая, просторная, при ней хорошая теплушка. И нѣтъ никого—-одинъ мальченка. Но онъ повелъ меня въ дрянный, грязный, наполненный сквернословіемъ и табачнымъ дымомъ, трактиръ.

— Тутъ намъ никто не помѣшаетъ. Эй, Николашка, чайку на двоихъ!

Я замѣчаю, что ему, дѣйствительно, никто и ничто здѣсь не мѣшаетъ. Ни шумъ, ни дымъ, ни пьяные люди.

Пріученный всего бояться, мнительный, сумрачный русскій человѣкъ въ трактирѣ перерождается, расцвѣтаетъ. Улыбка не сходитъ съ потнаго лица, душа на рас-

пашку. Чего только нельзя узнать у него за парой чая. Все разскажетъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ въ Москвѣ двое пріятелей часто ходили въ трактиръ Чуева на Рождественкѣ поговорить о своихъ книжныхъ дѣлахъ.

Это были исторіографъ Н. П. Бочаровъ и букинистъ А. А. Астаповъ. У Астапова въ двухъ шагахъ отъ трактира. въ Проломныхъ воротахъ, была книжная лавка. Пока мальчикъ рылся въ лавкѣ, отыскивая нужную Н. П. Бочарову книгу, пріятели сидѣли за чайкомъ. Кто въ «старой Москвѣ» не зналъ этихъ двухъ людей? У одного въ книгахъ рылись профессора, студенты, ученые, литераторы, интересующіеся русской стариной и древней Москвой. Заходили къ нему высокопоставленныя лица. Посѣтилъ однажды поэтъ К. Р. Водилъ А. А. Астаповъ въ чуевскій трактиръ и другихъ знакомыхъ лицъ. Здѣсь, напримѣръ, былъ Владиміръ Соловьевъ. Ходили сюда, смотря на Астапова, и другіе «книжники».

Теперь старикъ Астаповъ уже не имѣетъ лавки. Стариной онъ жилъ, старина, можно сказать, способствовала и ликвидаціи его любимаго дѣла. Стали строить памятникъ Ивану Первопечатнику. Загородили Проломныя ворота и торговля упала. Строили по русскому обычаю цѣлые годы, и Астаповъ принужденъ былъ продать лавку.

Второй изъ пріятелей Н. П. Бочаровъ—энциклопедія старой Москвы. Живой, ходячій русскій архивъ.

Трактиръ грязный, въ подвалѣ, яма какая-то. Со стѣнъ течетъ, ползаютъ мокрицы. Но это нисколько не мѣшаетъ задушевнымъ разговорамъ.

Пріятели сдѣлали «Яму» своей резиденціей. Около нихъ всегда масса знакомыхъ. Сидятъ, бесѣдуютъ. Отъ книги и русской старины одинъ шагъ до Бога. Даже шага нѣтъ. Русскій простой человѣкъ именно въ трактирѣ больше всего любитъ говорить о божественномъ. За «книжниками» въ трактиръ потянулись «богоискатели».

Появилась библія. Стали спорить. Дальше-больше и «Яма» сдѣлалась Меккой для людей, любящихъ религіозные

разговоры. Н. П. Бочаровъ и А. А. Астаповъ уже давно перестали ходить туда, избрали другія мѣста для своихъ «книжныхъ» бесѣдъ, а «Яма», какъ мѣсто религіозныхъ собесѣдованій, крѣпла и развивалась.

Время было тогда темное, какъ и теперь. Некуда было нести свои религіозныя сомнѣнія. Негдѣ найти отвѣта на вѣчные вопросы. А сомнѣній было много. Душевныхъ терзаній еще больше.

Въ русской кузницѣ стучали тогда два тяжелыхъ молота опускаясь на головы «инако мыслящихъ». Даже тѣнь религіознаго сомнѣнія вызывала преслѣдованія:

— Раскольникъ! Еретикъ!—клеймили сомнѣвающихся.

Еретиковъ и раскольниковъ гнали. Все, что не церковно-православнаго, было осуждено на адъ земной и загробный. Ересью считалось и сектанство и простое колебаніе въ вѣрѣ. Сомнѣваться было опасно. Еще опаснѣе признаваться въ сомнѣніи. Никакихъ споровъ съ сектантами не допускалось:

— О чемъ же намъ спорить съ еретиками?

«Раскольниковъ» «убѣждали» русскими средствами. На собесѣдованіяхъ около каѳедры располагались добровольцы, темные, какъ формуляръ Дубровина. Они оказывали «медвѣжью услугу» миссіонеру.

Теперь толпа не та, и эти прихвостни ограничиваются крикомъ:

— Анаѳема! Безбожникъ! Сгоришь въ аду!

А прежде не стѣснялись:

— Бить его, православные!

И били.

Нельзя было говорить, нельзя писать. А между тѣмъ духъ религіозной совѣсти неудержимо рвался на волю. И «Яма» сдѣлалась клапаномъ для выхода протестантскихъ паровъ. Тамъ не только говорили о «божественномъ». Тамъ учились и проповѣдывали. Въ «Яму» шли православные. Они говорили:

— Любопытно послушать заблуждающихся...

Слушали и иногда уходили съ опущенной головой и разбросанными мыслями:

— Что-то неладно у насъ.

Шли сомнѣвающіеся:

— Не найдемъ ли отвѣта на проклятые вопросы?

И нерѣдко уходили твердой поступью:

— Теперь все понятно.

Приходили уже готовые люди. Они несли сюда и горячій, страстный темпераментъ, и мысли, а порой и цѣлыя религіозныя системы — плоды долгихъ думъ и многолѣтняго опыта.

Здѣсь все это клалось въ общій котелъ. Варилось, кипѣло, бурлило.

Карамзинъ сказалъ:

— Если хочешь знать Россію, побывай въ Москвѣ.

«Яма» была мѣстомъ, гдѣ можно было до извѣстной степени узнать о религіозной мысли всей Россіи.

Всѣ секты, толки, теченія имѣли здѣсь своихъ представителей. Въ «Ямѣ» собирались по воскресеньямъ. Много было постоянныхъ посѣтителей, всегда были и «проѣзжіе». Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали. Сталкивались, спорили и разносили по странѣ новыя мысли, свѣжіе слухи. Цѣлый рядъ извѣстныхъ лицъ въ разное время посѣтили «Яму». Были В. Г. Чертковъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. Н. Чириковъ, С. Н. Булгаковъ, Н. А. Бердяевъ, А. М. Бодянскій, Ѳ. А. Страховъ, І. П. Брехничевъ, П. В. Великановъ и др. Самъ Л. Н. Толстой хотѣлъ побывать въ «Ямѣ», но не могъ этого осуществить до сихъ поръ.

«Яма» была самобытное учрежденіе. Ни бумагъ за номерами, ни канцеляріи, ни печати, ни начальства, ни подчиненныхъ, ни различія политической окраски. Здѣсь всѣ были равны, всѣ имѣли право голоса и не стѣснялись высказывать наболѣвшія мысли.

Въ «Ямѣ» не было собраній въ томъ видѣ, какъ принято ихъ понимать. Въ грязномъ трактирѣ 3-го разряда сидѣли неизвѣстнаго званія люди за чайными столиками, пили чай и перекидывались со стола на столъ словами. Иногда тѣ, коимъ «сіе вѣдать надлежитъ», заходили и спрашивали хозяина:

— Кто такіе будутъ?

— Не знаемъ.

— Что дѣлаютъ?

— Извѣстное дѣло — чай пьютъ.

— А о чемъ разговариваютъ?

— О Богѣ больше, о душѣ...

— Ну, это не по нашему департаменту. А политики не касаются?

— Ни Боже мой!..

— Ну, и пусть себѣ разговариваютъ на здоровье!

Подъ какой параграфъ закона подведешь людей, которые пьютъ чай въ трактирѣ и разговариваютъ?

О «Ямѣ» знали всѣ. И «Яма» существовала двадцать лѣтъ.

Я ниже попробую нарисовать рядъ портретовъ посѣтителей «Ямы».

«Первые Сектанты».

Лѣтъ тридцать тому назадъ въ Москвѣ было двое замѣтныхъ людей: Э. И. Синицинъ и С. В. Васильевъ. Синицинъ служилъ у извѣстнаго Смирнова на водочномъ заводѣ. Служилъ долго. Но однажды пришелъ къ хозяину и сказалъ:

— Во имя Господа говорю... Хоть ты и землякъ мнѣ, но дьявольскимъ дѣломъ ты занимаешься!..

Почему ему вздумалось вдругъ обличать Смирнова? Самъ ли дошелъ онъ до этой мысли, или подъ чьимъ-нибудь воздѣйствіемъ — неизвѣстно. Его, конечно, прогнали со службы. Тогда онъ вмѣстѣ съ Васильевымъ надѣлъ сумку библейскаго общества и сталъ продавать евангелія на русскомъ языкѣ.

Всѣ ихъ знали въ Москвѣ и уважали. Эти два крѣпкихъ дуба ходили по городу и говорили:

— Братіе, весь смыслъ вашей жизни въ Евангеліи. Купите!

Невелика ихъ проповѣдь. Но сами они отъ нея преисполнялись необычайно радостнымъ настроеніемъ. Встрѣ-

титъ Синицинъ хитровца, ласково похлопаетъ по плечу и говоритъ ему:

— Ну, что ты, братъ, пріунылъ? Чего ты хочешь? Смотри, какой богатый, веселый міръ. Все твое... Какой домъ ты желаешь? Выбирай!

Ведетъ его въ трактиръ и за парой чая продолжаетъ:

— Весь міръ нашъ! Всѣ его радости — наши радости!.. Зачѣмъ тебѣ золото и брилліанты, когда самъ Богъ на тебя смотритъ и улыбается...

И прививалъ свое радостное, дѣтское настроеніе самому мрачному пессимисту.

Когда стала распространяться пашковщина, оба проповѣдника подпали подъ ея вліяніе, но остались сильными людьми.

Однажды Степана Васильевича зачѣмъ-то потребовали въ охранное отдѣленіе. Донесъ, что ли, кто.

— Чѣмъ ты занимаешься? — строго спрашиваетъ чиновникъ.

А тотъ вмѣсто отвѣта:

— Разрѣши помолиться!

Сталъ на колѣни Степанъ Васильевичъ и началъ громко молиться:

— Вразуми, Боже, что отвѣчать мнѣ князьямъ міра сего, вразуми и ихъ...

Долго молился и не то растрогалъ чиновника, не то просто ему надоѣлъ. Тотъ просмотрѣлъ его бумаги и сказалъ:

— Уходи!

А Степанъ Васильевичъ:

— Купи, братъ, Евангеліе!

Тотъ купилъ книжку у «чудака». И Васильевъ долго разсказывалъ:

— Богъ-то, Богъ-то! Что можно сдѣлать вѣрой! Попалъ въ пасть льву рыкающу и усмирилъ его.

Когда Синицинъ умиралъ, то за три дня до смерти позвалъ къ себѣ въ клинику трехъ своихъ друзей, между прочимъ, Степана Васильевича.

— Лежитъ строгій, — разсказывалъ мнѣ одинъ изъ нихъ. — Я ему и говорю: «Готовъ ли Иванычъ! Разсчетъ съ Отцомъ Небеснымъ скоро. Готовъ ли предстать?» А онъ: «Все, что мнѣ поручено Богомъ, я исполнилъ. Я спокоенъ и готовъ».

Потомъ приподнялся немного и началъ.

— Я ухожу къ Отцу моему... Но кого я оставлю послѣ себя? Кто останется въ Москвѣ?.. Кому поручить ее, матушку?

И сталъ бичевать недостатки всѣхъ трехъ своихъ друзей.

— Свѣщи горящія подъ спудомъ!.. Кто будетъ вести дѣло послѣ меня?

Всѣ смущенно молчали. Степанъ Васильевичъ вдругъ упалъ на колѣни:

— Давайте помолимся! Можетъ-быть, Богъ откроетъ!..

И долго около умирающаго слышалась проникновенная молитва «Вразуми, Господи»...

Степанъ Васильевичъ живъ. Это одинъ изъ столповъ «Ямы». Крѣпкій, весь заросшій кудлатой бородой, семидесятилѣтній старикъ съ библейскимъ лицомъ. Я видѣлъ его у баптистовъ — прежнихъ пашковцевъ. Онъ читалъ все ту же молитву: «Вразуми, Господи!»

Видѣлъ его въ «Ямѣ» ораторствующимъ. Спутанная, неграмотная, но сердечная русская рѣчь. Призывы къ любви и миру.

— О чемъ мы тутъ споримъ? Отецъ нашъ Небесный заповѣдалъ любовь...

Однажды мы были съ нимъ на докладѣ С. Н. Булгакова въ религіозно-философскомъ обществѣ. Докладъ былъ блестящій, но для простого человѣка совершенно непонятный. На каждомъ шагу выраженія: «апокалиптика», «хиліазмъ», «соціологія», «эсхатологія» и т. п. Словомъ, докладъ не для Степана Васильевича. Онъ слушалъ-слушалъ. А потомъ вышелъ оппонировать. И сказалъ такъ:

— Вѣдь народъ создалъ интеллигенцію? А зачѣмъ же онъ читаетъ не для народа? Христосъ приходилъ къ народу и съ нимъ бесѣдовалъ понятно. Что толку для народа, что

мы здѣсь философствуемъ? Нужно заботиться о народѣ, а не о себѣ.

И такъ далѣе. Народъ, народу, о народѣ... Предсѣдателю пришлось остановить старика. Но впечатлѣніе осталось...

Баптистъ Степанъ Васильевичъ, конечно, плохой. За «образъ мыслей» община лишала его «преломленія хлѣба» и даже исключала изъ своей среды. Душа старика рвется къ простору, свободѣ и не хочетъ держаться въ рамкахъ «искупленства».

Вообще онъ «бывшій». Онъ игралъ большую роль въ евангелическомъ движеніи, когда оно не было сектой, не вылилось еще въ сухую, ограниченную догму; а представляло безформенный, но горячій протестъ противъ установившихся формъ религіозныхъ вѣрованій.

Тогда въ Москвѣ собирались тайно. Пропускали съ паролемъ. Говорили не въ очередь, а по вдохновенію... Не на опредѣленную тему, а «кому что Господь подскажетъ, кто зажгется». И рѣчи были яркія, страстныя. «Ударяли по душѣ».

Потомъ обыкновенно приходила полиція, окружала и вела всѣхъ въ участокъ переписывать. По дорогѣ публика спрашивала:

— Кого это ведутъ?

— О Богѣ, слышь, говорили, да не ладно...

— А!..

И толпа арестованныхъ увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ части. Въ цѣпь входили добровольцы.

Тогда Степанъ Васильевичъ былъ «сплачъ». Но потомъ наступило торгово-религіозное время евангелизма. Онъ застылъ въ опредѣленной легальной формѣ. Сильные люди изъ него ушли и образовали: одни группу безсмертниковъ, другіе—раціоналистовъ подъ разными названіями. А Степанъ Васильевичъ остался доживать вѣкъ въ евангелизмѣ.

Рядомъ съ нимъ для контраста нужно поставить типичнаго современнаго евангелиста.

Евангелистъ.

Ѳедоръ Савельевичъ — человѣкъ не безызвѣстный торговой Москвѣ. Глядя на эту крѣпко сколоченную купеческую фигуру, невольно думаешь:

— Какая нелегкая занесла тебя въ сектантство?

Внушительный, «благолѣпный» замоскворѣцкій видъ. Какъ шла бы къ нему золотая медаль «за усердіе». Его мѣсто — за свѣчнымъ ящикомъ, гдѣ-нибудь у Николы на курьихъ ножкахъ. Онъ ходилъ бы съ тарелочкой по церкви, а потомъ долго бы звякалъ мѣдными пятаками. Во время херувимской, когда молящіеся повергнутся ницъ, и наступаетъ самая торжественная минута, онъ кричалъ бы не стѣсняясь:

— Павелъ! Пашка! Не видишь, что-ль, съ паникадила течетъ?

И Пашка въ закапанной воскомъ ливреѣ летѣлъ бы къ иконѣ, расталкивая молящихся.

А послѣ обѣдни — пирогъ съ вязигой. И батюшка на почетномъ мѣстѣ. Калякаютъ о приходскихъ дѣлахъ, о томъ, что мало вѣры въ народѣ осталось, вздыхаютъ и угощаются.

— Да вы пожирнѣй-то, отецъ! Нонѣ, слава Богу, вязига-то недорогая...

— Сама покупала въ Охотномъ,—откликалась изъ за самовара хозяйка.

А послѣ пирога диванъ.

— Постели-ка, мать, мнѣ. Что-то усталъ за обѣдней. Отецъ Степанъ долго вычитывалъ. О-о-о-охъ!

Домъ у Ѳедора Савельевича въ Замоскворѣчьѣ такой же «обстоятельный», какъ и хозяинъ. Широкій, крѣпкій. Войдешь въ ворота — ягодный ароматъ бросается въ носъ. Тутъ, на дворѣ, паровая шоколадная и конфектная фабрика Ѳедора Савельевича.

— Прошу покорнѣйше въ контору, — привѣтствовалъ меня хозяинъ, когда я зашелъ къ нему.

Тѣсная комната. Двѣ конторки, за которыми сидятъ

лва «молодца» и щелкаютъ на счетахъ. Въ углу столъ — мѣсто Ѳедора Савельевича. За спиной у него несгораемый ящикъ.

Иконы нѣтъ. Стѣны украшены плакатами.

— «Исполнилось время, — читаю я, — и приблизилось царствіе Божіе: покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе!»

И тутъ же рядомъ: «Особенно рекомендую попробовать карамель «Дамскіе язычки»...

Портретъ Л. Н. Толстого. А около надпись: «Конфеты: Труды Толстого».

Принесли чай. Вмѣсто сахара — свѣжій мармеладъ. Ѳедоръ Савельевичъ раскрылъ Библію и положилъ около нея «Гусли». Это—спутники евангелиста. Завязалась бесѣда.

Семь лѣтъ тому назадъ Ѳедоръ Савельевичъ былъ такой, какъ всѣ люди его среды. Примѣрный прихожанинъ. Службъ не пропускалъ. При удачахъ ставилъ свѣчи потолще, при неудачахъ — покупалъ за три копейки. На тарелочку клалъ мѣдь. Бѣднымъ раздавалъ семишники. Ночью ходилъ въ часовню св. Пантелеймона или къ Иверской. И тамъ молился. Весь великій постъ воздерживался отъ скоромнаго. Говѣлъ и каялся.

— И вся моя жизнь была однимъ раскаяніемъ. Ничего особенно дурного я за собой не замѣчалъ, а каялся и каялся...

Въ это время дѣла его были плохи. Онъ сидѣлъ въ лапахъ у ростовщика, фабрика только начиналась и съ самыми дурными предзнаменованіями: не было денегъ, не было кредита..

— И все чаще и чаще стала посѣщать меня мысль: гдѣ я буду вѣчность проводить?

Страшно стало Ѳедору Савельевичу. Онъ все ниже и ниже наклонялъ голову къ холодному церковному полу, но мрачныя мысли не оставляли его.

— Господи, спасусь ли я? Я же каюсь!...

Оторветъ голову отъ пола. А сбоку картина. Страшный судъ. Торжествующій дьяволъ, окружившій огромною цѣпью грѣшниковъ и влекущій ихъ въ адъ. Впереди—митрополиты, архіереи...

— Какъ, — думаетъ Өедоръ Савельевичъ, — и они въ адъ? Они, наши святители, поучающіе насъ? Изъ ихъ рукъ мы принимаемъ Святые Дары... Если и они пойдутъ къ дьяволу, что же я, маленькій слабенькій, ничтожный? Я уже обязательно буду тамъ...

И черная дума терзала Өедора Савельевича. Онъ плакалъ отъ горя и отчаянія по ночамъ.

— Зачѣмъ же меня призвали къ жизни? Я вовсе не хотѣлъ родиться!

Проходилъ моментъ бунта, но оставалась тяжелая мысль:

— Какой жестокій Богъ въ нашемъ приходскомъ храмѣ?

Однажды онъ слушалъ слово Божіе въ церкви. На этотъ разъ священникъ читалъ внятно. И до уха Өедора Савельевича донеслось выраженіе:

— «И грѣховъ вашихъ, и беззаконій вашихъ не вспомяну»...

— Что такое?! Лучъ свѣта въ темницѣ. Неужели? Вотъ счастье... Гдѣ эти слова?

Өедоръ Савельевичъ прибѣжалъ домой, бросился къ Евангелію, котораго прежде не читалъ, и сталъ искать. Но найти не можетъ.

— Я къ священнику,—разсказывалъ онъ. Гдѣ—говорю, эти слова?—Успокойся, чадо, успокойся.—говоритъ тотъ.

— Я разсказалъ ему о своихъ терзаніяхъ. Онъ въ отвѣтъ:—Богъ проститъ, а ты кайся, чадо, кайся!

— Да я каюсь...

Сталъ Өедоръ Савельевичъ ходить по алтарямъ, со священниками бесѣдовать.

— Зайдешь, а у нихъ кучи просвирокъ наложено. Работы іерею по горло. А я съ вопросомъ: «Какъ буду вѣчность проводить?» Мысли свои черныя высказываю, о пути Божьемъ спрашиваю—гдѣ онъ? Сначала говорили:—«Да ты молись, просвирку вынь о здравіи, Богъ и укажетъ». А потомъ стали гнать изъ алтаря,— потому мѣшалъ имъ просвирки освящать.

— Какъ же вы, пастыри, меня гоните, говорю.—Къ кому же мнѣ тогда обратиться?

Возмутился Өедоръ Савельевичъ. Пришелъ домой и засѣлъ за Евангеліе.

— Самъ найду!

Прочелъ всѣ четыре Евангелія на славянскомъ языкѣ. Ничего не понялъ. Взялъ русскій текстъ. Началъ снова читать, вдумываться. И вотъ, въ самомъ концѣ, въ Евангеліи отъ Іоанна, натолкнулся на такое выраженіе:

«Дѣти, прощены грѣхи ваши, ради имени Его...»

— Господи, какое это было счастье,—разсказываетъ Өедоръ Савельевичъ—какая радость!

Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, отъ радости. Все сразу окрасилось въ другой цвѣтъ. Все улыбалось, смѣялось, ласкало. Весь его міръ озарился тепломъ.

— Я понялъ, что спасенъ...

И тяжесть спала съ плечъ...

Өедоръ Савельевичъ оторвался отъ воспоминаній. Это было такъ давно, въ періодъ его религіозной юности. А теперь онъ спокоенъ. Въ Библіи онъ, какъ у себя въ несгораемомъ ящикѣ. Знаетъ каждый уголокъ.

— И сказалъ Господь... Вы знаете, вся Библія—одно сплошное прощеніе...

Листы книги быстро мелькали. Онъ искалъ необходимый текстъ. Задребезжалъ надъ ухомъ телефонъ. «Молодецъ» сорвался съ конторки и взялъ трубку.

— Что? Два восемь гривенъ?

— Өедоръ Савельевичъ,—обратился онъ къ хозяину,—Семенъ Ивановичъ даетъ два восемь гривенъ.

— Три—крайняя цѣна,—не отрываясь отъ текста, отвѣтилъ хозяинъ,—«и сказалъ Господь: кровь Господа нашего Іисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха»...

— Мы всѣ уже спасены Христомъ,—продолжалъ Өедоръ Савельевичъ.—Объясню вамъ на примѣрѣ: я долженъ вамъ сто тысячъ по векселю, вы являетесь ко мнѣ и разрываете вексель. Вы, значитъ, меня спасли отъ тюрьмы. Такъ и Христосъ: Онъ разорвалъ нашъ вексель и спасъ насъ отъ долговъ. Итакъ, для спасенія нужна одна только вѣра въ искупленіе, вѣра въ Христа.

— А дѣла?

— Дѣла... они вытекаютъ изъ вѣры сами собой... Въ писаніи сказано. «И вѣра вмѣняется ему въ праведность»... Дѣлать можетъ не всякій, а только богатый, сильный, здоровый, а вѣрить—всякій: и хромой, и слѣпой, и нищій... Спасеніе является подаркомъ за вѣру. Дѣлами же люди благодарятъ за спасеніе... Дѣлаемъ не мы, дѣлаетъ въ насъ Христосъ, но для того, чтобы Онъ дѣлалъ, нужна вѣра въ Него.

Повѣривъ въ свое спасеніе, Ѳедоръ Савельевичъ разорвалъ съ церковью.

— Что мнѣ тамъ дѣлать, нашъ Богъ—любовь. Тамъ крестятся, молятся, вѣнчаютъ, но не учатъ. Отъ того кабаки и тюрьмы переполнены.

Евангелисты иконъ не имѣютъ, таинствъ не признаютъ. Совершаютъ лишь «преломленіе хлѣба».

— Разбойникъ, висѣвшій съ Христомъ, не причащался, но попалъ въ рай.

Какъ разъ въ то время, когда Ѳедоръ Савельевичъ «нашелъ Бога», дѣла его поправились. Кто-то изъ евангелистовъ далъ ему, какъ «своему» нѣсколько тысячъ для оборота. И сейчасъ онъ сидитъ на сотняхъ тысячъ.

— Богъ за вѣру подаетъ...

— Ну, а страшнаго суда,—говорю я Ѳедору Савельевичу,—вы не боитесь?

— Нѣтъ. Судъ уже былъ тогда, когда Христосъ умеръ. Послѣ же нашей жизни будетъ лишь вынесенъ «приговоръ въ окончательной формѣ». Но люди, вѣрящіе въ искупленіе Христа, знаютъ этотъ приговоръ. Если бы ангелъ прилетѣлъ съ неба и сказалъ, что я пойду въ адъ, я не повѣрилъ бы,—сказалъ Ѳедоръ Савельевичъ, закрывая Библію.

Я любовался этимъ спокойнымъ, примиреннымъ лицомъ. Какая гармонія мыслей и жизни! Волосокъ къ волоску подобрана его круглая борода, ясно лоснится лысая голова, ни одного нервнаго жеста, ни одного неожиданнаго движенія. Все приведено въ порядокъ, въ систему, все освѣщено однимъ свѣтомъ:

— Я спокоенъ, я безусловно спасенъ!...

Закопченный и въ то же время конченный, замороженный человѣкъ. Онъ уже не ищетъ Бога, онъ его нашелъ. Его Богъ—добрый, покладистый, не требовательный. Онъ не мѣшаетъ ему заниматься торговлей и строить дома, когда кругомъ воздухъ сотканъ изъ слезъ, горя, несчастья...

И мнѣ хотѣлось видѣть прежняго, ищущаго, страдающаго, бунтующаго Ѳедора Савельевича. Хотѣлось представить его лицо съ больнымъ вопросомъ въ глазахъ:

— Какъ буду вѣчность проводить!

Я посѣщалъ евангелическія собранія. И тамъ тотъ же отпечатокъ спокойствія и унылаго однообразія меня поражалъ. Ихъ напѣвныя «Гусли» тихо, пушкомъ ложились на сердцѣ... А стѣны давили.

Но число евангелистовъ непрерывно растетъ. Евангелическое движеніе широкой волной разливается по Россіи.

«Безсмертники».

По характеру и общему религіозному настроенію на Степана Васильевича похожъ другой «силачъ» изъ «Ямъ»—Алексѣй Егоровичъ. Тоже столбъ, врытый глубоко въ русскую почву.

Громадный, сивая голова, въ дубленомъ крашеномъ короткомъ полушубкѣ. Подъ мышкой всегда узелокъ. Это чулки. Алексѣй Егоровичъ ихъ продаетъ на толкучкѣ и по трактирамъ и этимъ кормится.

— Самъ Савва Морозовъ не могъ со мной конкурировать,—смѣется онъ,—убѣжалъ отъ меня за границу и тамъ умеръ.

Алексѣя Егоровича знаютъ всѣ трактиры, ряды, Замоскворѣчье, кухни большихъ ресторановъ, даже желѣзная дорога къ Макарію и весь Макарій.

Войдетъ ли въ лавку, хозяинъ оторвется отъ дѣлового разговора и скажетъ:

— Почтеніе Алексѣю Егоровичу.

Основаніе уваженія въ характерѣ Алексѣя Егоровича. Такого спокойствія и самоувѣренности въ хорошемъ смыслѣ этого слова, какъ у него, трудно себѣ представить. Если бы въ открытомъ океанѣ горѣлъ пароходъ и обезумѣвшіе люди кидались бы въ воду, Алексѣй Егоровичъ стоялъ бы спокойно и говорилъ:

— Дураки! Зачѣмъ бросаются?

Онъ смотрѣлъ бы, какъ погружается пароходъ, и думалъ:

— Пусть себѣ погружается, я знаю, что придетъ моментъ, когда случится что-то и мы всѣ останемся живы. Такъ о чемъ же волноваться?

Черта русскаго характера.

— Этимъ Русь жива,—говорилъ мнѣ одинъ сектантъ.— Помните Кутузова. Всѣ волновались, а онъ сосредоточенно думалъ. «Смоленскъ? Отдайте имъ и Смоленскъ. Москву? Пусть возьметъ и Москву». И когда всѣ думали, что все погибло онъ поставилъ точку своему отступленію.

Алексѣй Егоровичъ никогда не волнуется. О завтрашнемъ днѣ не заботится. Есть рубль, и онъ говоритъ:

— Я—Савва Морозовъ. Ѣмъ то же, что и онъ. Онъ колбасу,—и я колбасу, онъ чай—и я чай...

Если онъ занимаетъ гривенникъ у такихъ же бѣдняковъ, какъ онъ самъ, то вскорѣ же отдаетъ:

— Изъ первыхъ чулокъ.

Если же бралъ у состоятельныхъ (больше гривенника или двугривеннаго онъ не занимаетъ, ему не нужно), то сознательно не отдаетъ. Говоритъ:

— Баба рѣпу сѣетъ, она и должна первая попробовать.

Его вѣра удивительная. Онъ безсмертникъ. Христосъ пришелъ дать вѣчную жизнь. Онъ пришелъ спасти отъ грѣха-смерти. Нужна вѣра въ это и человѣкъ будетъ тѣлесно безсмертенъ. Будетъ жить на землѣ вѣчно. А жизнь есть все самое лучшее. Никакой загробной жизни не существуетъ.

— Какъ же всѣ умираютъ?—спрашиваю я у него.

— Потому что людямъ привили болѣзнь—вѣру въ

смерть. Вѣдь въ писаніи же сказано: «всякій живущій, вѣрующій въ меня, не умретъ. Вѣришь ли этому?»

— Но отчего же никто не живетъ вѣчно?

— Чудаки,—любитъ отвѣчать на это Алексѣй Егоровичъ,—а развѣ вся земля открыта? Есть люди, живущіе вѣчно, но мы ихъ не знаемъ.

Безсмертниковъ въ Москвѣ кучка. Когда кто-то изъ нихъ умеръ, въ «Ямѣ» ихъ спросили:

— Какъ же такъ?

— Не устоялъ, видимо, въ вѣрѣ,—спокойно отвѣтили безсмертники.

Іисусъ Христосъ, Іоаннъ Богословъ и всѣ другіе святые живутъ, по ихъ мнѣнію, теперь на землѣ. Но гдѣ—вотъ вопросъ.

Одинъ изъ нихъ богатый человѣкъ. Онъ ѣздилъ въ Индію, Месопотамію и въ другія мѣста Востока отыскивать вѣчныхъ людей. Ему попалась книга основательницы теософіи г-жи Блавацкой. Онъ прочелъ ее и сказалъ себѣ:

— Не иначе какъ въ горахъ Индіи живутъ вѣчные люди.

Поѣхалъ туда, не зная никакого языка, кромѣ русскаго. А когда вернулся, то не любилъ разсказывать о своей поѣздкѣ.

— Не нашелъ никого,—передавалъ съ грустью одинъ изъ безсмертниковъ.

Какъ могъ простой русскій человѣкъ создать такую совсѣмъ «нерусскую» вѣру?

Какъ могъ возникнуть такой своеобразный религіозный оптимизмъ среди всеобщей вѣры въ загробную жизнь?

Любопытно, что основателемъ секты «безсмертниковъ» былъ мелкій комиссіонеръ П. И. Морозовъ, человѣкъ съ плохимъ, больнымъ сердцемъ и надорваннымъ здоровьемъ. Такой человѣкъ увѣровалъ въ свое безсмертіе.

— Я буду жить вѣчно,—говорилъ онъ.

А самъ умиралъ на глазахъ у всѣхъ. И умеръ.

«Святодуховецъ».

Рядомъ съ Алексѣемъ Егоровичемъ нужно поставить «святодуховца» Фокса *). Онъ былъ, какъ самъ говоритъ, когда-то поэтъ и литераторъ. Теперь же онъ ни болѣе ни менѣе, какъ «посланникъ неба», которому поручено Богомъ открыть людямъ третій Завѣтъ, Завѣтъ Святого Духа. Первый Завѣтъ—Ветхій, второй—Евангеліе, а третій—Фокса.

Онъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ спиритуалистовъ. Усвоилъ себѣ буддійское ученіе о переселеніи душъ. На землѣ вѣчный круговоротъ. Грѣшные люди своими грѣхами ухудшаютъ свою породу, и послѣ смерти души ихъ возвращаются вновь на землю и въ наказаніе воплощаются въ какія-нибудь несовершенныя существа. И потому именно на землю, что земля одна изъ худшихъ планетъ. Христосъ и другіе святые перешли на высшія планеты.

У Фокса такая славная родословная—отъ Іуды Искаріота. Душа Іуды воплотилась въ апостола Павла. Душа апостола Павла—въ Павла Коломенскаго, а ужъ отъ Павла Коломенскаго перешла къ Фоксу.

Христосъ по Фоксу—Адамъ, который черезъ Еноха, взятаго живымъ на небо, воплотился въ Христѣ.

— Не я живу,—заявляетъ онъ,—а живетъ во мнѣ Духъ Божій.

Хотя Фоксъ поэтъ, но его «проповѣдь» суха, какъ обвинительный актъ. Легендный буддизмъ въ его устахъ принимаетъ форму отношенія сиротскаго суда за номеромъ такимъ-то.

Въ душѣ у него нѣтъ огня, а въ движеніяхъ одно земное безпокойство. Онъ не только не откроетъ третьяго Завѣта, но закроетъ для своихъ единомышленниковъ и два первыхъ. Впрочемъ единомышленниковъ у него, кажется, нѣтъ.

Хотя онъ и «посланникъ неба», но очень любитъ земные авторитеты.

*) Имя вымышленное.

— Я съ Мережковскимъ знакомъ,—любитъ говорить Фоксъ,—и онъ думаетъ по-моему.

Когда въ Ямѣ появился какъ-то П. Д. Боборыкинъ, «пророкъ» забылъ о своей миссіи и услаждалъ писателя воспоминаніями о своей прежней литературной дѣятельности.

«Яма»—болѣющая вопросами религіи—не любитъ такого легкомыслія. И къ «небожителю», поэтому, питаетъ небольшое уваженіе.

«Пророкъ Іезекіиль».

Аборигеномъ «Ямы» нужно считать одного старичка, торгующаго живыми рыбками на Трубной площади. Прозвище ему—«пророкъ Іезекіиль» .Внѣшность у него библейская.

Былъ когда-то богатъ, но разорился. Его политическіе взгляды черны. Но это не уничтожаетъ въ немъ оригинальности его религіозныхъ воззрѣній.

Любитъ говорить «изъ святыхъ отецъ», славянскими выраженіями, на о.

— Постойте, я вамъ рѣчь скажу... И въ Римѣ столбъ стоялъ...

И что-нибудь изъ Голубиной книги.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, такъ сказать, «нѣтовецъ», отрицающій все: и Библію и Евангеліе. Въ особенности онъ не любитъ синодскаго Евангелія на русскомъ языкѣ. А «древнюю» печать «уважаетъ»:

— Нѣтъ искаженій.

Отъ «святыхъ отецъ» онъ поучается, но за авторитетъ не признаетъ. Какая-то смѣсь атеизма со старообрядчествомъ.

— Одна книга должна быть у людей,—говоритъ онъ. И въ ней всего два листа. На первомъ написано небо, на второмъ—земля. Въ эту книгу каждый человѣкъ и долженъ заглядывать.

Откуда-то въ его голову залетѣла теорія преадамитовъ. Можетъ-быть вычиталъ гдѣ-нибудь.

— Люди на землѣ были всегда, но до Адама они были на положеніи животныхъ, лишь въ Адамѣ начало человѣческаго...

Когда его спустишь съ облаковъ, онъ не теряется и на землѣ:

— Благодать давно ушла на небо. Въ Успенскомъ соборѣ сидятъ книжники и фарисеи. Вездѣ мерзость и запустѣніе...

Три товарища.

Давно уже, въ началѣ 90-хъ годовъ, начали посѣщать «Яму» трое товарищей: Дегтяревъ, Ивановъ и Шуваевъ.

Всѣ они совершенно разныхъ религіозныхъ убѣжденій, но это не помѣшало имъ быть друзьями. Портной—Шуваевъ былъ послѣдователемъ Толстого. Дегтяревъ выступалъ на ямскихъ бесѣдахъ отъ старообрядцевъ, а Ивановъ былъ православный и въ послѣдніе годы даже миссіонеръ, состоящій на жалованьѣ отъ епархіальнаго начальства.

Всѣ трое они когда-то ходили къ Л. Н. Толстому, когда еще онъ зимой жилъ въ Хамовникахъ. А. Д. Ивановъ мнѣ разсказывалъ объ одномъ изъ такихъ посѣщеній.

Они пришли къ Толстому спросить: «како вѣруеши?» Послѣ нѣкотораго разговора онъ вскочилъ съ мѣста и взволнованно сказалъ имъ:

— Я только что, слава Богу, выскочилъ изъ болота, а вы меня опять туда пихаете!

Разумѣлось православіе.

Произошла неловкая сцена. И вопрошающіе ушли отъ Толстого, чтобы уже болѣе съ нимъ не видѣться.

Дегтяревъ былъ странный старообрядецъ. Въ Москвѣ старообрядцы всѣхъ толковъ соединены въ общины. Внутри общины каждый знаетъ другъ друга. Но Дегтярева никто не знаетъ за старообрядца.

Я спросилъ какъ-то о немъ извѣстнаго старообрядческаго писателя и начетчика Ф. Е. Мельникова. Тотъ отвѣтилъ, что не знаетъ Дегтярева, какъ старообрядца.

Но Дегтяревъ интересенъ не какъ старообрядецъ. А какъ человѣкъ, совершенно запутавшійся въ Кантѣ. Чтобы изучить Библію, онъ началъ изучать Канта. А такъ какъ человѣкъ онъ простой, то и завязъ въ топи кантовскихъ терминовъ.

— Что есть нуменъ и феноменъ?—вопрошалъ онъ однажды при мнѣ аудиторію «Ямы».

Но въ мѣру своихъ понятій и ума онъ человѣкъ не мелкій. Его мысль остановилась на аскетизмѣ соловьевскаго вида:

— Весь смыслъ жизни въ страданіяхъ. Нужно уничтожить похоть желанія...

Въ жизни Дегтярева хотя и не аскетъ, но человѣкъ безъ излишествъ.

Дегтяревъ въ послѣдній годъ пересталъ ходить въ «Яму». Кого-то въ пылу спора обругалъ. И наложилъ на себя «казнь плоти»—обѣтъ непосѣщенія «Ямы».

Миссіонеръ.

Любопытная фигура А. Д. Ивановъ. Когда-то былъ фабричнымъ рабочимъ, набойщикомъ. Но еще въ инспекторство Янжула былъ уволенъ, какъ представитель рабочихъ, передавшій ихъ петицію начальству. Потомъ служилъ въ библіотекѣ единовѣрческаго монастыря. Былъ строгій православный церковникъ. Человѣкъ начитанный, умный, вдумчивый.

Когда я слушалъ его въ «Ямѣ», мнѣ вспомнился одинъ случай, разсказанный у Гюйо въ книгѣ: «Иррелигіозность будущаго». Епископъ Калензо въ Наталѣ разъяснялъ новообращеннымъ Ветхій Завѣтъ. Слушатели долго слушали и, когда онъ кончилъ, то сказали ему:

— Дай намъ честное слово, что все, что ты сказалъ, вѣрно.

Епископъ далъ и съ той поры задумался. Сталъ вчитываться въ Библію и черезъ годъ началъ отрицать всѣ библейскія сказанія.

Съ Ивановымъ произошло нѣчто въ родѣ этого. Былъ строгій церковникъ, защищалъ «устои». Но такъ какъ человѣкъ онъ искренній и глубоко вѣрующій, то критика его доводовъ со стороны другихъ лицъ невольно заставляла его задумываться.

Онъ и теперь все тотъ же защитникъ православія, но православія чистаго, евангельскаго, а не внѣшняго, условнаго. Онъ уже говоритъ:

— У насъ самихъ разруха. Какъ же мы можемъ вліять?

Понятно, что онъ изгой въ своей средѣ.

Положеніе Иванова очень шаткое. А дома у него семья. Отнимутъ 60 руб. жалованья и начнется нужда. А между тѣмъ убѣжденій онъ твердыхъ и противъ совѣсти не пойдетъ. Увольненіе—его Дамокловъ мечъ, заставляющій его всегда переживать душевную драму.

Съ нимъ вмѣстѣ въ «Яму» ходилъ одно время другой православный—Иванъ Герасимовъ *). По службѣ конторщикъ. Оппонентъ не глупый, говоритъ красиво. Но глазъ не сводитъ съ Иванова.

— Ты, Митричъ, отъ кого это говоришь, отъ себя лично?— язвитъ онъ иногда миссіонера.

А однажды пришелъ и сказалъ:

— Митричъ, Митричъ! А я вѣдь на тебя донесъ!

— Куда?

— Въ миссію. Присаживайся чай пить!

— Да за что?

— Говоришь не по-православному... Такъ не полагается.

И сидятъ за однимъ столомъ двое «пріятелей»: доносчикъ и его жертва, наливаютъ чай изъ одного чайника, балагурятъ. Митричу, конечно, невесело отъ такого «товарища», но въ «Ямѣ» такъ всѣ привыкли къ общему столу, общему чаю и общей бесѣдѣ, что на демонстранта поглядѣли бы съ удивленіемъ. «Митричъ» къ тому же очень кроткій и смирный человѣкъ.

---

*) Имя вымышленное.

Была мысль бойкотировать Герасимова за доносъ на «Митрича», но какъ-то не привилась. Сыщиковъ, впрочемъ, въ Ямѣ всегда хоть отбавляй. Переодѣтые, а то и въ натуральномъ видѣ.

«Никита».

Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей «Ямы» Никита, фамиліи его не знаютъ. Ему лѣтъ 50. Философія его не сложная. Къ гегелевскому «все существующее разумно» онъ прибавилъ: «и свято».

— Всякое злое и доброе хотѣніе и желаніе,—говоритъ онъ,—производитъ въ насъ Богъ.

Никита дѣлаетъ исключеніе лишь для дураковъ:

— Иногда люди не отдаютъ себя Богу, а думаютъ, что дѣлаютъ сами; между тѣмъ дѣлаетъ въ нихъ дурость.

Самъ Никита весь «въ руцѣ Божіей». Предается всѣмъ излишествамъ. Онъ бѣденъ. Но у него есть другъ-единомышленникъ, богачъ-бакалейщикъ. Никита привилъ ему свою философію и споилъ. Денегъ бакалейщикъ не даетъ, а водки сколько хочешь. Сидятъ они оба раздѣтые, разутые въ ближайшемъ трактирѣ, говорятъ непремѣнно о Богѣ и пьютъ. Взойдетъ кто-нибудь, сейчасъ они съ вопросомъ:

— Кто тебя прислалъ сюда?

Избави Богъ сказать: самъ пришелъ.

— Ты самъ, ничто, плюнуть и растереть, но въ тебѣ Богъ дѣйствуетъ. Онъ тебя сюда и прислалъ за водкой.

И начнутъ ругать.

Въ «Ямѣ» однажды Никита устроилъ скандалъ. Былъ тамъ одинъ православный, сапожникъ Орловъ. Болтунъ невѣроятный. Жужжитъ, какъ комаръ. Никита слушалъ-слушалъ его, а потомъ подошелъ, и хлопъ ему пощечину.

— Богъ во мнѣ не стерпѣлъ...

Дѣло дошло до мирового. Никита былъ наивно-нахаленъ до конца и судьѣ заявилъ:

— Это Богъ мнѣ приказалъ.

Орловъ ему простилъ. Когда они вышли изъ камеры, Никита сказалъ ему:

— Дуракъ! Вотъ видишь. Богъ произвелъ въ тебѣ хотѣніе мириться, а ты на меня зачѣмъ-то подавалъ!.. Развѣ ты можешь Бога обвинять?

Помню, одинъ молодой «безбожникъ» изъ Бессарабской губерніи говорилъ въ «Ямѣ»:

— Христа въ васъ нѣтъ.

— Врешь,—перебилъ его Никита,—въ тебѣ Христа нѣтъ, а въ насъ есть.

И глаза его засверкали.

Побаивается его одинъ изъ «столповъ» «Ямы» «святодуховецъ» Фоксъ. Начнетъ онъ своимъ рѣзкимъ раздражающимъ теноромъ что-нибудь говорить. Вдругъ зычный голосъ «изъ народа».

— Замолчи! Въ тебѣ говоритъ не Богъ, а дурость.

И осѣкается «пророкъ».

Рабочій толстовецъ.

Рядомъ съ грубой фигурой Никиты нужно поставить размягченную толстовствомъ натуру рабочаго Гусакова. Въ толстовскомъ непротивленіи и любви онъ пошелъ дальше самого Толстого. Яснополянскій учитель проповѣдуетъ не убивать животныхъ и не употреблять ихъ въ пищу. Гусаковъ говоритъ, что нужно сдѣлать животныхъ совершенно равными съ человѣкомъ. Люди не должны пользоваться животными для перевозки, а должны отпускать ихъ на волю.

Бывалъ онъ не разъ у Л. Н. Толстого. Я слышалъ, что въ послѣдній разъ онъ захотѣлъ проѣхать къ нему съ семьей. Посадивъ въ тачку жену и дѣтей, запрягся самъ и привезъ ихъ въ Ясную Поляну.

Два Парамона.

Однажды въ «Яму» вошелъ необыкновенный человѣкъ. Громаднаго роста, волосы по плечи, борода огромной ло-

патой. Одѣтъ въ армякъ сѣраго солдатскаго сукна. Лѣтъ подъ 60.

Была зима, а онъ босикомъ. Ножищи, какъ гусиныя лапы. Въ рукахъ толстая суковатая палка. Вошелъ и произнесъ набатнымъ колоколомъ:

— Миръ вамъ!

Но не миръ принесъ онъ въ «Яму», а началъ съ мѣста въ карьеръ всѣхъ обличать. А обличать онъ могъ такъ, что ему позавидовали бы извозчики. Всѣхъ переругалъ.

—Что ты ругаешься? Ты же насъ не знаешь?

— Знаю, всѣ вы окаянные... И не ругаюсь я, а міръ, лежащій во грѣхахъ, призываю къ обновленію. Покайтеся, приблизилось царствіе Божіе...

Звали его Рудольфомъ. Онъ не русскій и, кажется, даже не русскій подданный. Жилъ въ Архангельскѣ. И вотъ тамъ,—своимъ ли умомъ дошелъ, или повліяли на него другіе,—но только онъ снялъ сапоги, облачился въ арестантскій халатъ и почувствовалъ себя не то Іоанномъ Крестителемъ, не то Іереміей.

Путь его лежалъ въ старый Іерусалимъ. Только тамъ еще отъ временъ Христа осталась правда и благодать. Всѣ города, которыми онъ проходилъ, были для него Содомомъ и Гоморрой. Вездѣ онъ говорилъ:

— Покайтеся, приблизилось царствіе Божіе!

Попалъ въ Петербургъ, былъ у С. Ю. Витте, когда тотъ стоялъ у власти. Витте далъ ему какой-то пропускъ. Его дѣйствительно, нигдѣ не останавливали. Да и какъ его остановить,—подойти страшно къ такому Голіафу. Когда онъ появлялся на московскихъ улицахъ, за нимъ, какъ за атлетомъ, ходила толпа.

Вездѣ онъ громилъ, но на «Ямѣ» споткнулся. Выслушали его обличенія, дали высказаться до конца, а потомъ, когда ничего у него въ душѣ не осталось, подступили къ нему съ вопросомъ:

— Да какое право ты имѣешь учить людей? Самъ-то ты кто?

И пошли. Сначала отъ писанія. Одними текстами его убили. Потомъ логикой.

Громадный, бурный Рудольфъ оказался младенцемъ, недалекимъ и податливымъ. Неловко почувствовалъ себя «Іоаннъ Креститель». Попалъ въ секту «безсмертниковъ». Тѣ кормили его и постепенно снимали съ него его «бубенчики». Говорятъ, подъ рубахой у него нашли вериги. Надѣли на него сапоги, причесали, облачили въ обыкновенное платье, и отправили назадъ въ Архангельскъ со словами:

— Не шарлатань, а дѣломъ занимайся. Зачѣмъ быть бременемъ на землѣ, когда въ плечахъ косая сажень!..

Рудольфъ такъ подчинился ихъ вліянію, что говорилъ черезъ мѣсяцъ:

— Узналъ я, что нечего дѣлать въ старомъ Іерусалимѣ. Чему тамъ поклоняться? Онъ устарѣлъ. Теперь Іерусалимъ въ Москвѣ. Здѣсь живые люди, живой духъ...

Сейчасъ онъ живетъ въ Архангельскѣ, занимается торговлей.

Рудольфъ не типичный, но все-таки Парамонъ Глѣба Успенскаго. Тотъ «душу свою спасалъ русскимъ крестьянскимъ способомъ, то-есть самымъ подлиннымъ умерщвленіемъ плоти: на головѣ носилъ чугунную, около полпуда вѣсомъ, шапку, обшитую чернымъ сукномъ, въ рукѣ таскалъ чугунную полуторапудовую палку, а на тѣлѣ носилъ вериги».

Много у насъ на Руси такихъ Парамоновъ! Они не замѣтны, но почти въ каждомъ округѣ есть свой Парамонъ, отрицатель жизни во имя спасенія души. Живетъ Парамонъ въ землянкѣ среди лѣса или въ темномъ монастырскомъ скиту. Трупомъ пахнетъ и отъ его убогаго неземного жилища, отъ его жуткаго подвига молчанія и безнадежнаго міросозерцанія. Но любитъ крестьянинъ своего Парамона. Въ его молчаніи онъ чувствуетъ свое оправданіе, а въ его словахъ находитъ утѣшеніе въ своемъ больномъ существованіи.

Прежніе Парамоны исчезаютъ. Но безъ Парамона въ деревнѣ не обойтись. Онъ тотъ крестьянинъ, который одинъ за всѣхъ и отъ всѣхъ крестьянъ «ищетъ Бога». Онъ религіоз-

ный «уполномоченный отъ общества», «ходокъ» на небо. Исчезаютъ прежніе, мрачные, на смѣну имъ являются свѣтлые Парамоны.

Такой Парамонъ «братъ Левушка». Онъ также заходитъ въ «Яму». Парамоновское мрачное «умерщвленіе» у него замѣнилось высшимъ «самоотреченіемъ». Плоть перешла въ духъ.

Левушку нельзя не замѣтить. Свѣтло-русые волосы по плечи, огненно-рыжая борода и свѣтлые, хорошіе крестьянскіе глаза. Глаза и овалъ лица придаютъ ему удивительное сходство съ Л. Н. Толстымъ въ молодости.

— Это мнѣ многіе говорили,—отвѣтилъ Левушка, когда я ему сказалъ о сходствѣ съ великимъ писателемъ.

Толстой знаетъ его, любитъ и зоветъ: «Мой тезка».

По внѣшности Левушка—Микула Селяниновичъ. «Я Микула есмь мужикъ, я Селяниновичъ, я Микула—меня любитъ мать сыра-земля». На немъ теплая рубаха, подпоясанная ремешкомъ, сверху армякъ, на ногахъ солдатскіе сапоги, а на головѣ сѣрая войлочная шляпа. Въ такомъ видѣ я встрѣтилъ его зимой въ Москвѣ. Отъ него пахнетъ черноземомъ, сырой землей.

Онъ не носитъ веригъ и чугунныхъ шляпъ, ибо умерщвляетъ не плоть, а духъ. Но съ природой онъ другъ. Онъ привыкъ къ ней. Зимой онъ ходитъ иногда босикомъ, но его босоножество не подвигъ, а средство быть здоровымъ.

— Когда сидѣлъ на одномъ мѣстѣ,—разсказывалъ онъ мнѣ,—всѣ боли чувствовалъ. Ревматизмъ такой былъ, что доктора перестали обнадеживать, къ смерти приговорили. А какъ сталъ бродить,—все какъ рукой сняло.

Онъ отрицаетъ медицину.

— Она пугаетъ насъ страхомъ болѣзней.

Его жизнь—бродяжество. Метеоромъ блуждаетъ онъ по Россіи. «Ищетъ Бога». А такъ какъ «Богъ въ людяхъ», то онъ ходитъ и смотритъ, какъ люди живутъ и что они думаютъ.

— Я не проходилъ школы, едва разбираю грамоту, мой университетъ—жизнь.

Лѣтомъ онъ работаетъ въ какой-нибудь интеллигентной общинѣ—у Шнеермана подъ Лисичанскомъ, у Александри въ Бессарабіи, у Рѣпина около Ташкента, или нанимается къ крестьянамъ въ работники. А зимой ходитъ и учится съ своемъ «университетѣ».

У него тихій, ласкающій голосъ. Совсѣмъ не крестьянскій. И слушать его хочется...

— Главное, познай самого себя,—говоритъ онъ.— Не нужно ни христіанства, ни толстовства, ни религіи. Люди запутались во всѣхъ этихъ именахъ и развѣтвленіяхъ. Нужно только вѣрить въ Бога и искать его въ мірѣ. А Богъ—тогда, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ любитъ ближняго, когда онъ простъ и искрененъ.

Трудъ для человѣка долженъ быть естественнымъ дѣйствіемъ, какъ ѣда и сонъ. Какъ сонъ безплатенъ, такъ должны быть безплатны ѣда и трудъ. Но дѣлать нужно только самое необходимое. Средства къ жизни — не деньги, которыя дѣлаютъ людей ужасными, а только любовь. Слова «Богъ» и «любовь» произносятся тысячи лѣтъ, но люди живутъ безъ Бога и любви. Нужно работать надъ тѣмъ, какъ провести въ жизнь Бога и любовь.

Самъ Левушка проводитъ ихъ такъ. Онъ прежде всего никогда не имѣетъ денегъ и паспорта. Это его вериги и чугунная шляпа—современный «русскій крестьянскій способъ спасти душу». Вся жизнь его—рядъ самыхъ непріятныхъ осложненій, между прочимъ, съ полиціей. Каждый день онъ не знаетъ, будетъ ли онъ ѣсть и пуститъ ли кто-нибудь его къ себѣ ночевать. Тяжело ему бываетъ въ столицахъ и городахъ, легче въ деревнѣ. Онъ нанимается тамъ къ крестьянамъ въ работники и за свой трудъ получаетъ пищу.

Сколько разъ хватала его полиція:

— Твой паспортъ?

— У меня его нѣтъ. Дѣлайте со мной, что подсказываетъ вамъ ваша совѣсть...

Его водворяли на родину, отправляли подъ надзоръ куда-нибудь. Однажды Левъ Николаевичъ Толстой распи-

сался въ полицейской книгѣ въ полученіи его. Левушку привели къ нему изъ Крапивны, такъ какъ сочли что онъ—

— «Графской вѣры».

Отовсюду Левушка уходилъ. Такъ же просто, спокойно. Его засаживали въ тюрьмы, гноили по этапамъ, но ничего не могли съ нимъ сдѣлать. Онъ остался такимъ же тихимъ, свѣтящимся, любящимъ.

— Меня всегда выручалъ Богъ,—говорилъ онъ мнѣ;—когда я забывалъ о Немъ, мнѣ приходилось плохо, когда вспоминалъ, сразу чувствовалъ облегченіе. Недавно въ Петербургѣ заговорились мы въ одномъ кружкѣ интеллигентовъ до полночи. Потомъ разошлись. Всѣ направились къ себѣ на квартиру, а я остался на тротуарѣ. Холодъ. Куда итти? Вспомнилъ, называли мнѣ семью одну, сочувствующую. Пришелъ, стучу: «Пустите, говорю, во имя Христа ночевать». Ни они меня не знаютъ, ни я ихъ.— «Пожалуйста».—отвѣчаютъ. Накормили и дали поспать. И такъ всегда.

Я никогда не видалъ человѣка, который всей своей жизнью былъ бы такъ антагонистиченъ современному буржуазному строю, какъ Левушка. Онъ не раздаетъ прокламацій, не говоритъ возбуждающихъ рѣчей, но стоитъ ему прожить въ семьѣ или другой какой организаціи недѣлю, какъ начинается «смута» въ установившихся порядкахъ. Левушка своими тихими, убѣжденными рѣчами, ровностью отношеній незамѣтно сводитъ авторитетъ хозяина съ пьедестала и такъ же незамѣтно возвышаетъ слугъ и подчиненныхъ. Одинъ богатый толстовецъ сказалъ однажды Левушкѣ, который пришелъ къ нему въ имѣніе:

— Если бы я былъ за границей и узналъ бы, что вы, Левъ Викентьевичъ, пришли ко мнѣ въ имѣніе, я долженъ былъ бы бросить всѣ дѣла и ѣхать сюда.

— Почему?

— Такъ. Вы ставите все вверхъ дномъ.

Онъ попросилъ Левушку не бывать у него никогда. Еще раньше этого, когда Левушка былъ въ другомъ его имѣніи, онъ категорически ему заявилъ:

— Мы должны разойтись. Я какъ-никакъ хозяинъ и у меня есть работники. Вы это забываете...

Я заговорилъ какъ-то съ Левушкой о московскомъ «братцѣ Іоаннѣ». Онъ отрицательно относится къ нему.

— У него нѣтъ Бога. Всѣ эти «братцы» совсѣмъ не стремятся къ братству и равенству...

— Самое большое зло,—говоритъ Левушка,—обожествленіе человѣка. Разъ человѣкъ становится кумиромъ для толпы,—не можетъ быть ни равенства ни братства.

Левъ жилъ у Малеваннаго подъ Кіевомъ, вмѣстѣ съ нимъ работалъ и видѣлъ драму его души. Малеванный пережилъ весь ужасъ обожествленія и понялъ весь вредъ того, когда человѣкъ стоитъ не въ толпѣ, а надъ толпой. Самъ Левушка, какъ только замѣтитъ, что на него смотрятъ, какъ на что-то высшее, бѣжитъ безъ оглядки изъ этого мѣста.

Онъ писалъ нѣсколько писемъ Л. Н. Толстому, указывалъ ему, что изъ него сдѣлали кумира и поклоняются. И уже тѣ, кто сдѣлали Толстого кумиромъ, стали сами кумирами и требуютъ себѣ поклоненія. Толстой въ отвѣтъ возражалъ ему, говорилъ, что онъ ошибается, окружающіе его любятъ, но не боготворятъ. Но Левъ стоялъ на своемъ:

— Бѣжать надо отъ людей, дѣлающихъ себѣ кумировъ.

Зимой 1910 г. Левушка былъ въ Ясной Полянѣ и старался убѣдить Льва Николаевича, что нужно принимать участіе въ общественной работѣ, въ общественномъ нравственномъ усовершенствованіи. Но Левъ Николаевичъ стоялъ на своей точкѣ зрѣнія.

— Нужно личное совершенствованіе. Совершенствуясь же лично, человѣкъ облагораживаетъ и общественную атмосферу...

Такъ живетъ этотъ духовный Парамонъ, идейный бродяга. Какая-то странная смѣсь Микулы Селяниновича съ соціализмомъ... Такихъ Парамоновъ начинаетъ выдѣлять изъ себя русскій народъ, освобождаясь отъ путъ мелочной обрядности...

Около Левушки, когда онъ былъ въ «Ямѣ», я замѣтилъ молодого человѣка. Звали его «Сережа Поповъ». Онъ интеллигентъ, кончилъ реальное училище, а потомъ пошелъ по Руси «бродяжить». Также, какъ Левъ, отрицаетъ паспортъ и деньги. Часто его сажаютъ въ кутузку. Однажды побили. Онъ разсказывалъ послѣ:

— Боялся я побоевъ. А вдругъ найдетъ, думаю, на меня озлобленіе? Однако, ничего,—жалко только ихъ стало...

Онъ «не отъ міра сего». Выработалъ, какъ и Левъ, презрѣніе къ тѣлу, весь сосредоточился на душѣ. Онъ живое отрицаніе всякаго насилія. Полное непротивленіе злу. Однажды ихъ со Львомъ посадили въ темный вонючій карцеръ, вмѣсто арестантской. Левъ началъ возмущаться и стучать въ дверь:

— Братья? Кто здѣсь?

А Сергѣй его урезонивалъ:

— Духъ свободенъ вездѣ, Левъ, и не зависитъ отъ формы.

Левъ согласился и съ грустью призналъ, что протестъ его—паденіе.

Послѣдніе годы.

Кромѣ указанныхъ за послѣдніе 5—6 лѣтъ въ «Ямѣ» перебывала масса представителей новыхъ религіозныхъ теченій. Главную роль тамъ теперь играютъ «свободные христіане». Бываютъ постоянно трезвенники «братца Іоанна», и другіе. О нихъ я говорю въ отдѣльныхъ главахъ.

Посѣщаютъ «Яму» студенты-христіане—члены всеміриаго христіанскаго студенческаго союза. И вообще студенты, интересующіеся религіозными вопросами.

Въ годы освободительнаго движенія «Яму» посѣтили однажды необычные люди. Группа студенческой молодежи. Съ огненными рѣчами и блестящими глазами. Это были самые крайніе освободительнаго движенія — анархисты-коммунисты.

— Вы—духовные анархисты, мы—политическіе, отчего намъ не подать другъ-другу руку?

Но «духовные анархисты» руки не подали.

Братство не состоялось. Анархисты исчезли и болѣе уже не тревожили «Яму».

Вообще, можно сказать, что политика совсѣмъ не прививалась въ «Ямѣ». Если политическій протестъ выражался въ формѣ эпизодической, какъ вставка въ религіозную рѣчь, или если политическій вопль вырывался изъ глубины души какого-нибудь простого «черноземнаго» человѣка,— «Яма» выслушивала молча. Но лишь только въ атмосферу религіозныхъ исканій входила интеллигентная прокламація, врывался митингъ,—она говорила:

— Мы не этимъ здѣсь занимаемся...

Это нежеланіе касаться политики рѣзко подчеркивалось особенно въ послѣдніе годы—въ пору реакціи, когда прибавилась еще и боязнь за «Яму»—«прихлопнутъ, гдѣ будемъ тогда собираться?» Однажды извѣстный толстовецъ X. вздумалъ зажечь Яму, видавшую всякіе виды, огнемъ политическихъ выкриковъ. Это было во всѣхъ отношеніяхъ некстати: наступила уже пора всеобщаго унынія и въ «Ямѣ» почувствовалась особенная потребность остаться наединѣ съ Богомъ.

Толстовца выслушали, но рѣчь его скользнула по поверхности и исчезла безъ всякаго слѣда. Лишь хозяинъ трактира реагировалъ на эту прокламацію по своему:

— У меня милліонное дѣло, а вы разговорами подводите его подъ опасность закрытія. Вотъ вамъ Богъ, а вотъ порогъ!..

Освободительное движеніе не прошло мимо «Ямы». Оно на нѣсколько мѣсяцевъ создало исключеніе изъ общаго правила.

Конституція и ея первые побѣги заставили аборигеновъ «Ямы» спросить себя:

— Что они думаютъ по этому поводу?

И оказалось, что всѣ эти люди, ищущіе вѣчныхъ жителей земли, бьющіе по физіономіи отъ имени Бога, посланники Бога, потомки Іуды, вѣчные странники, всѣ свободные и несвободные христіане—сочувствуютъ. Противъ

освободительнаго движенія высказались двое: рыболовъ съ Трубной площади—у него когда то рабочіе забастовали не во-время и превратили его изъ заводчика въ рыболова и еще—«ученикъ Канта» Дегтяревъ. У великаго философа онъ взялъ только термины: категорическій императивъ и нуменъ съ феноменомъ. Идею же политической свободы не воспринялъ. Остальные стали жить днями свободы. Политику окрашивали религіозной краской. Примѣряли, оправдывали Богомъ и высшей правдой. Люди мирные, кромѣ перочиннаго ножа въ карманѣ ничего не имѣющіе, они глубоко чувствовали все, что совершалось на улицахъ.

Когда стало «тихо», «Яма» переживала дни выборовъ въ первую Думу. Тоже лихорадочные дни. Шли разговоры о партіяхъ. Выбирали кадетовъ. И даже по убѣжденію черносотенники писали имена С. А. Муромцева и другихъ изъ его партіи.

— Отъ кого же намъ ждать свободы совѣсти?

Одинъ, прежде чѣмъ заполнить выборный листокъ, отслужилъ молебенъ.

Онъ былъ строго православный. Потомъ взялъ партійные списки. И зачеркнулъ послѣдовательно всѣ партіи,— не нравились. Что же дѣлать?

— На волю Божію.

Положилъ въ шапку билетики и сталъ вынимать. Вынулъ разъ,—кадеты.

— Ну, до трехъ!

Ужъ очень не хотѣлось проводить кадетовъ. Второй и третій разъ,—тоже кадеты.

— Значитъ, Богъ.

И избиратель облегченно вздохнулъ:

— Противъ Бога не пойдешь. Я все сдѣлалъ, чтобы не пропустить красныхъ.

Вмѣстѣ съ реакціей въ «Ямѣ» наступило уныніе. Реакція отразилась и на религіозныхъ исканіяхъ.

Собирались пить чай. Кто желтый, а кто одну воду, согласно своимъ религіознымъ принципамъ. Даже бесѣдовали. Но о чемъ? Всѣ воззрѣнія извѣстны, всѣ формы

усвоены. Откроетъ ротъ «посланникъ неба» Фоксъ,—и всѣ уже кричатъ:

— Знаемъ! Знаемъ!

Начнетъ ли «солидно» увѣщевать Алексѣй Егоровичъ:

— Слушайте и разумѣйте!

И всѣ думаютъ:

— Знаемъ.

Говоритъ ли свое юное слово о любви старецъ Степанъ Васильевичъ,—на лицахъ написано:

— Мы уже слышали.

Затягивалась длинная религіозная вермишель между православнымъ Герасимовымъ и «свободными христіанами». Сыпали текстами.

Въ «Ямѣ» привыкли къ живой и оригинальной мысли. Текстомъ тамъ никого не убѣдишь.

Часто слышались голоса:

— Все тексты да тексты, а гдѣ же живая вѣра?

— Зачѣмъ нужны споры, когда мы дѣти одного Отца Небеснаго.

— Двѣ тысячи лѣтъ говорятъ о Богѣ и любви, но толку нѣтъ. Пора искать способовъ, какъ жить въ Богѣ и любви.

Но Герасимовъ считалъ эти вопросы «выходящими изъ предѣловъ темы», и опять начиналась вермишель:

— Въ посланіи къ ефессеямъ, глава пятая, стихъ четвертый...

«Ямѣ» нуженъ приливъ свѣжихъ силъ. Она ждетъ ихъ. Лишь изрѣдка зайдетъ туда такой «черноземный» типъ, какъ Левушка, всколыхнетъ своимъ внутреннимъ подъемомъ, заинтересуетъ. А потомъ опять:

— Писано бо есть...

Сектантское движеніе послѣ революціи безусловно усилилось, сильно заинтересовавъ собою рабочій классъ, но оно перестало блестѣть оригинальностью фигуръ, замысловатостью системъ. Стало проще, распылилось въ безформенномъ «свободномъ христіанствѣ», которое взяло къ себѣ тысячи народа, но не выработало пока идеала, а дало лишь критику церковности.

Любопытно, что какъ-разъ въ эту пору, когда «Яма» потеряла свой блескъ, стала больше клубомъ, чѣмъ трибуной, на нее обратали вниманіе. Весной 1909 года я присутствовалъ при такой сценѣ.

Только что г. Дегтяревъ сказалъ что-то о нуменѣ и феноменѣ, какъ въ комнату вошелъ щеголеватый господинъ приказчичьяго вида:

— Нельзя-съ. Воспрещено. Прошу не разговаривать.

Оказывается, обратили вниманіе:

— Неразрѣшенное собраніе.

Прежній хозяинъ уже умеръ. А новые люди принесли новые взгляды. Пришлось перебираться съ теплаго, насиженнаго мѣста. Въ другомъ трактирѣ та же неудача.

— У меня милліонное дѣло, а вы тутъ разное несуразное толкуете!

Въ третьемъ трактирѣ дѣло было наладилось. Но опять усмотрѣли неразрѣшенное собраніе. На одномъ изъ собесѣдованій присутствовалъ переодѣтый околоточный надзиратель. Какъ-разъ при немъ говорилъ въ позѣ митинговаго оратора одинъ, какъ онъ себя называлъ, «безбожникъ» изъ Бессарабіи, пришедшій въ «Яму» вмѣстѣ съ Левушкой.

— Вы текстами уничтожили во мнѣ вѣру,—говорилъ онъ, опираясь обѣими руками на спинку стула.

Всѣ заволновались. Подошелъ трактирщикъ и попросилъ его сѣсть и говорить спокойно. На другой день бесѣды были запрещены. Нѣсколько воскресеній прошло безмолвно, ямцы пили чай и вели «приватный разговоръ». Наконецъ, надумали повести дѣло формально:

— Чего мы скрываемся? Ничего противозаконнаго мы не дѣлаемъ. Теперь къ тому же провозглашена свобода совѣсти. Намъ не могутъ не разрѣшить открыто говорить о Богѣ.

Справились частнымъ образомъ о настроеніи православныхъ миссіонеровъ: Айвазова, Варжанскаго и другихъ. Оказалось, что они ничего не имѣютъ противъ «Ямы», хотя и считаютъ ее «блудодѣйственной».

Тогда «небожитель» и «пророкъ» Фоксъ, потомокъ Іуды, подалъ прошеніе о разрѣшеніи собранія. Долго не

отвѣчали. Онъ самъ пошелъ объясняться. Когда его спросили потомъ:

— Ну, какъ, разрѣшили?

Онъ плюнулъ и съ горечью отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Но потребность общенія на почвѣ религіозныхъ споровъ неискоренима, двадцатилѣтняя привычка къ «Ямѣ» сильна. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что «Яма» будетъ существовать и послѣ запрещенія начальства, тѣмъ болѣе, что преслѣдовать трактирные разговоры о Богѣ немыслимо. Во всѣхъ московскихъ трактирахъ говорятъ о Богѣ; нужна армія сыщиковъ, чтобы заткнуть всѣмъ ротъ. А, главное, нужно всякіе разговоры о Богѣ сдѣлать въ сознаніи обывателя антиправительственными. А это даже у насъ, въ Россіи, трудно... Я знаю случаи, когда сами трактирщики приглашали извѣстныхъ въ сектантствѣ лицъ и устраивали бесѣды у себя въ трактирѣ.

Послѣ запрещенія «Ямы» я видѣлъ ямцевъ кучками бесѣдующихъ въ разныхъ трактирахъ Москвы. Библіи у нихъ нѣтъ на столѣ—боязно. Но въ рукахъ маленькое Евангеліе. Лица оживлены. Нужно замѣтить, что въ послѣднее время, когда сталъ проходить столбнякъ реакціи, въ сектантскомъ мірѣ Москвы началось опять сильное движеніе. Мысль снова заработала быстрымъ темпомъ. Весной 1910 года въ «Яму» «спускались» С. Н. Булгаковъ и С. А. Бердяевъ съ кучкой своихъ послѣдователей. Недѣли двѣ «Яма» волновалась, спорила. Пренія приняли интересный характеръ. Но... узнала полиція и гг. Булгаковъ съ Бердяевымъ уже не появлялись въ «Ямѣ». Опять наступилъ перерывъ затишья. Потомъ снова подъемъ. И такъ далѣе. Бороться съ «Ямой» полицейскими мѣрами трудно.

Любопытно отношеніе къ «Ямѣ» миссіонеровъ. Къ «Ямѣ» миссія всегда относилась сдержанно, не требовала разгонять «незаконное скопище нечестивыхъ», хотя о «Ямѣ» была всегда прекрасно освѣдомлена. Миссія знала, что въ «Ямѣ» присутствовали и говорили тѣ самые «еретики»,

которые «портили кровь» миссіонерамъ на публичныхъ собесѣдованіяхъ и «производили соблазнъ». И однако— никакихъ преслѣдованій. Объясняется это, съ одной стороны, тѣмъ, что на ямскихъ бесѣдахъ не могло быть столько народа, сколько его бываетъ, напримѣръ, на офиціальныхъ собесѣдованіяхъ. Религіозные споры въ «Ямѣ» всегда носили характеръ интимнаго кружка. Людей больше, чѣмъ мѣстъ за столами въ трактирѣ, не можетъ быть въ «Ямѣ». А съ другой стороны, миссіонеры воспользовались «Ямой», какъ миссіонерскимъ «показательнымъ полемъ». Они учатся въ «Ямѣ», знакомятся здѣсь съ сектами и ихъ развѣтвленіями. А потомъ, познакомившись уже, встрѣчаются съ сектантами «во всеоружіи» на офиціальныхъ собесѣдованіяхъ. Въ «Ямѣ» бываютъ студенты академіи, готовящіеся быть миссіонерами. Въ этомъ трактирѣ проходили свою школу и московскіе миссіонеры Варжанскій и Соколовъ... Не преслѣдовать «Яму» заставляетъ и простое соображеніе. Она единственный въ Москвѣ клапанъ для протестантскихъ паровъ. Гораздо выгоднѣе для миссіи имѣть одинъ такой открытый клапанъ, чѣмъ десятки тайныхъ.

Народные проповѣдники.

Московскій «братецъ Іоаннъ».

Религіозное чувство русскаго народа, ища выхода, часто находитъ его совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Есть выходъ свободный, широкій—къ одухотворенію религіи и освобожденію ея отъ мелочей внѣшней условности. Но этотъ выходъ требуетъ извѣстнаго развитія и является удѣломъ сравнительно немногихъ. По большей части мы видимъ, какъ мятущійся, вѣчно ищущій Бога и его правды, народъ ходитъ между двухъ сосенъ и не находитъ правильнаго пути. Оставаясь въ тенетахъ опутывающей его живую душу обрядности, онъ только переходитъ или лучше бросается отъ одного малоцѣннаго авторитета къ другому такой же цѣнности, вѣрнѣе—никакой, отрицательной цѣнности. Его вѣчную жажду чуда, сверхъестественнаго эксплуатируютъ люди невѣжественные, а часто корыстные. Религіозное чувство народа тогда заходитъ въ такой тупикъ, изъ котораго трудно выбраться. Лишь какой-нибудь яркій случай своекорыстія отрезвляетъ его.

Наша офиціальная церковь слишкомъ уже офиціальна, чтобы приманить и удержать у себя простой народъ.

Почва для произрастанія различныхъ «юродивыхъ», «дурачковъ», босоногихъ «угодниковъ Божіихъ», Васей и Потапушекъ, «братцевъ» и «сестрицъ»—почва до сихъ поръ богатая. Иногда кажется, что живешь не въ эпоху дири-

жаблей, а въ непроглядную темь XV вѣка, что надъ Русью еще не загоралась заря просвѣщенія и свободы...

Объ одномъ изъ такихъ народныхъ «братцевъ» я и хочу разсказать. Онъ не шарлатанъ и не ханжа, а искренно ищущій или, вѣрнѣе, нашедшій Бога человѣкъ, и тѣмъ онъ очень интересенъ. Нашелъ онъ своего Бога въ предѣлахъ православной церкви, которая предала его за эти исканія анаѳемѣ. «Братецъ», о которомъ я хочу разсказать, пріобрѣлъ огромную популярность въ простомъ народѣ; онъ создалъ до извѣстной степени народное религіозное движеніе въ московскомъ округѣ...

Вся попытка его богоискательства характерна для тѣхъ отношеній, которыя создались между простымъ народомъ, ищущимъ своего народнаго пастыря, и нашимъ пастырствомъ.

У Преображенской заставы.

«Братецъ Іоаннъ» живетъ на окраинѣ Москвы, въ Хапиловкѣ, недалеко отъ Преображенскаго кладбища. Окраины Москвы заселены рабочимъ, ремесленнымъ людомъ— самымъ подходящимъ для проповѣдей «братцевъ» классомъ.

Этотъ классъ вмѣщаетъ въ себѣ въ настоящее время два полюса. Одинъ революціонно-протестантскій. Изъ него соціалъ-демократія еще совсѣмъ недавно вербовала себѣ членовъ. Теперь, послѣ революціи, этотъ бунтарскій классъ перерождается. Не только рядовые соціалъ-демократы, но даже вожаки соціалъ-демократіи вмѣсто браунинга стали носить въ карманѣ евангеліе. Такими «соціалъ-демократами» бываютъ теперь полны залы, гдѣ идутъ собесѣдованія православныхъ миссіонеровъ съ сектантами. Они держатъ въ рукахъ евангеліе и подыскиваютъ тексты для опроверженія миссіонеровъ. Всѣ такіе бывшіе соціалъ-демократы ударились въ сектантство. Борьба переносится изъ области политики въ область религіи. Протестантскій духъ остается, въ сущности, тотъ же, мѣняются лишь способы борьбы.

У Преображенской заставы, гдѣ около ста лѣтъ дремлетъ за своими бѣлыми стѣнами ѳедосѣевское старообрядчество, наблюдается сейчасъ сильное религіозное движеніе среди рабочихъ. Народилась новая раціоналистическая секта «свободныхъ христіанъ». Она еще не выработала себѣ детальной программы, не написала своего катехизиса вѣры, но бурлитъ, клубится, волнуется. Источникъ ея не только чистое исканіе живой вѣры въ Бога, но, главнымъ образомъ, бьющія въ глаза ненормальности нашего церковнаго строя. Покупается евангеліе и сомнѣвающійся начинаетъ искать подходящіе тексты. И, какъ говорится, тамъ ему капутъ бываетъ. Сомнѣніе превращается въ убѣжденіе, а потомъ въ какое-то яростное осужденіе. Какъ будто люди мстятъ за то, что имъ такъ долго не показывали слова Божія.

Собесѣдованія миссіонеровъ мало помогаютъ дѣлу. Миссіонеры привыкли вести бесѣду въ узкихъ рамкахъ текстовъ. Но сомнѣвающійся рвется изъ этихъ рамокъ, и волной разливается, желая не доказать, а раскрыть свою душу.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ полуграмотный рабочій вышелъ защищать сектантскій взглядъ на Пресвятую Дѣву. Говорилъ онъ тяжелымъ, сырымъ языкомъ. Въ текстахъ путался, многаго не зналъ, миссіонеръ легко ловилъ его на словахъ. Окончательно запутавшись, рабочій воскликнулъ:

— Что мнѣ ваши книги, догматы, я лучше разскажу, какъ я ушелъ отъ васъ, душу свою раскрою.

Миссіонеръ заявилъ:

— Намъ незачѣмъ слушать всякую грязь. Тутъ Максимъ Горькій написалъ исповѣдь, гдѣ кощунствуетъ,—его слушай. Иной будетъ говорить, какъ онъ пьянствовалъ и развратничалъ,—тоже слушай. Вы намъ отъ евангелія и отъ Библіи докажите.

Тутъ совершенно некстати послышались такіе «православные» голоса:

— Ты аферистъ, много васъ здѣсь шляется!

Медвѣжья услуга миссіонеру.

Рабочій въ отвѣтъ кричалъ:

— Въ Бога я вѣрую и спасти душу свою желаю такъ же, какъ и вы.

А ему:

— Безбожникъ ты, разъ ушелъ отъ насъ.

Это такъ подѣйствовало на толпу, что многіе громко заговорили:

— А, ротъ зажимать! Значитъ вы не правы.

Нѣкоторые ушли. А рабочаго я видѣлъ недѣли черезъ двѣ въ лагерѣ «свободныхъ христіанъ».

Такія собесѣдованія, а они почти всегда такія, никогда не помогутъ дѣлу примиренія. Наоборотъ, сомнѣвающіеся или, какъ ихъ называютъ миссіонеры, «вольнодумцы» неизмѣнно придутъ къ убѣжденію въ правотѣ своего сомнѣнія. Такъ, въ дѣйствительности, оно и бываетъ. Помимо того, многіе присутствующіе, въ которыхъ еще не родилось сомнѣніе, станутъ неизмѣнно «вольнодумцами» благодаря такимъ способамъ доказательствъ. Такъ начинается «вольнодумство», а оканчивается оно неизбѣжно сектантствомъ. И сектантство сильно растетъ у Преображенской заставы.

Мы сказали объ одномъ полюсѣ,—объ одномъ теченіи въ средѣ рабочихъ и ремесленниковъ этой мѣстности. Другое теченіе иное. Совсѣмъ темный рабочій людъ—сапожники, мастеровые, главнымъ образомъ, ихъ жены сами не читаютъ евангелія, не вольнодумствуютъ, а просто, какъ стадо, ищутъ пастыря, авторитета. Все религіозное чувство ихъ выливается въ исканіе чуда исцѣленія, чуда счастья, чуда богатства, но и этотъ безпомощный народъ критически относится къ церкви, главнымъ образомъ, потому, что онъ замѣтилъ матеріальную облицовку церковной жизни.

Помню, на одномъ собесѣдованіи миссіонеръ обличалъ послѣдователей «братца»:

— Въ писаніи сказано: нужно уважать и слушаться пастырей церкви.

А въ толпѣ обличаемыхъ раздался громкій шепотъ:

— Если бы эти пастыри поменьше брали съ насъ за крестины, свадьбы и похороны...

Ничто такъ не претитъ, ничто такъ не возмущаетъ и не озлобляетъ бѣднаго человѣка, борющагося вѣчно съ нуждой, какъ поборы за требы. Они звучатъ въ его и безъ того озлобленной душѣ, какъ вымогательство. Онъ не хочетъ понять, что ихъ приходскій священникъ часто тутъ не при чемъ—онъ вынужденъ брать, такъ какъ жалованья не получаетъ.

Этотъ второй полюсъ, второе теченіе, ища выхода для своего религіознаго чувства, неизмѣнно наталкивается на авторитетъ какого-нибудь «дурачка», «юродиваго» или «братца». Этотъ полюсъ, можно сказать, родитъ нужнаго ему «братца».

У Преображенской заставы и живетъ теперь такой «братецъ». Въ Москвѣ есть другой братецъ—Димитрій. Онъ живетъ въ Петровскомъ паркѣ. Его судьба тѣсно связывается съ судьбой «братца Іоанна». Ихъ вмѣстѣ анаѳемствовали, вмѣстѣ привлекали къ суду. Между собой они, кажется, даже и не знакомы. Но власть не мыслитъ одного безъ другого.

Я буду говорить о «братцѣ Іоаннѣ».

У братца Іоанна.

Раннимъ, холоднымъ утромъ трамвай доставилъ насъ къ красной стѣнѣ Покровскаго монастыря. По тротуарамъ шли люди, куда-то торопясь. Въ дворахъ хлопали двери, и въ облакѣ удушливаго запаха коечно-коморочныхъ подваловъ выходили на улицу испитые, опухшіе, грязные рабочіе и женщины съ желтыми лицами, крестились поспѣшно на церковь и бѣжали по тротуару. Тяжелыя скрипучія двери ихъ коморокъ захлопывали за собой все уродливое и гнусное, что свило себѣ гнѣздо въ очагѣ нищеты, пьянства, сквернословія и побоевъ. Одинъ разъ въ недѣлю

они отрываются отъ своей повседневной сѣрой, промозглой жизни и бѣгутъ къ «братцу» стряхнуть съ себя нечисть тяжелаго существованія. Бѣгутъ каяться.

Слышатся безпокойные голоса:

— Не опоздать бы. Начало въ восемь часовъ, а какъ братецъ начнетъ, двери уже запираются.

На воротахъ одного дома дугообразная вывѣска: «Аппретура Ламма». Ворота растворены. На дворѣ около входа длиннаго, двухъэтажнаго зданія—толпа. Протискиваются по крутой лѣстницѣ во второй этажъ.

Мы прошли вмѣстѣ съ толпой. Просторный залъ. По стѣнамъ картины изъ библейской жизни. Около самаго входа большой, почти въ полный ростъ, грубоватый по кисти портретъ человѣка, очень похожаго на царицинскаго іеромонаха Иліодора. Въ длинной, малиноваго цвѣта рубахѣ, такого же цвѣта поясѣ, на груди большой крестъ, въ лѣвой рукѣ поднятое евангеліе, правой рукой опирается на какую-то священную книгу.

Это и есть «братецъ». Густая, благоговѣйно шепчущая толпа стояла со слезами передъ портретомъ:

— Братецъ. Дорогой братецъ!

Тутъ же на стулѣ валялась гора фотографическихъ снимковъ съ портрета «братца». На карточкахъ подпись рукой малограмотнаго человѣка:

— Братъ Іоаннъ Тульскій.

И ссылка на евангеліе Іоанна. Я подыскалъ текстъ. Онъ гласитъ:

— Я есмь пастырь добрый. Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы своя...

Такъ подписываетъ «братецъ» свои фотографіи для поклонниковъ и поклонницъ.

Отворилась дверь и ровными, увѣренными шагами вошелъ самъ оригиналъ портрета. Небольшого роста, шатенъ, лѣтъ 30, сухощавый, съ рѣденькой бородкой и священническими прямыми волосами. Одѣтъ въ бѣлую, кажется, шелковую рубаху, доходящую до колѣнъ. На груди большой крестъ на широкой пунцовой лентѣ.

Толпа шарахнулась, заволновалась и кинулась вслѣдъ за нимъ:

— Здравствуйте, дорогой братецъ!

Онъ кивалъ головой и шелъ въ передній уголъ. Тамъ иконы и зажженныя лампадки. Бѣлая пелена покрывала одну икону. На спустившемся концѣ ея написано: «царя». Началась молитва и пѣніе церковныхъ пѣснопѣній. Толпа стройно, привычно пѣла: «Заутра услыши гласъ мой»... Иногда выдѣлялись крикливые женскіе голоса.

Послѣ молитвы и пѣснопѣнія «братецъ» обратился къ толпѣ съ краткой проповѣдью. Послѣ проповѣди опять молитва и потомъ снова пѣснопѣніе и снова проповѣдь. Такъ разъ 12.

Что это за проповѣдь! Она не укладывалась въ обычныя рамки нашихъ проповѣдей. Я впервые слышалъ что-то новое, стихійное, странное. Рѣзко, грубо, но властно «братецъ» бросалъ въ лицо толпѣ желчные плевки своего негодованія. Въ рѣчи не было правильныхъ предложеній, не было связи между словами, подчасъ не было никакого смысла. Вырывались дикія, нелѣпыя мысли, неумныя сравненія рядомъ съ самымъ ядовитымъ сарказмомъ. Но вся безсмыслица стиралась въ порошокъ однимъ цѣльнымъ, бурнымъ захватывающимъ настроеніемъ. Имъ были скованы проповѣдникъ и толпа.

Слова сухія, рѣзкія,—они падали тяжелымъ молотомъ на голову толпы. И она, наэлектризованная, подавленная силой энтузіазма, духовно голодная, жадно ловила обрывки его мысли, выбирала изъ нихъ клочки ей понятные и отвѣчала на нихъ своей готовностью каяться:

— Каемся, братецъ, каемся.

Это не проповѣдь, а діалогъ проповѣдника и слушателей. Черезъ каждыя пять-шесть словъ братца толпа отвѣчала какими-нибудь словами. Или «каемся», или «вѣрно, братецъ, вѣрно» и т. п.

Сгрудились, застыли. Потъ на лицахъ, слезы на глазахъ. Лица туманныя, съ мыслями и волей, отданными во власть «братца». Нѣкоторые на колѣняхъ.

— Ты заводишь себѣ разныя науки, и пушкинскія, и лермонтовскія поэзіи, а у тебя должна быть одна поэзія—евангеліе. Ты ставишь имъ памятники, а вокругъ ихъ—блудъ. Слышишь ли ты, разбойникъ?

— Слышу, дорогой братецъ,—какъ одинъ человѣкъ отвѣчаетъ толпа.

— Можетъ-быть, я тебя оскорбляю?

— Твое оскорбленіе—наше исцѣленіе. Много мы слышали красивыхъ словъ...

— Послушай евангелій!.. Или, можетъ-быть, это не евангелій?

— Евангеліе, братецъ, евангеліе...

— ...«Шли за Нимъ двѣнадцать»... Тогда было двѣнадцать, а сколько теперь? Но что толку?

— И разные писатели,—вдругъ рвался братецъ въ иную область,—много пишутъ и сочиняютъ, а все не отъ библіи.

— Не отъ библіи, братецъ, не отъ библіи...

Иногда ему не хватало словъ. Онъ воспаленными, горящими устами глоталъ воздухъ и молчалъ. Блѣдное лицо выражало муку. Сухіе глаза искали кого-то, а правая рука продолжала блуждать надъ толпой, какъ-будто сѣяла. Въ такія минуты онъ обрывалъ мысль и кричалъ:

— Съ праздникомъ, дорогіе братья!

— Съ праздникомъ, дорогой братецъ,—неслось ему въ отвѣтъ.—Между тѣмъ, никакого церковнаго праздника въ этотъ день не было.

— И есть такой въ Рассеѣ Толстой. Пріѣхалъ онъ въ Москву. Мы думали: онъ скажетъ намъ слово евангелія, которое намъ понятно, а онъ зашелъ музыку слушать, которую мы не понимаемъ. Такъ ли я говорю?

— Такъ, дорогой братецъ.

— Я не Іоаннъ Кронштадскій. Онъ одѣлялъ васъ тысячами рублей, а я даю вамъ милліонъ—евангелій.

Онъ высоко поднялъ раскрытое евангеліе.

— Спасибо, братецъ.

— На тебѣ стоитъ кабакъ, больница, судъ, тюрьма и участокъ. Пьянствомъ, картежомъ, скверными дѣлами ты

безпокоишь благородныхъ людей. Разные частные пристава и околодочные науку учили лѣтъ пятнадцать, а тутъ съ тобой, съ пьянымъ да грязнымъ, изволь разговаривать. Покайся съ нынѣшняго дня.

— Каемся, братецъ!

До всѣхъ житейскихъ язвъ простого человѣка дотронулся своими пальцами «братецъ». Пьянство, картежная игра, развратъ, безработица, чревоугодіе, табакокуреніе, сквернословіе, побои жены, погоня за модой—словомъ, весь чадъ рабочей жизни прошелъ передъ слушателями въ свистѣ бича. Братецъ хлесталъ въ лицо колючими иглами и каждый изъ его слушателей чувствовалъ, что онъ именно его хлещетъ. Но только этими язвами «братецъ» и ограничивается; онъ не заходитъ въ дебри догматовъ, обрядности и церковной философіи.

Кругомъ простыя, грубыя лица ремесленниковъ, прачекъ, проститутокъ,—голоднаго, изморепнаго, темнаго люда окрапъ. И онъ—такой же простой, грубый рабочій, съ ихъ языкомъ, ихъ понятіями, ихъ настроеніемъ и темнотой.

— Онъ нашъ, и мы его понимаемъ,—говорили мнѣ въ толпѣ.—А разныя красивыя слова не понимаемъ.

Красивыя, т.-е. не наши, и намъ непонятныя.

Эта толпа не нуждалась въ витіеватой, логической рѣчи. Не искала она даже смысла въ рѣчи своего «братца». Она угадывала по полуслову, по движенію руки, что онъ хочетъ сказать, и отвѣчала своимъ настроеніемъ. Я замѣчалъ, что иногда между его властной безсмыслицей и ихъ подавленными репликами не было логической связи. Толпа отвѣчала не только на настроеніе проповѣдника, но и на свое собственное настроеніе.

Въ концѣ проповѣди, когда экстазъ дошелъ до своей высшей точки, раздалось тихое взвизгиваніе.

«Кликуша»,—пронеслось у меня въ головѣ знакомая по Кашину картина.

«Братецъ» оборвалъ рѣчь и повернулся къ ней всѣмъ своимъ корпусомъ. Сурово нахмурился и закричалъ:

— Приказываю тебѣ замолчать. Всепокорнѣйше прошу. А не замолчишь,—выведу.

Она вскрикнула еще разъ. «Братецъ» неистово закричалъ:

— Выведите ее сейчасъ же.

«Кликуша» сразу притихла. А «братецъ» неожиданно поздравилъ толпу съ праздникомъ.

Онъ говорилъ до хрипоты часа три. Въ толпѣ были больные съ блѣдными и землистыми лицами. Они еле стояли. Но когда, совсѣмъ обезсиленные, хотѣли уходить, имъ преграждали путь какіе-то молодые люди и властно просили:

— Потерпи. Подойди къ братцу, Господь и смилуется.

Шатаясь, они шли назадъ, или опускались на скамью, тяжело дыша.

Наконецъ онъ кончилъ.

— Вотъ я съ вами наговорился,—хриплымъ голосомъ кричалъ онъ.

— Спасибо, братецъ, спасибо.

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ, къ несчастненькому, глупенькому?..

— Послушать слово Божіе...

Въ залѣ было до 500 человѣкъ. Всѣ по очереди начали подходить за совѣтомъ. «Братецъ» каждому что-нибудь говорилъ отрывисто, спѣша.

— Проходи, проходи, задерживаешь,—говорилъ онъ расплакавшейся бабѣ съ ребенкомъ.

— Родимый ты нашъ,—причитала она.

Слова «братца» въ глазахъ этой темной толпы—откровеніе свыше. Она запоминаетъ ихъ, какъ запоминалъ Моисей трубные звуки Господа. Уноситъ къ себѣ въ деревню и долго съ благоговѣніемъ разсказываетъ:

— А братецъ сказалъ мнѣ—терпи. Къ чему это?

Въ деревнѣ не знаютъ заповѣдей Христа, подчасъ не слыхали объ его основной формулѣ любви, а слова «братцевъ» и «юродивыхъ» запоминаютъ на всю жизнь.

Особенно много у «братца» бываетъ пьяницъ. Всклокоченные, блѣдные или ярко-розовые, они сумрачно смотрятъ на всѣхъ. У нихъ гвоздемъ въ головѣ сидитъ мысль о рюмкѣ.

Но жена держитъ за рукавъ и тащитъ къ братцу «брать трезвость». Пьяницы предъ иконой даютъ зарокъ не пить. И если выдерживаютъ, то по воскресеніямъ ихъ пускаютъ на специальное собраніе трезвенниковъ, гдѣ «братецъ» также молится и проповѣдуетъ. Его горячая проповѣдь проникаетъ въ глубь обросшихъ мохомъ сердецъ закоренѣлыхъ алкоголиковъ. Многіе мнѣ говорили о себѣ:

— Я былъ пьяница, подъ заборомъ валялся, дошелъ до Хитровки, а теперь, благодаря братцу, сталъ настоящимъ человѣкомъ.

Одинъ молодой парень, стоявшій около меня, повѣдалъ печальную исторію своей жизни.

— Былъ я воромъ и мошенникомъ, кошельки на трамваяхъ вытаскивалъ. Не разъ меня били, не разъ въ тюрьмѣ сидѣлъ. Но судьба столкнула меня съ братцемъ и вотъ я воскресъ, живу честнымъ человѣкомъ.

— У меня болѣло нутро, катаръ былъ,—сказалъ стоявшій съ нимъ рядомъ мастеровой,—братецъ прочелъ молитву и велѣлъ попоститься и все какъ рукой сняло.

Разговоровъ въ толпѣ много. Темные, вѣчно жаждущіе чуда, люди во всемъ видѣли проявленіе сверъестественнаго. Окрикъ «братца» заставилъ замолчать кликушу, а можетъ-быть просто плаксивую бабу. Это—чудо. Пересталъ отъ поста болѣть желудокъ—чудо.

Много говорятъ объ испѣленіяхъ. У иной были раны, братецъ далъ деревяннаго маслица, она помазала и все прошло. У того ревматизмъ, братецъ велѣлъ взять сухую ванну, и болѣзнь болѣе не возвращалась.

Я разговаривалъ съ одной женщиной, пріѣхавшей изъ Подольска Московской губерніи, съ ребенкомъ.

— Рука у меня въ ранахъ послѣ родовъ, не поможетъ ли братецъ?

И затѣмъ трогательная исторія: пришелъ подъ окно неизвѣстный странникъ, попросилъ воды напиться, а какъ напился, то и говоритъ: что же ты не сходишь, куда обѣщалась? А она вспомнила, что хотѣла пойти къ «братцу».

— Взойди въ домъ, человѣкъ Божій,—говоритъ она.

А онъ въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, не взойду, у тебя лампадка погасла...

— Чудо, истинное, божеское чудо,—промолвила стоявшая тутъ же баба, слушавшая разсказъ.

Трезвенное вліяніе «братца» очень широко. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ появлялся хоть одинъ трезвенникъ «братца Іоанна», скоро создавалось трезвенное движеніе. Въ одной изъ деревень Алексинскаго уѣзда сельскій староста братчикъ-трезвенникъ. Онъ убѣдилъ окончить безъ вина одно общественное богомолье, которое искони вѣковъ оканчивалось пьянствомъ, и его послушались.

— Мы сдѣлаемъ Россію трезвой, ибо любовь Христа сильна,—говорятъ трезвенники «братца Іоанна».

Одинъ изъ нихъ разсказалъ мнѣ любопытный случай изъ своей поѣздки въ деревню.

— Мать у меня умерла. Схоронили. Зову причтъ на поминки. Приходитъ батюшка съ дьякономъ. Я закуску подалъ, а выпивки нѣтъ, потому я трезвенникъ. Батюшка и говоритъ: «А хорошо бы къ хорошей-то закусочкѣ водочки». А я ему въ отвѣтъ—Богу это не угодно, батюшка! Пошелъ у насъ разговоръ. Не согласенъ онъ со мной.

— А не слишкомъ ли строго, въ самомъ дѣлѣ, вы относитесь къ вину,—говорю я ему.—«Невинно вино, укоризненно пьянство».

— Нѣтъ... Нашъ русскій человѣкъ таковъ, что позволишь ему рюмку, онъ незамѣтно доберется и до полбутылки. И все будетъ у него не пьянство. Наконецъ, вы согласитесь съ тѣмъ, что лучше не пить, чѣмъ пить. Такъ зачѣмъ же я буду проповѣдывать то, что не лучше?

Братчики спрашивали меня: кому пожаловаться на коньячнаго заводчика Шустова? На своемъ этикетѣ онъ ставитъ изображеніе церковнаго колокола.

— Это кощунство!

Мнѣ вспомнилась недавняя бесѣда съ однимъ волжаниномъ. Мы говорили о томъ, что министръ финансовъ В. Н. Коковцевъ констатировалъ пониженіе пьянства въ

Поволжьѣ и приписывалъ это депутату М. Д. Челышеву. Волжанинъ говорилъ:

— Это неправда. Пьянство понизилось, но Челышевъ тутъ не при чемъ. Народъ становится другой. Какъ-будто очухался. Сильное религіозное движеніе выдѣляетъ изъ себя много теченій и сектъ, которыя въ основѣ своей ставятъ трезвость. Въ деревнѣ теперь вопросъ вѣры сталъ особенно злободневнымъ. Челышевы же только воплотили въ себѣ народное настроеніе, хотя подошли къ нему совсѣмъ не съ той стороны.

Можетъ-быть и братчество—воплощеніе народнаго настроенія, думалъ я. Если такъ, то «братецъ Іоаннъ» сдѣлаетъ больше, чѣмъ сто Челышевыхъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Къ «братцу» ходятъ тысячи народа изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Иногда издалека: изъ Московской, Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской губерній. Все шире и шире расходится кругъ молвы о немъ. Онъ проповѣдуетъ, обличаетъ, молится, совѣтуетъ, приказываетъ, каждому даетъ пузырекъ съ деревяннымъ масломъ и щепотку ладана. И за все это ничего не беретъ.

Я спрашивалъ многихъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Отвѣтъ одинъ:

— Ничего не беретъ.

Но самъ собою является вопросъ: какъ «братецъ» существуетъ? Онъ, вѣдь, уже никакой работой не занимается. Далѣе, изъ какихъ средствъ платитъ «братецъ» за залъ? Плата не маленькая—95 руб. въ мѣсяцъ. Въ залѣ электрическое освѣщеніе. Потомъ я узналъ, что прошедшимъ лѣтомъ этотъ залъ былъ перестроенъ заново на средства братчиковъ. Перестройка обошлась тысячъ пять. Откуда брали средства?

— Все само собою дѣлается,—отвѣтили мнѣ—Богъ помогаетъ.

Залъ перестраивали сами братчики съ «братцемъ» во главѣ. Всѣ они хорошіе рабочіе, а у самого «братца» «золотыя руки». Матеріалъ доставляли просто. Приходили поклонники «братца», и помогали чѣмъ могли. Одинъ тащитъ

пакли, другой бревно. Общее дѣло, артелью и строили. Артелью и платятъ за помѣщеніе. Артелью содержится «братецъ».

— Когда нужно платить или что-нибудь купить, приходятъ люди и сами предлагаютъ деньги. Такъ и живемъ. А братцу самому много ли надо? Онъ постникъ.

— Чудо, истинное чудо,—говоритъ опять та же баба.

«Братцу» подарили лошадь съ тарантасомъ. Онъ ѣздитъ на ней по Москвѣ къ своимъ трезвенникамъ.

Дворъ его—настоящій «монастырь. При моленной живутъ 4 прислуги—«сестры» и 3 странницы для уборки, мытья пузырьковъ и т. п. Кромѣ того, живетъ нѣсколько семействъ—всего человѣкъ 50. Предъ принятіемъ пищи всѣ, какъ къ настоятелю, идутъ просить благословенія.

Прошлое «братца». Заступничество Петербурга.

Послѣ проповѣди «братца» къ намъ подошелъ мужичокъ въ «спинжакѣ», жилетѣ и красной рубахѣ. Волосы въ скобу, рыжеватая бородка и умные голубые глаза на широкомъ татарскомъ лицѣ. Это «Григорій Сысоичъ»—правая рука, «министръ» «братца». Его «келейникъ», какъ говорятъ православные миссіонеры. Голосокъ тоненькій, вкрадчивый. Говоритъ удивительно складно, мѣткими русскими пословицами и остроумными выраженіями.

«Ярославецъ или тверякъ», думаю.

Оказалось ни то ни другое. Григорій Сысоичъ—тулякъ, землякъ «братца»—изъ Алексинскаго уѣзда. Штукатурный подрядчикъ по профессіи. Работы не бросаетъ, хотя больше, кажется, занимается «братческими дѣлами».

Какъ шли къ нему его имя и отчество.

— Настоящій Григорій Сысоичъ,—любовался я этой крѣпкой, великорусской фигурой.

Спустились внизъ. Тамъ сидѣли три бабы. Увидали насъ:

— Нельзя ли пройти,—говорятъ.

Оказывается они уже часа три сидятъ около запертой двери. Опоздали, ихъ и не пускаютъ.

— А мы дальніе, изъ Волоколамскаго уѣзда пѣшкомъ пришли.

Сидятъ печальные.

Въ квартирѣ Григорія Сысоича человѣкъ пятнадцать бабъ. Тоже опоздали и ждутъ, когда «братецъ» ихъ приметъ. У порога стоитъ сумрачный, бѣлесый портной. Босикомъ и, должно-быть, съ больной отъ перепоя головой. Около него жена. Привела его «взять у братца трезвость».

Всѣ молча, благоговѣйно вздыхаютъ. Одна баба разсказываетъ о какомъ-то видѣніи. Ей разсказывалъ монахъ изъ Сарова. Ее внимательно слушаютъ.

Вдругъ вламывается совершенно пьяный мастеровой, размахиваетъ руками и кричитъ:

— Жулики! Жулики! Жулики всѣ!

Бросается съ грязными ногами на кровать и рветъ зубами подушку.

— Батюшки, полоумный,—вскрикнули бабы.

Потомъ разглядѣли—пьяный.

— Нехристь. Разбойникъ. Ни свѣтъ ни заря нализался. И въ какое мѣсто пришелъ.

Григорій Сысоичъ мягко поднялъ его и тихо, смѣясь, выпроваживалъ:

— Куда пришелъ-то? Въ рай пришелъ... Какъ петровскій солдатъ. Его привели во дворецъ пьянаго, онъ проспался и спрашиваетъ, гдѣ я? А ему: на томъ свѣтѣ, въ раю. А ты кто? Ангелъ. Ангелъ-дружокъ, дай рюмочку... Ему дали. Онъ еще: дай другую. Дали. Тогда онъ всталъ и грозно крикнулъ: ангелъ, тащи полбутылку...

Всѣ смѣются. Пьяный рабочій уходитъ.

Чай пить мы расположились въ кухнѣ—негдѣ болѣе, вездѣ былъ народъ. Григорій Сысоичъ разсказалъ исторію «братца».

— Вся исторія—чудо, сказалъ онъ.—И «братецъ» существуетъ сейчасъ однимъ чудомъ.

«Братецъ» Иванъ Николаевичъ Колосковъ—крестьянинъ Тульской губерніи. Тамъ у него надѣлъ, семья.

Работалъ онъ сначала въ Петербургѣ по серебряному дѣлу. Былъ прекраснымъ мастеромъ. Велъ жизнь рабочаго. Не пьянствовалъ, какъ нѣкоторые, но все-таки пилъ. Однажды онъ попалъ къ петербургскому «братцу Іоанну» Чурикову и... просвѣтлѣлъ.

Пріѣхалъ въ Москву. На своей квартирѣ собиралъ своихъ послѣдователей и проповѣдывалъ. Все было въ маленькихъ размѣрахъ. И проповѣдь была сначала слабая. Но вліяніе росло. Слухъ дошелъ до епархіальнаго начальства. Миссіонеры предлагали «братцу» стать православнымъ миссіонеромъ, обѣщали хорошее жалованье. Братецъ отвѣчалъ:

— Не могу я спорить, могу лишь проповѣдывать.

Полиція запретила проповѣдь, поставивъ у квартиры Колоскова городовыхъ.

— Спервоначалу,—разсказываетъ Григорій Сысоичъ,—нашъ приходскій священникъ даже былъ радъ братцу, потому братецъ посылалъ кающихся къ нему на исповѣдь. Но потомъ дѣло приняло другой оборотъ. И священникъ намъ сказалъ: «Не съ руки намъ вашъ «братецъ». Всѣ стали намъ говорить: вотъ мужикъ имѣетъ успѣхъ у народа, всѣ къ нему идутъ».

Тогда трезвенники пошли «по начальству». Стали обивать пороги у властей. Двадцать четыре раза они были у викарнаго московскаго епископа Анастасія. Онъ съ ними долго бесѣдовалъ, говорилъ имъ:

— Зачѣмъ вашъ «братецъ» проповѣдуетъ безъ нашего благословенія. Онъ бы могъ поучиться и стать священникомъ. Тогда проповѣдуй...

Въ концѣ-концовъ онъ имъ заявилъ:

— Это дѣло гражданскаго начальства, а не наше.

Были они четырнадцать разъ у ген.-майора Рейнбота, тогдашняго градоначальника. Онъ тоже долго бесѣдовалъ и тоже сказалъ:

— Это дѣло касается епархіальной власти, мы тутъ

не при чемъ, мы хоть сейчасъ дозволимъ вашему Иванушкѣ проповѣдь.

Были три раза у митрополита Владиміра. Тотъ отказалъ категорически:

— Вы новую секту основали,—сурово сказалъ онъ.— А потомъ придете просить посвятить вашего Иванушку въ священники. А какъ его посвятить, когда онъ невѣжда, грамотѣ еле умѣетъ.

— Какая мы секта,—отвѣчали трезвенники.—Братецъ только и дѣлаетъ, что отвращаетъ отъ пьянства и другихъ пороковъ. Противъ церкви и царя не учитъ. Наоборотъ, говоритъ о подчиненіи и уваженіи къ нимъ. А въ церковь всѣхъ посылаетъ.

— Отврашать отъ пьянства—обязанность не Иванушки, а нашихъ священниковъ. Зачѣмъ другимъ въ это дѣло лѣзть?

Между тѣмъ на «братца» гоненія продолжались. Онъ хотя и не имѣлъ права пріѣзжать въ Москву, но тайно пріѣзжалъ. Это дошло, конечно, до полиціи. Въ народѣ тогда говорили, что будто бы обѣшано 30 руб. тому, кто поймаетъ «братца» въ Москвѣ. Нашелся одинъ, предалъ «братца».

— Однажды, — разсказывалъ Григорій Сысоичъ,—сидимъ мы съ братцемъ. Вдругъ приставъ съ 10 городовыми. Братца мы едва успѣли спрятать въ каменную стѣну, въ которой былъ потайной шкапъ, закрытый образомъ. Искали они братца четыре часа, перервали обои, остукивали стѣны, подняли все вверхъ дномъ, но не нашли. А дѣло было зимой, холодъ лютый. Братецъ въ одной рубашкѣ просидѣлъ въ каменномъ мѣшкѣ часа три, издрогъ...

Понятно, гоненіе дѣлало изъ «братца» «мученика» и только увеличивало число его послѣдователей.

«Братца» окружаютъ люди энергичные. Григорій Сысоичъ выглядитъ мягкимъ, но это упорный, настойчивый человѣкъ. Онъ-то и взялся за хлопоты. Въ это самое время какъ разъ стали гнать и другого московскаго братца Димитрія. Ему было также запрещено проповѣдывать. По-

слѣдователи братца Димитрія вручили Григорію Сысоичу свои полномочія:

— Хлопочи, кстати, и о нашемъ братцѣ.

— Узнали мы,—разсказываетъ Григорій Сысоичъ,— что петербургскому братцу Іоанну Чурикову разрѣшена проповѣдь по ходатайству одного высокопоставленнаго лица. Рѣшилъ я дойти до этого лица. Собралъ свои монадки и поѣхалъ въ Питеръ. Увязалась со мной Платоновна— баба наша. Возьми да возьми, хочу братцу послужить. Пріѣхали мы. Къ кому обратиться? Вездѣ заставы да тормозы, прошеніе подать можешь, а самого лично дальше канцеляріи не пустятъ. А наше дѣло такое, что безъ самоличнаго разговора не обойдешься. Узнали мы, что высокое лицо то живетъ около Петербурга въ Гатчинѣ. Поѣхали. Идемъ по улицѣ. Къ встрѣчнымъ боязно обратиться, какъ разъ на такого попадешь, что радъ не будешь, въ участкѣ ночуешь. И надоумилъ меня Богъ. Идетъ кирасирскій солдатъ. Я къ нему: «дорогой братецъ, въ Бога ты вѣруешь?» «Вѣрую»—отвѣчаетъ. «Христіанинъ ты?» «Христіанинъ». Я и разсказалъ ему свое дѣло на чистоту. Добрый человѣкъ попался. Научилъ, гдѣ встрѣтить того, кого намъ было нужно. Только, говоритъ, не говорите, что я васъ научилъ, а то мнѣ попадетъ. Были въ то время маневры около Гатчины. Пошли мы съ Платоновной. Тысячу препятствій, заставъ. Я какъ чуть чего, сейчасъ вопросъ: «Вѣруешь въ Бога?» «Вѣрую». Ну вездѣ стоятъ свои люди, христіане, пропускаютъ. Сѣли мы на пригорокъ, дожидаемся. Не прошло полчаса, смотримъ, ѣдетъ онъ мимо ржи. Мы къ нему на колѣни. Милостиво, ласково принялъ насъ, взялъ бумагу, прочиталъ. Черезъ двѣ недѣли, говоритъ, ваше дѣло будетъ рѣшено въ вашу пользу. Обрадовались мы, уѣхали. Пріѣзжаемъ въ Москву, а черезъ нѣсколько дней братца зовутъ въ участокъ. Ступай, говоримъ, получай радость. Онъ пошелъ и не вернулся. Засадили его за рѣшетку. Мы къ генералу Рейнботу. Онъ предложилъ на выборъ: на три мѣсяца братца въ тюрьму и потомъ высылка, или сразу высылка навсегда въ деревню.

Выбрали, конечно, послѣднее. Братца выслали въ Алексинскій уѣздъ. Вотъ тебѣ и радость. Видно тамъ наверху непонятіе вышло какое-нибудь...

Григорій Сысоичъ съ Платоновной поѣхали опять въ Петербургъ. Пошли по старымъ ходамъ. Въ Петербургѣ у нихъ вышла опять «зацѣпка», какъ выражается Григорій Сысоичъ.

— Ходимъ, не знаемъ, къ кому обратиться. И удумалъ я разсказать свою нужду городовому. Добрый, ласковый такой, говорить съ нимъ пріятно. Нашъ православный христіанинъ. Пока дѣло ему докладывалъ, все шло хорошо. А потомъ, какъ сказалъ, къ кому я явился, онъ и говоритъ:

— Иди, я тебя проведу.

И провелъ прямо въ участокъ. Пошли разспросы: куда да зачѣмъ? Потомъ насъ въ жандармское управленіе. Тамъ тоже спрашивали. Наконецъ, кое-какъ выкарабкались. Пошелъ я къ тому городовому и сказалъ ему: «Эхъ ты, гдѣ у тебя совѣсть». А ему, видимо, стыдно стало, отвернулся, молчитъ.

Поѣхали опять въ Гатчину. Тамъ тоже долго ходили безъ толку. Наконецъ съ прошеніемъ явились къ одному гвардейскому поручику, у котораго бывалъ на дому нужный имъ человѣкъ. Пришли какъ разъ во время—онъ былъ тамъ. Назначилъ имъ притти тогда-то, но пропуска не далъ. На другой день опять «склока»—никакъ не пройдутъ сквозь охранку. Кое-какъ добрались до канцеляріи.

— Сидитъ злой-презлой письмоводитель,—разсказывалъ Григорій Сысоичъ,—и такую рѣчь ведетъ: что-де братцы всѣ мазурики и гнать ихъ нужно въ три шеи. Я къ нему со святымъ писаніемъ да обличительнымъ словомъ. Ну, замолкъ немного, пересталъ смѣяться. Кое-какъ дошелъ до высшаго чина. Оказался добрый-предобрый человѣкъ. Ласково обошелся, обѣщалъ все сдѣлать. И, дѣйствительно, скоро наше прошеніе съ хорошей для насъ помѣткой было переправлено въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Министерство не задержало и въ синодъ.

Въ синодѣ дѣло крѣпко засѣло.

— Подъ сукно положили,—говорилъ Григорій Сысоичъ.

Четыре мѣсяца прошенію не давали хода. Григорій Сысоичъ продолжалъ ѣздить въ Петербургъ и надоѣдать. Онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ вѣчныхъ просителей, которыхъ много въ столицѣ и которыхъ видѣть не могутъ въ департаментахъ и канцеляріяхъ.

Шесть разъ онъ былъ въ Петербургѣ. «Крупно разговаривалъ» съ г. Соловьевымъ, большимъ чиновникомъ синода и съ самимъ оберъ-прокуроромъ Извольскимъ. Гдѣ упрашивалъ и молилъ, а гдѣ твердо опирался на хорошую для его дѣла помѣтку на прошеніи. Наконецъ ему категорически заявили:

— Вамъ отказано.

Въ синодскомъ указѣ отъ 9 сентября 1908 года приводится отзывъ о «братцѣ» московскаго митрополита Владиміра. «Устраиваемыя Колосковымъ собранія, — говорится тамъ,—помимо ихъ нежелательности съ православной точки зрѣнія, никоимъ образомъ не могутъ быть допустимы и по нынѣ существующимъ вѣроисповѣднымъ законамъ, такъ какъ крестьянинъ Колосковъ по всѣмъ признакамъ его дѣятельности и образа жизни несомнѣнно принадлежитъ къ послѣдователямъ тайной секты хлыстовъ, а потому собранія, устраиваемыя Колосковымъ, какъ религіозныя, не подлежатъ дѣйствію закона 4 марта 1906 года о публичныхъ собраніяхъ, и, кромѣ того, ...*право проповѣди своего ученія иномыслящимъ принадлежитъ только одной православной церкви*».

Но въ то время, когда Григорій Сысоичъ хлопоталъ въ Петербургѣ, онъ познакомился на одномъ собраніи у петербургскаго «братца» Іоанна съ депутатами Государственной Думы Каменскимъ и фонъ-Анрепомъ. Разсказалъ имъ свое горе. Тѣ—къ министру П. А. Столыпину. Министръ, разобравъ дѣло, разрѣшилъ «братцу» вернуться въ Москву и открыто проповѣдывать. Трезвенники думаютъ, что помогла имъ все-таки Гатчина. Министръ не хотѣлъ итти противъ нея и долженъ былъ итти противъ синода. Благодаря Гат-

чинѣ, будто бы, проповѣдуетъ и петербургскій «братецъ» Іоаннъ.

Московскою властью было получено сначала министерское разрѣшеніе, а черезъ нѣсколько дней синодское запрещеніе. Указу синода не придали значенія. Вошло въ силу разрѣшеніе.

Гоненіе на «братца». Отлученіе отъ церкви.

Понятно, что московское духовенство ополчилось на «братца».

На одномъ изъ сектантскихъ собесѣдованій миссіонеръ Ильинъ, укоряя трезвенниковъ, сказалъ:

— Вы говорите, что чтите наше пастырство, а между тѣмъ собранія свои устраиваете безъ разрѣшенія пастырской власти?

Духовенство и миссіонеры всѣми мѣрами стараются подорвать кредитъ «братца» въ народѣ.

Около моленной «братца», въ дни собраній, стоитъ какой-то человѣкъ и раздаетъ брошюрки сочиненія православныхъ миссіонеровъ.

«Братца» въ этихъ брошюркахъ называютъ «лже-Христомъ», «лже-пророкомъ».

«Они (лже-Христы) придутъ передъ кончиной міра и будутъ выдавать себя за высшихъ учителей»...

— Антихристову вѣру проповѣдуетъ вашъ братецъ,— говорятъ они трезвенникамъ.

Рано начали грозить отлученіемъ отъ церкви. Черезъ миссіонеровъ Айвазова и Варжанскаго давали понять, что такое отлученіе не за горами. Братчики не на шутку встревожились.

Первые признаки церковной анаѳемы сказались рано. Священники церкви Николо-Покрова, въ приходѣ которыхъ живетъ «братецъ Іоаннъ», стали отказывать трезвенникамъ въ исповѣди и причастіи.

— За что же,—спрашивали они,—вы хотите лишить насъ спасенія? Что мы вамъ сдѣлали?

Отвѣтъ былъ такой:

— Вы послѣдователи братца, а не Христа, вы подрываетесь подъ православную церковь.

— Какъ подрываемся, когда мы идемъ въ вашу церковь, у васъ просимъ причастія? Мы всѣ православные догматы и обряды признаемъ, Христа почитаемъ Спасителемъ міра, а братца простымъ человѣкомъ, наставляющимъ насъ въ трезвости и праведной жизни.

— Отрекитесь отъ братца.

— Батюшка,—говорила одна женщина-трезвенница,— какъ мы можемъ отречься отъ того, кто далъ намъ познать хорошую праведную жизнь. Вѣдь къ братцу идутъ больные, душой печальные. Кто пьяница, кто съ женой не живетъ, кто боленъ... А отъ братца уходятъ здоровые. Я вотъ семь лѣтъ сохла, была у васъ на исповѣди, вы мнѣ мясо разрѣшили есть, я ѣла, а болѣть продолжала. А пришла къ братцу, помолился онъ, велѣлъ попоститься недѣльку, ничего не ѣсть и вотъ я здоровая. Кто же далъ мнѣ жизнь? И какъ же я могу отречься отъ братца? И кто такая я буду, если отрекусь?..

Но убѣдить священниковъ имъ не удалось. Тѣ продолжали лишать трезвенниковъ исповѣди и причастія.

Былъ такой случай. О. Семенъ николо-покровской церкви, въ приходѣ котораго живетъ «братецъ Іоаннъ», съ церковной каѳедры обличалъ трезвенниковъ.

— Братецъ Іоаннъ вооружается противъ брака, разлучаетъ мужа съ женой, возстаетъ противъ рожденія дѣтей...

Одна изъ поклонницъ «брату», присутствовавшая здѣсь, сказала:

— Зачѣмъ вы, батюшка, неправду говорите?

Ее вывели изъ храма.

Случаевъ протестовъ въ церкви противъ оговора «братца» священниками было много. Протестантовъ выводили, а когда они не выходили, ихъ полиція выносила на рукахъ.

Трезвенники пропускали мимо ушей названія «лжепророкъ», «антихристъ» и т. п., но прямого обвиненія въ томъ, что братецъ идетъ противъ брака, не вынесли. И

пожаловались однажды мировому судьѣ. Обвинили о. Семена въ клеветѣ.

Повѣстка была вручена о. Семену. Насталъ день суда. Въ камеру явилось до 250 братчиковъ. Пришли беременныя женщины, ведя за руку дѣтей, какъ наглядное доказательство несправедливости обвиненія.

«Братецъ Іоаннъ» часто бываетъ воспреемникомъ у своихъ братчиковъ. И это одно уже рушитъ обвиненіе.

О. Семенъ на судъ не явился. Мировой судья Лефортовскаго участка заявилъ обвинителямъ, что, согласно закону, священника можетъ судить только духовный судъ.

— Мы о. Семену простили,—разсказывалъ мнѣ Григорій Сысоичъ,—у мирового же судьи просили только спѣть въ его камерѣ «Спаси, Господи». Но онъ нашелъ это неудобнымъ: «Пойте на дворѣ», сказалъ.

Слухи объ отлученіи заставили братчиковъ еще зимой 1909 года нарядить депутацію въ Петербургъ, къ министру П. А. Столыпину.

— Онъ разрѣшилъ нашему братцу проповѣдь, отъ него мы ждемъ защиты отъ нападокъ духовенства.

Прежде всего, по пріѣздѣ они поднесли подарокъ Государственной Думѣ—библію.

— Государственной Думѣ присылали адреса, привѣтствія, телеграммы, но никто не прислалъ книгу мудрости—библію.

— И вотъ мы видимъ,— говорилъ мнѣ Григорій Сысоичъ,—какъ Думу раздираютъ партійность, ссоры и ненависть. Все потому, что никто не хочетъ согласовать свои поступки съ евангеліемъ. Мы подарили Думѣ библію, можетъ-быть депутаты будутъ почаще заглядывать въ эту книгу мудрости?

При библіи адресъ сочиненія Григорія Сысоича:

«Честь имѣемъ съ истинной христіанской любовью преподнести на память 1909 года членамъ Государственной Думы священную книгу Ветхаго и Новаго Завѣта. Пастухи, стерожившіе ночью стадо, услышали ангельское пѣніе: «слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». А мы, какъ христіане, вѣрующіе въ Христа

желаемъ отъ глубины нашего сердца, чтобы въ каждомъ обществѣ какъ въ высшемъ, такъ и низкомъ были бы «слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Библію и адресъ отдали депутату В. К. фонъ-Анрепу для передачи въ Государственную Думу. Ему же передали и прошеніе на имя П. А. Столыпина. Въ прошеніи разсказывается о нападкахъ духовенства, а въ заключеніи:

«Всепокорнѣйше просимъ васъ замолвить за насъ ваше правдивое слово».

Въ концѣ октября 1909 года изъ Петербурга былъ присланъ чиновникъ особыхъ порученій при директорѣ департамента духовныхъ дѣлъ П. И. Павловъ. Видимо, въ министерствѣ создалось «дѣло о московскихъ братцахъ».

Чиновникъ инкогнито былъ у «братцевъ» на собраніяхъ. Потомъ разговаривалъ съ ними и ничего предосудительнаго не нашелъ въ ихъ дѣятельности. Наоборотъ ему понравились собранія своей религіозностью.

Но духовенство не переставало преслѣдовать трезвенниковъ. Изъ провинціи стали приходить свѣдѣнія, что тамъ священники рвутъ портреты «братца» и также грозятъ отлученіемъ всѣмъ трезвенникамъ. На московскихъ противосектантскихъ собесѣдованіяхъ миссіонеры «обличали» ихъ. Миссіонеръ изъ рабочихъ Иванъ Ильинъ «обличалъ» трезвенниковъ такъ:

— Ваша секта существовала еще въ 70-хъ годахъ. У васъ есть «богородицы», съ которыми вы развратничаете. Вы пьянствуете, хотя и говорите, что насаждаете трезвость. Вы обираете народъ. Вы—іоанниты. Вы своихъ женъ называете суками, а дѣтей —бѣсами.

А ему въ отвѣтъ говорили:

— Побойся Бога, Ильичъ. Какая мы секта! Приди къ намъ и посмотри. Какіе у насъ суки и бѣсы? Гдѣ у насъ «богородицы»? Кого мы обираемъ? Какое отношеніе мы имѣемъ къ іоаннитамъ? Кого изъ насъ видѣли пьянымъ?

Однажды ко мнѣ пришелъ громаднаго роста человѣкъ, Голіафъ, въ дубленомъ полушубкѣ съ шапкой сѣдыхъ кудрей.

— Къ вашей милости, господинъ.

Кто-то послалъ его ко мнѣ.

— Я, конечно, трезвенникъ братца Іоанна. Былъ, одно слово, послѣдній человѣкъ — водку жралъ стаканами, курилъ табакъ, такъ что по ночамъ вставалъ курить. И дѣло свое забросилъ—ломовые мы извозчики будемъ. Привела меня жена къ братцу Іоанну. Взялъ я трезвость и все какъ рукой сняло. Купилъ я два патрета братца и отнесъ родственникамъ. Такъ они съ одного патрета бросили пить—вотъ какъ! А священникъ ходилъ со святой водой, увидалъ патретъ и разорвалъ. Почему, спрашиваю?

— Мнѣ приходъ данъ, а не братцу, я въ немъ и господинъ,—отвѣчалъ.

— Приходъ тебѣ данъ, говорю, батюшка, для мира... А не то што...

Разсказывали такой случай. Въ школѣ священникъ услыхалъ, какъ кучка ребятишекъ поетъ какую-то духовную пѣснь, которой ихъ не учили.

— Откуда вы научились?

— Отъ братца Іоанна.

— Вы въ него вѣрите?

— Вѣримъ,—простодушно отвѣчаютъ дѣти.

Послѣдовало «убѣдительное» увѣщаніе.

20 декабря 1909 года трезвенникъ «братца Іоанна» Зайцевъ слушалъ раннюю обѣдню въ церкви св. Софіи, на Москворѣцкой набережной. При окончаніи богослуженія священникъ о. А. Боголѣповъ произнесъ проповѣдь о трезвенникахъ. Онъ доказывалъ, что «братецъ Іоаннъ» научаетъ своихъ послѣдователей не поклоняться православнымъ иконамъ, не ходить въ церковь, не причащаться. Зайцевъ, стоявшій возлѣ священника, возразилъ на это:

— Батюшка, ничему такому братецъ насъ не научаетъ. Наоборотъ, онъ постоянно требуетъ, чтобы мы всѣ были усердны къ Божьему храму и священству.

— Замолчи!—остановилъ Зайцева о. Боголѣповъ и продолжалъ проповѣдь, утверждая, что «братецъ» придерживается хлыстовства и ведетъ развратную жизнь. Зайцевъ снова прервалъ священника, говоря:

— Батюшка, это ложь и клевета. Братецъ научаетъ насъ не пить вина, не курить, не развратничать, любить своихъ женъ, мужей, дѣтей.

— Замолчи!—еще болѣе строго возразилъ о. Боголѣповъ и снова продолжалъ проповѣдь. Когда стали подходить къ кресту, Зайцевъ опять обратился къ священнику:

— Братецъ, батюшка, васъ видно разбудилъ. Теперь и вы начинаете проповѣдывать противъ пьянства и развратной жизни.

О. Боголѣповъ обратился къ находящемуся въ церкви мѣстному околодочному съ просьбой взять Зайцева въ участокъ и составить протоколъ. Зайцевъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Дѣло разбиралось у мирового судьи якиманскаго участка. Камера была полна трезвенниками. Зайцевъ приговоренъ къ штрафу въ 3 рубля или, за несостоятельностью, къ аресту на 1 сутки.

— Только-то?—говорилъ удивленный Зайцевъ,—За братца я 10 рублей заплачу.

На совѣтѣ у «братца» было рѣшено, чтобы Зайцевъ отсидѣлъ, а не платилъ штрафа. Сказали:

— Для Божьяго дѣла тюрьма почетнѣе, чѣмъ денежный штрафъ...

На третій день Рождества 1909 года толпа трезвенниковъ вздумала пойти прославить Христа на вокзалахъ. Прославили на Ярославскомъ вокзалѣ, но жандармы захватили троихъ изъ нихъ и составили протоколъ. Ихъ судили за нарушеніе тишины и спокойствія. Мировой судья оправдалъ.

— Вѣдь мы же православные,—недоумѣвали они.—Неужели же намъ въ православномъ государствѣ нельзя славить Христа?.. Это наша вѣра, нашъ обрядъ!..

Слухи объ отлученіи становились все настойчивѣе.

Гражданская власть трезвенниковъ не трогала, и даже охраняла, а духовная не переставала преслѣдовать.

2 января 1910 года трезвенники послали слѣдующую телеграмму въ синодъ.

«Мы, нѣсколько тысячъ трезвенниковъ братца Іоанна, сильно взволнованы слухами объ отлученіи насъ отъ церкви. Мы исповѣдуемъ всѣ догматы, установленные православною церковью, и вѣруемъ во всѣ ея святыя таинства и бракъ признаемъ богоучрежденнымъ, таинственнымъ и необходимымъ для рода человѣческаго. Мы вѣруемъ во святую церковь и желаемъ, чтобы она проводила насъ въ загробную жизнь. Братецъ Іоаннъ всѣми силами укрѣпляетъ и развиваетъ въ насъ сію вѣрность и преданность исконному православію.

«Твердо и рѣшительно отказались мы отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, табаку и другихъ порочныхъ дѣйствій. Но съ вѣрою въ святое причащеніе принимаемъ кровь Христову подъ видомъ вина. Самое вино мы не почитаемъ скверною, не убѣждены, что употребленіе его является неизлѣчимою отравой для всего человѣчества. Къ древнимъ еретикамъ, запрещавшимъ употребленіе вина, а также и бракъ, мы не имѣемъ никакого отношенія.

«Мы собираемся у братца Іоанна для выслушанія его назидательныхъ увѣщаній и совѣтовъ. На это нѣтъ епископскаго благословенія, хотя мы въ 1907 году трижды обращались къ московскому митрополиту-владыкѣ. Братецъ Іоаннъ и всѣ мы были исполнены глубокой надежды, что церковь благословитъ наше начинаніе. И теперь твердо увѣрены въ томъ, что святѣйшій синодъ преподастъ святѣйшее благословеніе братцу Іоанну.

«Братецъ Іоаннъ выразилъ свое согласіе не бесѣдовать съ народомъ безъ благословенія архіерейскаго. Но никакія силы не могутъ удержать тысячи народа отъ посѣщеній братца и ему по необходимости приходится продолжать свои бесѣды. Народъ не отпуститъ братца и не отступитъ отъ него, такъ какъ безъ него вся наша жизнь придетъ въ прежнее печальное положеніе.

«Просимъ и молимъ святѣйшій синодъ точно и безпристрастно разобраться въ нашемъ вопросѣ и преподать святѣйшее благословеніе на продолженіе нашего дѣла во славу Господа нашего Іисуса Христа и Его святой церкви и въ пользу всего народа».

Копіи этой телеграммы были посланы министрамъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и двора, а также члену Государственной Думы В. К. фонъ-Анрепу.

Вскорѣ начались «увѣщанія» братца со стороны духовенства. Эти «увѣщанія» обычно предшествуютъ отлученію.

На первомъ увѣщаніи приходскій священникъ «братца» представилъ ему брошюру миссіонера Айвазова и изложилъ содержаніе ея.

— Вы обвиняетесь въ противонравственныхъ преступленіяхъ.

— Ничего не знаю,—отвѣчалъ «братецъ».

— Братецъ научаетъ насъ чистой жизни—не пьянствовать, не развратничать, честно жить съ женами, воспитывать дѣтей,—подтверждаютъ трезвенники.

— Вы одну молодую дѣвушку отговаривали вступить въ бракъ,—выступаетъ о. Семенъ,—значитъ, вы почитаете бракъ скверной.

Трезвенники объясняютъ, въ чемъ дѣло. Враги ихъ хотѣли завлечь ее. Обѣщали даровое вѣнчаніе, хорошее приданое и нѣсколько сотъ денегъ. Условія—она должна была дать подписку, что братецъ запрещаетъ вступать въ бракъ и ведетъ безнравственную жизнь.

— Вотъ о. Дмитрій записка, данная вами этой дѣвушкѣ къ г. Айвазову,—подтверждаютъ они свои показанія.—Дѣвушка вовсе не думала отступать отъ насъ и хотѣла только провѣрить васъ.

— Ты виноватъ въ томъ, что бесѣдуешь съ народомъ безъ благословенія его высокопреосвященства. Владыка-митрополитъ проситъ тебя прекратить эти собесѣдованія.

— Если владыка проситъ, то я послушаю.

Миссіонеры начинаютъ составлять какую-то бумагу для подписи. Трезвенники волнуются.

Бумага готова и дается «братцу» для подписи. Трезвенники подхватываютъ братца подъ руки, одѣваютъ его и уводятъ.

На послѣднемъ увѣщаніи 10 февраля 1910 года произошло слѣдующее. Увѣщатели пришли безъ всякаго предупрежденія и застали братца одного.

— По порученію владыки-митрополита,—сказали они,—мы пришли къ тебѣ, Иванъ Николаевичъ, съ третьимъ и послѣднимъ увѣщаніемъ. Если ты признаешь себя сыномъ православной церкви, то долженъ покориться владыкѣ, отказаться отъ веденія съ трезвенниками публичныхъ бесѣдъ и отпустить отъ себя всѣхъ живущихъ при тебѣ. Дай въ этомъ подписку. Если не согласенъ, мы донесемъ, что троекратное увѣщаніе наше на тебя не подѣйствовало, и ты будешь отлученъ отъ церкви и преданъ анаѳемѣ.

— Прочитайте подписку,—говоритъ «братецъ».

Прочитывается заранѣе заготовленная бумага. Въ ней говорится, что братецъ обязывается отказаться отъ распространенія своего самочиннаго ученія, отъ веденія съ народомъ бесѣдъ и отъ ношенія своей одежды и креста, т.-е. простой русской рубашки съ широкимъ поясомъ и поверхъ ея большого креста на лентѣ черезъ плечо. «Братецъ» возражаетъ.

Увѣщатели непреклонны и требуютъ своего—подписаться. Братецъ соглашается, наконецъ, выполнить это требованіе, съ однимъ, впрочемъ, условіемъ:

— Быть-можетъ,—говоритъ онъ,—владыка смилостивится и впослѣдствіи разрѣшитъ мнѣ бесѣдовать съ народомъ, вѣдь въ этомъ ничего неправославнаго нѣтъ.

— Конечно, согласится,—говорятъ увѣщатели.— Только теперь-то подчинись!

«Братецъ» взялъ въ руки перо. Вдругъ подскакиваетъ одна изъ трезвенницъ Прасковья, сжимаетъ его руку и вырываетъ перо:

— Не допущу,—говоритъ.—Братецъ, ты не долженъ давать эту подписку. Не приноси вреда народу. А вы, священники, уходите!

Въ эту минуту въ комнату врывается толпа трезвенниковъ. Всѣ кричатъ:

— Братецъ, не подписывайся. Не отпустимъ тебя!

Начинаются долгія препирательства между увѣщателями и трезвенниками и трезвенницами. Вмѣшивается Екатерина Колоскова, законная жена «братца».

Увѣщатели окончательно обезкуражены.

— Иванъ Николаевичъ,—спрашиваютъ они,—какъ же намъ написать. Какой отвѣтъ дать?

— Пишите, какъ ваша совѣсть подсказываетъ,—отвѣчалъ «братецъ».

Увѣщатели удалились.

Скоро стало извѣстно, что 7-го марта 1910 г. произойдетъ отлученіе. Трезвенники опять послали депутацію въ Петербургъ. Она подала во всѣ мѣста прошенія и была у членовъ Думы Каменскаго и фонъ-Анрепа, у Харузина, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, П. А. Столыпина, но результатовъ благопріятныхъ не получила.

Были трезвенники и у митрополита московскаго Владиміра, который былъ тогда въ Петербургѣ. Онъ принялъ ихъ. Они объяснили цѣль своего посѣщенія.

— Насъ хотятъ отъ церкви отлучить, нашъ приходскій священникъ о. Дмитрій Бѣляевъ заявилъ намъ, что онъ не допуститъ насъ до исповѣди. Когда мы сказали ему, что мы все-таки придемъ къ нему исповѣдываться на первой недѣлѣ поста, то онъ отвѣтилъ, что поставитъ полицію, которая устранитъ ихъ.

— Священникъ—хозяинъ церкви—,сказалъ митрополитъ —и если онъ находитъ нужнымъ такъ поступать, то значитъ имѣетъ на это основанія.

Передавъ прошеніе митрополиту, трезвенники сказали:

— Мы боимся проклятія.

— Да чего вы боитесь? Анаѳема не такъ страшна, какъ вы думаете. Вѣдь тотъ, кто произноситъ анаѳему, въ то же время молится объ обращеніи анаѳематствуемаго. Да притомъ мы хотимъ отлучить отъ церкви только вашихъ «братцевъ», Іоанна и Дмитрія. Это дѣло васъ не касается.

— Нѣтъ, это дѣло и насъ касается, потому что мы получили чрезъ «братцевъ» жизнь: перестали пить, курить и другое худое дѣлать и стали ходить въ церковь, а вы за это хотите насъ отлучить.

— А прежде развѣ вы не ходили въ церковь?

— Ходили, но только по утрамъ, а по вечерамъ ходили по всѣмъ развратнымъ мѣстамъ. А теперь мы какъ и въ церкви, такъ и дома всегда поемъ церковныя пѣсни и все это черезъ «братцевъ». Благодаря имъ у насъ теперь именины, крестины, церковные праздники и даже свадьбы совершаются безъ водки, табакокуренія, музыки, танцевъ и пѣнія мірскихъ пѣсенъ.

— Да, это все хорошо. За это «братцамъ» спасибо. Вѣдь мы и сами къ этому же стремимся. Но вѣдь и сатана является въ образѣ ангела. Мнѣ жаль васъ, какъ заблудшихъ овецъ. Вы всё дѣлаете помимо пастырей. Вотъ и сейчасъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, вы обратились къ свѣтскимъ властямъ. Но что эти франтики могутъ сдѣлать для васъ? Ровно ничего. Вы обратились къ оберъ-прокурору св. синода, а онъ послалъ васъ ко мнѣ.

Отпуская трезвенниковъ, митрополитъ Владиміръ вручилъ имъ брошюру «Алкоголизмъ и его опасность» и листокъ «Что долженъ знать объ алкоголѣ солдатъ?»—изданія «Братства воскресенія Христова въ Москвѣ».

До самаго дня отлученія трезвенники надѣялись, что гроза отлученія пройдетъ мимо нихъ.

— Какъ же можно отлучать отъ церкви людей, признающихъ и вѣрящихъ въ эту церковь. Отлучали Емельку Пугачева и Стеньку Разина, такъ тѣ были разбойники и душегубы, а мы только трезвенники.

— Посмѣются да и бросятъ,—говорили другіе.

Оказалось не такъ. 7-го марта въ недѣлю православія произошло торжественное анаѳематствованіе «братцевъ» Іоанна и Дмитрія въ 28 московскихъ церквахъ. Наканунѣ была выпущена и роздана народу брошюрка о «братцахъ». Въ ней собраны всѣ обвиненія миссіонеровъ. Говорится, между прочимъ, что у нихъ устраиваются «вечери любви»,

на которыхъ бываютъ хлыстовскія пляски и свальный грѣхъ.

Вотъ текстъ анаѳематствованія:

«Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, создавая церковь свою, заповѣдалъ повиноваться ей подъ угрозою: «если и церкви не послушаетъ братъ твой, то да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь». И святый апостолъ повелѣлъ: «еретика, послѣ перваго и второго вразумленія, отвращайся, зная, что таковый развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ».

Посему и святая православная церковь Христова, всегда снисходительная къ немощамъ согрѣшающихъ и кающихся грѣшниковъ, не можетъ, однако, терпѣть въ своихъ нѣдрахъ нераскаянныхъ нечестивцевъ, еретиковъ и богохульниковъ. Послѣдуя заповѣдямъ Господа нашего Іисуса Христа и правиламъ святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ и святыхъ отецъ, она таковыхъ нечестивцевъ, еретиковъ и богохульниковъ отлучаетъ и анаѳематствуетъ.

Къ великому прискорбію, таковые обреченные анаѳемѣ явились нынѣ въ древлепрестольномъ градѣ Москвѣ; это — извѣстные въ Москвѣ такъ-называемые «братцы» Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ.

Они уклонились въ пагубную ересь, нечестивую и богохульную, подобную хлыстовской, и распространяютъ ее среди простодушныхъ людей, отторгая ихъ отъ православной церкви, прикрываясь и обманывая ихъ своимъ видимымъ благочестіемъ и трезвостью. По виду кажущіеся благочестивыми, они на самомъ дѣлѣ содержатъ и проповѣдуютъ самое нечестивое ученіе, а именно:

неправо мудрствуютъ о лицѣ Господа нашего Іисуса Христа и Его Пречистой Матери, называя себя и другихъ смертныхъ и простыхъ людей сими достопоклоняемыми именами;

извращаютъ святыя таинства церкви и одни изъ сихъ таинствъ принимаютъ лицемѣрно, неправо перетолковывая ихъ смыслъ, какъ, напримѣръ, причащеніе и елеосвященіе, а другія таинства, какъ бракъ, совсѣмъ отвергаютъ.

Изъясняютъ священное писаніе, особенно святое Евангеліе, самочинно, иносказательно, превратно, по своему мудрованію и для оправданія своихъ лжеученій, а не по разуму святыхъ отецъ и не по руководству святой православной церкви;

дерзаютъ хулить церковное священноначаліе, не желаютъ вести своихъ бесѣдъ съ православными въ присутствіи и подъ руководствомъ пастырей и притомъ сами принимаютъ на себя право и власть совершать священническія дѣйствія, именно: учить, благословлять, раздавать елей и т. п.;

устраиваютъ самочинныя сборища для прельщенія православныхъ, вопреки многократнымъ предупрежденіямъ и увѣщаніямъ церковной власти.

Наконецъ, они призрѣли особливыя, нарочитыя и неоднократныя увѣщанія и просьбы лицъ, по опредѣленію святѣйшаго синода, посылаемыхъ къ нимъ отъ архипастыря церкви московской, ожидавшаго ихъ обращенія и покаянія.

Посему нашъ архипастырь, высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій, по опредѣленію святѣйшаго синода, по долгу архипастырскому и данною ему отъ Господа властью, извергаетъ Ивана Колоскова и Дмитрія Григорьева изъ общества православновѣрующихъ и отлучаетъ отъ церкви Христовой, какъ непотребныхъ и вредныхъ ея членовъ. Отнынѣ Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ лишаются Божія благословенія и всѣхъ даровъ Божіихъ, кровью Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа намъ пріобрѣтенныхъ, и будутъ не причастны имъ, *пока не принесутъ искренняго раскаянія въ своихъ нечестивыхъ мудрованіяхъ и самочинныхъ сборищахъ*, и тогда снова будутъ воспріяты въ лоно св. православной церкви Христовой. Отнынѣ Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ не могутъ приступать къ принятію святыхъ и страшныхъ Таинъ Христовыхъ, не могутъ пользоваться и всѣми другими таинствами церкви. Отнынѣ они не могутъ и входить въ церковь Божію, и къ нимъ въ домъ не можетъ входить священникъ для молитвы и бла-

…датнаго освященія, и съ ними православные міряне да не дерзаютъ имѣть какое-либо общеніе вѣры и молитвы. …о свято и неизмѣнно слово Господа нашего Іисуса Христа: *…ли и церкви не послушаетъ братъ твой, то будетъ сей …бѣ, какъ язычникъ и мытарь»*; живо и дѣйствительно правило святыхъ апостолъ: *«если кто и съ отлученнымъ …щенія церковнаго помолится, хотя бы то было въ домѣ, таковый да будетъ отлученъ»*.

Возвѣщая о семъ православнымъ христіанамъ отъ лица Матери-Церкви, глубоко скорбящей объ отпадшихъ отъ …щенія съ нею, архипастырь нашъ, во исполненіе запо…вѣди апостольской: «кто благовѣствуетъ вамъ не то, что …ы приняли, да будетъ анаѳема», *провозглашаетъ нераска…*янным отступникамъ отъ церкви, отринувшимъ ея бо…жественное благовѣстіе и соблазняющимъ православныхъ христіанъ своею нечестивою ересью, такъ-называемымъ *…братцамъ» Ивану Колоскову и Дмитрію Григорьеву: ана…ема, анаѳема, анаѳема»*.

— Что касается послѣдователей «братцевъ»,—говорилъ …пископъ Василій въ своей проповѣди,—то отъ нихъ зави…ситъ, чтобы анаѳема не распространялась на нихъ. *Церковь …е терпитъ насилія въ дѣлѣ религіозной совѣсти и на……ліемъ не удерживаетъ у себя.* *) Кто хочетъ, пусть остается …ъ «братцемъ», но тогда отлученіе и его послѣдствія перейдутъ и на него.

Мнѣ не пришлось попасть въ церковь Николы-Покрова, …огда отлучали «братцевъ». Полиція, опасавшаяся волне…ній, сначала не пускала никого туда. Я прошелъ къ «братцу». …ъ квартирѣ Григорія Сысоича нашелъ нѣсколько пла…чущихъ женщинъ.

— Что будемъ дѣлать,—говорили они.—И за что?

Жена Григорія Сысоича разсказывала со слезами:

—Господи, что дѣлается,—говорила она.—Народъ смѣет…ся, одной нашей трезвенницѣ воды изъ бассейна не дали, говорятъ, «ты проклятая». За что такой позоръ. Но Богъ

---

*) Здѣсь курсивъ мой А. П.

съ ними. Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ. Говорятъ—отвернитесь отъ «братца». Какъ же я отвернусь, когда я жива стала черезъ братца. Семь лѣтъ лежала въ постели, боль была во всѣхъ суставахъ, сама ѣсть не могла, а братецъ помолился и далъ маслица деревяннаго. Натерлась я имъ, попостилась, приняла внутрь и вотъ теперь стала человѣкомъ. А главное за что я благодарю братца, это за то, что *зла во мнѣ онъ не оставилъ*. Бывало на все сердишься, всѣхъ ругаешь, мальчонка попадется подъ руку, ему пинка дашь, мужъ придетъ, безъ брани его не встрѣтишь, а теперь, слава Богу, все мирно, хорошо и на людей смотрѣть пріятно...

Пришелъ племянникъ Григорія Сысоича. У него влажные глаза и растерянный видъ.

— А кто мы съ дядей Григоріемъ были?!—вступилъ онъ въ разговоръ.—Страшно сказать—забастовщики были. Пьянствовали, дошли до того, что уговорились ѣхать на родину, убить богатую тетку и ограбить. А какъ спознались съ братцемъ, другими людьми стали...

Немного помолчалъ и, отвернувшись, смахнулъ слезу:

— Какъ жить будемъ. Какъ вѣрить?

Онъ былъ въ отчаяніи.

Какъ разъ въ тотъ день, когда «братца» анаѳематствовали, должно было состояться у него обычное собраніе трезвенниковъ. Говорили, что теперь пожалуй и гражданская власть надавитъ на нихъ. Но этого не случилось. Молитвенное собраніе состоялось. Приставъ лишь «посовѣтовалъ» «братцу» не говорить ничего объ отлученіи.

Народу на собесѣдованіи было масса. Кто-то затронулъ было больной вопросъ:

— За что тебя, дорогой братецъ, прокляли?

Но «братецъ» оборвалъ его:

— Я ничего не слыхалъ, и, можетъ-быть, не услышу.

И началъ пѣть «многія лѣта» Государю, митрополиту Владиміру, всѣмъ военоначальникамъ, градоначальникамъ, священнослужителямъ и миссіонерамъ.

А затѣмъ отпустилъ народъ.

— Будьте трезвы, чисты и кротки!

Состоялось и понедѣльничное собраніе. Стало извѣстно, что гражданская власть не находитъ законныхъ основаній для запрещенія. Собранія безпрепятственно продолжаются до сихъ поръ.

Народу теперь приходитъ къ «братцу» не меньше, чѣмъ прежде.

Трезвенники послѣ отлученія посылали новую депутацію въ Петербургъ. А «братецъ» Іоаннъ телеграфировалъ депутату Каменскому просьбу передать его дѣло на обсужденіе Государственной Думы.

Я былъ у трезвенниковъ нѣсколько дней спустя послѣ отлученія.

— Тяжело вамъ,—спрашиваю,—оставаться безъ исповѣди и причастія?

— Да мы и не остаемся. У священниковъ идетъ неразбериха. Одни не допускаютъ насъ къ исповѣди, а другіе исповѣдуютъ. Бываетъ, что въ одномъ приходѣ изъ двухъ священниковъ одинъ исповѣдуетъ, а другой нѣтъ. Мы и идемъ къ тому, который исповѣдуетъ.

Передъ Троицей 1910 года произошло слѣдующее. Гражданскимъ властямъ было кѣмъ-то сообщено, что въ ночь на Троицу у «братца» будетъ хлыстовское радѣніе.

Полиція нагрянула внезапно съ обыскомъ. Епархіальный миссіонеръ Айвазовъ присутствовалъ при обыскѣ, какъ экспертъ по хлыстовскимъ дѣламъ. Рылись въ бѣльѣ, думая найти хлыстовскія рубахи. Но ничего не нашли. Никакихъ признаковъ хлыстовства не было замѣчено.

Скоро надъ «братцемъ» стряслась новая бѣда. Онъ былъ арестованъ и посаженъ на двѣ недѣли при участкѣ.

Около года тому назадъ «братецъ» былъ въ гостяхъ въ одной деревнѣ Дмитровскаго уѣзда у одного трезвенника. Въ избу собралось много народа. Было жарко. Хозяинъ предложилъ перейти въ сарай. Здѣсь братецъ сказалъ «нравственное слово».

Почти черезъ годъ возбудили дѣло. Дмитровская полиція получила на мѣстѣ свѣдѣнія, что «братецъ» занимался пропагандой...

— Въ пропагандіи его обвиняютъ,—говорили мнѣ трезвенники.

Губернаторъ наложилъ резолюцію: арестъ на три мѣсяца. Но послалъ чиновника особыхъ порученій разслѣдовать дѣло. Чиновникъ никакой «пропагандіи» не нашелъ. Но установилъ фактъ обращенія къ народу съ проповѣдью безъ разрѣшенія администраціи. Губернаторъ распорядился наложить на «братца» арестъ на двѣ недѣли.

Трезвенники заволновались. Толпами ходили просить. Посылали депутацію, телеграммы.

— Какъ же народъ будетъ оставаться безъ проповѣди двѣ недѣли,—наивно недоумѣвали они.

«Братецъ» послалъ губернатору такую телеграмму.

«Ваше превосходительство, простите меня за безпокойство. Я—братецъ Іоаннъ, хотя и недостойный, но осмѣливаюсь и поздравляю васъ съ ангеломъ и желаю вамъ здраво проводить оный и прошу у васъ, ваше превосходительство, помилованія. Простите меня, ради Бога, что я нарушилъ вашъ законъ, за что и подвергся отъ васъ аресту.

«Это моя неосторожность. Я просто былъ приглашенъ въ гости однимъ трезвенникомъ. Такъ какъ въ квартирѣ было жарко, почему и очутились на лужайкѣ, около сарая, мирно сидѣли, кушали чай и говорили о нравственности, что слышали и другіе, которыхъ я не приглашалъ и устранить послѣднихъ не имѣлъ никакой власти.

«Я надѣюсь, ваше превосходительство, что вы меня, въ день ангела, простите—не ради меня, а ради тысячъ сираго народа, съ которымъ мнѣ придется нарушить четыре дня бесѣдъ. Да и къ тому же, въ теченіе пяти лѣтъ моего жительства въ Москвѣ, я ни разу не нарушалъ вашихъ губернскихъ постановленій, посему и умоляю васъ, ваше превосходительство, ради Бога снимите съ меня этотъ арестъ. Вы въ силѣ это сдѣлать.

Братецъ *Іоаннъ*».

Но ходатайство не помогло. «Братца» арестовали и отвезли въ какую-то часть. Но въ какую, не сказали. Трез-

венники «съ ума сошли». Ихъ испугала неизвѣстность. Темные люди стали вѣрить нелѣпымъ слухамъ.

— Братца убила полиція...

Они ходили около дома градоначальника толпой человѣкъ въ 400 и умоляли.

— Рубите намъ головы, но отдайте намъ братца!

Наконецъ «братца» перестали скрывать. Тогда въ участокъ стали ходить толпами. Устроили поклоненіе.

Такъ постепенно изъ Ивана Колоскова сдѣлали «мученика», «праведника», «святого».

Борьба съ «братцами» трудна для духовенства. Мнѣ, кажется, никогда еще наше церковное православіе не ощущало такой неловкости и вреда для себя, какъ отъ «братцевъ». Съ старообрядцами, сектантами, равнодушными и прямо атеистами борьба проста. Несогласіе въ догматахъ, обрядахъ, отрицаніе обрядовъ, Бога, религіи—прекрасная канва для споровъ. Совершенно другое—«братецъ Іоаннъ» и его послѣдователи. Съ ними говорить не о чемъ. Ни одного пункта догматическаго и обрядоваго разногласія нѣтъ. Въ Бога они вѣрятъ, въ церковь ходятъ, священниковъ не отрицаютъ. Трезвенники—православные въ узко-церковномъ смыслѣ этого слова. Они не ушли отъ вѣры, не разошлись съ церковью, а у самыхъ вратъ алтаря, у тѣхъ священныхъ мѣстъ, которыя чтутся всѣмъ русскимъ народомъ, обособились отъ духовенства. Скромно заявили:

— Вы молитесь и исправляете порочныхъ людей, и мы будемъ такъ же молиться и такъ же изгонять порокъ, только особо отъ васъ.

И въ этой легальности цѣли ихъ огромная сила. Какъ вы будете спорить съ ними? Чтобы спорить, надо выдумывать.

Между тѣмъ, братчество—явленіе болѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Радовать истиннаго христіанина, рвущагося изъ рамокъ опошленной, хотя и прикрывающейся евангеліемъ, жизни, оно не можетъ. «Братецъ Іоаннъ»—невѣжественный человѣкъ, презирающій науку, ругающій Толстого, не понимая, конечно, значенія того, что онъ

6*

дѣлаетъ. Онъ насаждаетъ трезвость. Но одна трезвость, сидящая по горло въ мелочности и узости, не можетъ вести къ нравственному усовершенствованію, не можетъ вести къ Богу. Вотъ почему трезвенники остаются въ предѣлахъ узко-церковныхъ, хотя церковь ихъ и прокляла. Послѣ отлученія «братцевъ» въ газетахъ сообщали, что трезвенники переходятъ въ старообрядчество. Надъ этимъ только можно было смѣяться. И сами трезвенники смѣялись.

Они не переросли нашей церковности. Только предъ 10—15 человѣками изъ нихъ, и то благодаря случайнымъ причинамъ, открыты двери раціоналистическаго сектантства; предъ массой же и самимъ «братцемъ Іоанномъ» стоятъ потемки... И почемъ знать—долго ли «братецъ Іоаннъ» будетъ противиться стремленію темнаго народа сдѣлать изъ него «пророка», удержится ли онъ на краю манящей пропасти? У этого народа отъ уваженія до поклоненія и обожествленія одинъ шагъ. Серебряныхъ дѣлъ мастеръ Колосковъ выросъ въ «дорогого братца», а «дорогой братецъ» можетъ вырости въ «пророка». Сколько примѣровъ мы знаемъ. Рядомъ съ братцами Иванушками могутъ появиться и сестрицы Аленушки. А тамъ своекорыстіе и роскошь... И такъ уже «братца» упрекаютъ за лакированные сапоги и красавицу «сестру», которая моетъ у него пузырьки...

У «братца Іоанна» другое искушеніе... Я увѣренъ, что если бы духовная власть подошла къ нему не съ анаѳемой, а съ мѣрами кроткими, вошла бы съ нимъ въ близкое общеніе, не преслѣдовала бы его,— «братецъ» сталъ бы «хорошимъ» помощникомъ епархіальнаго миссіонера. Сколько разъ онъ хотѣлъ подписать бумагу съ отказомъ отъ проповѣди?.. Самъ онъ разсказывалъ, что въ первый годъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву онъ просилъ у еп. Анастасія благословенія устраивать духовно-нравственныя бесѣды. Епископъ благословенія не далъ, а предложилъ ему поступить къ нимъ на должность помощника миссіонера. «Братецъ» согласился и даже далъ подписку, что поступитъ. Но трезвенники, узнавъ о подпискѣ, явились къ епископу и взяли бумагу обратно.

— Если онъ будетъ миссіонеромъ, то не будетъ уже нашъ,—сказали они.

Но духовная власть предпочла избрать тактику «воздѣйствій» И вотъ результатъ: пропасть между духовенствомъ и «братцемъ» съ его многочисленными поклонниками дѣлается все глубже и глубже. И самъ «братецъ», готовый два года тому назадъ поступить въ миссіонеры, теперь подъ вліяніемъ гоненій проникся другимъ духомъ.

— Исполненіе послушанія, — говорилъ онъ въ одномъ своемъ объясненіи,—уже зависитъ не отъ меня. Слушатели мои,—тысячи измученнаго, потеряннаго народа,—они не могутъ перенести того, чтобы я пересталъ съ ними говорить о словѣ Божіемъ и учить счастливой семейной жизни.

Нѣтъ у народа хорошихъ пастырей, которые бы звали его къ очищенію религіи. Да и трудно явиться сейчасъ этимъ пастырямъ, если жизнь простого народа погружена въ темноту... И долго еще народъ, ища выхода своему религіозному чувству, будетъ кидаться отъ одного сомнительнаго авторитета къ другому, не менѣе сомнительному, пока не попадетъ на истинную дорогу...

Петербургскій «братецъ Іоаннъ».

Въ Петербургѣ есть такой же, какъ и въ Москвѣ, «братецъ Іоаннъ». Онъ проповѣдуетъ тамъ болѣе 15 лѣтъ. Насчитываетъ болѣе 60 тысячъ послѣдователей. Это уже цѣлое народное трезвенное движеніе.

Теперь онъ живетъ сравнительно спокойно. Его проповѣди не мѣшаетъ и не ставитъ препятствій духовная власть. Но въ прошломъ и онъ выпилъ полную чашу разныхъ воздѣйствій.

Его біографія любопытна *). Онъ крестьянинъ Самарской губерніи, Новоузенскаго уѣзда, Иванъ Алексѣевичъ

---

*) Заимствую нѣкоторыя данныя изъ ст. А. С. Пругавина („Бирж. Вѣд.").

Чуриковъ. Былъ зажиточнымъ человѣкомъ. Имѣлъ деньги. Но Евангеліе, которое онъ началъ читать, измѣнило его жизненный путь. Вмѣсто того, чтобы копить деньги, онъ однажды, неожиданно для всѣхъ, роздалъ все свое имущество бѣднымъ.

— Богатство портитъ человѣка,—говорилъ онъ.

Потомъ пошелъ странствовать по Россіи. И, придя въ Петербургъ, поселился на Васильевскомъ островѣ среди рабочихъ. Здѣсь онъ началъ бесѣдовать. Читалъ и объяснялъ Евангеліе рабочимъ и раздавалъ имъ книжечки Евангелія.

Онъ проповѣдывалъ простыя истины, доступныя простому человѣку.

— Не пей водку, не кури, не развратничай и т. п.

Пріобрѣлъ вліяніе. Популярность его росла съ каждымъ днемъ. Люди, слушавшіе его бесѣды, стали перерождаться. Пьяницы становились трезвенниками, сквернословы чистыми на языкъ, развратники стали вести нравственный образъ жизни.

Слушателей своихъ онъ уже считалъ сотнями. Конечно, онъ не могъ скрыться отъ взоровъ полиціи и духовенства. Это происходило въ концѣ 90-хъ годовъ, когда режимъ К. П. Побѣдоносцева господствовалъ въ Россіи въ полной силѣ.

«Братца Іоанна» обвинили въ сектантствѣ. Называли хлыстомъ. Возбудили цѣлый рядъ преслѣдованій. Полиція по требованію духовенства запретила ему устраивать собранія. Но этимъ не были прекращены бесѣды. Трезвенники собирались тайно и «братецъ» бесѣдовалъ съ ними «при закрытыхъ ставняхъ».

Нѣсколько разъ его арестовывали. Но въ участкѣ онъ продолжалъ, пользуясь всякимъ моментомъ, проповѣдывать трезвость.

Высылали его изъ Петербурга. Но онъ снова появлялся. Тогда заперли его въ сумасшедшій домъ. «Братецъ» просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ самарской психіатрической лѣчебницѣ. Потомъ его выпустили и онъ вернулся въ Петербургъ.

Торговецъ-пророкъ.

I.

Мы переживаемъ такое время, когда поэтическій и метафизическій духъ уходитъ изъ религіи. А такъ какъ этотъ духъ былъ всегда непремѣннымъ условіемъ возникновенія каждой новой религіи, то естественно, что современная почва слишкомъ неблагопріятна для новой религіи.

Для успѣха новой религіи, говоритъ Гюйо *), нужно прежде всего, чтобы она была дѣйствительно нова, чтобы она озарила умъ человѣческій новой идеей. Но нельзя изобрѣсти метафизическаго миѳа, болѣе привлекательнаго, чѣмъ высшее счастье, постигаемое въ той жизни въ видѣ христіанскаго безсмертія. То же и въ области нравственной. Можно ли въ смыслѣ возвышенной нравственности итти дальше христіанства, которое проповѣдуетъ безусловную любовь, безусловную самоотверженность и отреченіе отъ всего?

Этимъ объясняется, что всѣ наши раціоналистическія секты въ своихъ основоположеніяхъ не идутъ далѣе христіанства. Они ставятъ задачу очистить христіанство отъ коры предразсудковъ и внѣшности, наслоившейся на немъ за два тысячелѣтія. Они лишь объясняютъ по-своему христіанскія истины, но истины эти остаются тѣ же, что и въ первые вѣка христіанства.

---

*) «Иррелигіозность будущаго».

Но высокимъ умамъ свойственно проникновеніе самымъ высшимъ настроеніемъ человѣческаго духа—объединеніемъ всѣхъ существующихъ религій. Такой религіозный эклектизмъ являлся въ большинствѣ случаевъ продуктомъ того же христіанства, которое въ своей истинной любви ко всему человѣчеству даетъ высокимъ умамъ логическое основаніе для привлеченія отставшихъ и для созданія единой вѣры въ Бога. Какъ примѣръ, можно указать на Л. Н. Толстого. Онъ очень любитъ слѣдующее изреченіе:

«Большое зло и неправда въ томъ, что люди разныхъ вѣръ учатъ дѣтей своимъ вѣрамъ. Учить дѣтей своей вѣрѣ, несогласной съ вѣрами другихъ народовъ,—это одинъ изъ тѣхъ соблазновъ дѣтей, про который говорилъ Христосъ, что они губятъ міръ. Какое право имѣемъ мы преподавать какъ истину то, что оспаривается милліардами людей? Одно, чему мы можемъ и должны учить дѣтей, это только тѣмъ истинамъ, которыя общи всѣмъ людямъ міра».

Можно много спорить по поводу практической осуществимости этого изреченія сѣдой древности. Но несомнѣнно одно, что Толстой своимъ великимъ, проникновеннымъ умомъ вышелъ уже за грань существующихъ религій, сталъ надъ религіями и хочетъ взять изъ нихъ лишь то, что должно быть обще людямъ всѣхъ религій. Въ сущности, такой эклектизмъ уже не религія, какъ мы обычно понимаемъ это слово,—съ кодексомъ опредѣленныхъ нравственныхъ истинъ и жреческимъ ритуаломъ,—а нѣчто надрелигіозное, которое путемъ послѣдовательныхъ упрощеній дошло до одного знаменателя: Богъ и любовь. Въ этихъ двухъ словахъ вся религія.

Но не одному Толстому свойственно стремиться къ религіозному обобщенію. Я хочу разсказать объ одномъ живущемъ сейчасъ среди насъ удивительномъ человѣкѣ, который мечтаетъ о единой религіи будущаго. Между имъ и Толстымъ разница въ томъ, что то, что въ Толстомъ—дѣло его личной жизни, личнаго усовершенствованія, въ Мергаледдинѣ Аминовичѣ Курамшинѣ,—такъ зовутъ этого

человѣка, — плодъ теоретическаго построенія формулъ. И то еще ихъ раздѣляетъ, что Толстой, благодаря своему большому уму и широкой образованности, къ единой религіи шелъ путемъ ясной логики современнаго культурнаго человѣка, отметающей всѣ мистическія темноты въ сторону, Курамшинъ же витаетъ въ дебряхъ мистики и символики. Толстой—религіозный мыслитель, старающійся сообразовать свои мысли съ своей личной жизнью и ставящій себя въ ряду человѣчества. Курамшинъ — пророкъ, тѣломъ мануфактурный торговецъ, а мыслью—посланникъ неба, стоящій *надъ* человѣчествомъ и готовый сообщить ему откровеніе.

Это сравненіе двухъ «несравнимыхъ» не умаляетъ величія Л. Н. Толстого. Курамшинъ также крупный богоискатель, съ удивительно тонкимъ истинно-христіанскимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ. Это христіанинъ въ чалмѣ. Какой нужно огромный запасъ энергіи и ума, чтобы совершенно оторваться отъ темной мусульманской среды и заставить торговую среду не мѣшать богословскимъ занятіямъ?

Татарскій пророкъ—любопытный, интересный типъ богоискателя.

II.

Магометанство переживаетъ сейчасъ такое же состояніе броженія извѣстной части общества, какое переживаетъ православная церковь. И это понятно, если мы примемъ во вниманіе, что, какъ на религію Христа, такъ и на коранъ Магомета, въ теченіе вѣковъ насѣдала постепенно паутина мелочной обрядности. Образовалась шелуха, кора, которая отъ многихъ закрываетъ свѣтъ чистой, одухотворенной вѣры.

У меня въ Москвѣ есть одинъ знакомый татаринъ Саддаръ Салиховъ. Страстный богоискатель. Лѣтъ пять онъ ходитъ каждое воскресенье въ «Яму»—трактиръ, гдѣ сектанты за чаемъ ведутъ религіозныя бесѣды. Онъ чутко

прислушивается къ спорамъ, но самъ въ нихъ не вступаетъ. Я разговорился съ нимъ. Былъ у него на квартирѣ и, за чаемъ съ татарскими «соченями», мы бесѣдовали о Богѣ. Я изумился необычайной широтѣ его религіи: ничего фанатичнаго, специфически-татарскаго. Онъ такой же мусульманинъ, какъ и христіанинъ. Общечеловѣческой любовью вѣетъ отъ его взглядовъ. Онъ чтитъ коранъ, но знаетъ и читаетъ евангеліе.

— Насъ уже много такихъ, какъ я,—говорилъ онъ.

Онъ мнѣ разсказалъ о религіозныхъ настроеніяхъ среди татаръ.

— Только немногіе, большею частью изъ молодежи, у насъ равнодушны къ религіи; огромное большинство живетъ религіей и ея запросами, но понимаетъ ихъ различно. Конечно, масса перегружена обрядностью и за ней не видитъ Аллаха. Но есть часть общества, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ, которая всѣми силами старается разсѣять туманъ обрядностей.

Саддаръ принадлежитъ къ такимъ новаторамъ.

— Мы, какъ ваши сектанты-раціоналисты, боремся съ предразсудками и мелочами, опутавшими коранъ. Но борьба наша менѣе успѣшна, чѣмъ у васъ,—слишкомъ темна наша масса.

У татаръ есть много обрядовъ, которые принято считать святыми, обязательными. Напримѣръ, жертвоприношеніе барана, непремѣнное путешествіе въ Мекку и поклоненіе гробу Магомета. Этотъ обычай сталъ какимъ-то догматомъ, неисполненіе котораго влечетъ за собой грѣхъ. Противъ такихъ крайностей и борются мусульманскіе сектанты.

Были въ магометанствѣ попытки и болѣе радикальнаго движенія на религіозной почвѣ. Не такъ давно въ Самарѣ образовалось теченіе подъ названіемъ «Божій полкъ». «Всѣ люди—солдаты одного Бога», говорили послѣдователи этого ученія и на этомъ основаніи уклонялись отъ воинской повинности...

Магометанство несомнѣнно «тронулось» и постепенно выходитъ изъ періода своей первобытной цѣлости. Общее

критическое настроеніе времени сильно коснулось его и крѣпость магометовыхъ твердынь стала уступать подъ напоромъ безпощаднаго времени. Въ сильной степени это протестантское теченіе выразилось въ ученіи Курамшина.

Саддаръ и познакомилъ меня съ ученіемъ Курамшина и съ нимъ лично. Сначала я прочелъ его три брошюрки. Онѣ производятъ странное впечатлѣніе. Туманный, мало понятный мистическій языкъ. Совершенно непонятные термины: «Форканъ», «духовный Михаилъ», «Пророческая азбука на символахъ художественной истины». Видны съ одной стороны непривычка излагать свои мысли на русскомъ языкѣ, а съ другой — органическая темнота восточно-мистической мысли.

Читаешь брошюрки Курамшина и первая мысль, которая возникаетъ въ головѣ, это:—«онъ маньякъ, страдающій болѣзнью mania grandiosa». Но потомъ невольно очищаешь его туманы отъ шелухи мистики, укладываешь неперевариваемый матеріалъ въ простую, ясную рѣчь и міровоззрѣніе становится блестящимъ, сіяющимъ, хотя совершенно неукладывающимся въ рамки современной жизни, какъ не укладываются въ эти рамки, напримѣръ, толстовское міросозерцаніе и идея уничтоженія войнъ.

Уже изъ брошюръ для меня сталъ яснымъ глубокій умъ «пророка», широкое воззрѣніе на будущее человѣчества. Когда же пришлось лично познакомиться съ «пророкомъ», чѣмъ-то обаятельнымъ повѣяло на меня отъ этого уже немолодого, но еще бодраго человѣка. Даже ошибка его отправной точки зрѣнія и все то «пророческое», что совершенно несовмѣстимо ни съ понятіями человѣческими ни съ условіями жизни XX столѣтія, не могло уничтожить этой обаятельности крупной фигуры религіознаго мыслителя.

Помню хорошо свое знакомство съ Курамшинымъ. Онъ хорошимъ русскимъ языкомъ разсказывалъ мнѣ исторію философіи *своей* религіи. Восточной легендой звучала она въ его устахъ.

...«Въ знойныхъ пескахъ пустынной Аравіи жили два старца: Искаженный и его жена Нерушима. Проходили годы, столѣтія, мѣнялась жизнь, исчезали племена и народы, уступая мѣсто другимъ народамъ, а они все жили и жили...

Когда-то Искаженный былъ молодъ и бродилъ по лѣсамъ Индіи и горамъ Кавказа. И на Араратѣ нашелъ пещеру, а въ ней волшебный садъ. И голосъ говорилъ изъ глубины сада:

— Вѣчная жизнь!

Бѣлоснѣжный, божественный старецъ позволилъ ему прожить въ саду пять дней и далъ на прощаніе рукопись. Въ ней было написано:

«Человѣкъ! Ты прожилъ пять дней въ саду вѣчности, пилъ изъ озера воду вѣчной жизни и ѣлъ вѣчные гранаты,—помни: ты сталъ теперь вѣчнымъ человѣкомъ».

И Искаженный сталъ жить вѣчно. Онъ былъ при дворѣ Фараона, когда египетскій властелинъ увидалъ пророческій сонъ о младенцѣ, который возьметъ тронъ у царя. На небѣ появилась тогда звѣзда необыкновенной величины.

Жрецы истолковали, что звѣзда—новая религія, и дали совѣтъ: «Истреби, царь, всѣхъ младенцевъ». Искаженному было поручено истребленіе вѣры Моисея, и онъ, истребивъ, удалился въ пустыню.

Онъ ждалъ вѣка, когда позоветъ его человѣчество. И пріѣхалъ къ нему посолъ изъ Галилеи звать на службу царя Ирода. Явилась новая религія Христа. Онъ казнилъ Іисуса, разсѣялъ его учениковъ и удалился въ пустыню.

И опять его звали, когда появилась религія Магомета. Онъ истребилъ Исламъ и въ третій разъ ушелъ въ пустыню.

И жилъ бы тамъ долго, если бы необыкновенный сонъ не заставилъ его опять явиться къ человѣчеству. Онъ видѣлъ, что шелъ къ волшебному замку, въ которомъ скрыто самое дорогое сокровище міра. Вошелъ въ богатый залъ и увидалъ солнцеподобнаго старца, закованнаго въ цѣпи.

— Кто ты?—спросилъ онъ старца.

— Я—Истина.

Искаженный разбилъ своимъ магическимъ жезломъ оковы и освободилъ Истину.

Онъ вышелъ изъ пустыни, чтобы узнать въ Египтѣ значеніе этого сна. На дорогѣ повстрѣчался съ Рашидомъ и Махмудомъ. Всѣ трое нашли пещеру, гдѣ встрѣтили старца въ оковахъ и разбили его оковы.

— Вы—счастливѣйшіе изъ смертныхъ,—сказалъ имъ старецъ.—Вмѣстѣ со мной вы освободили весь родъ человѣческій отъ гнета, всѣ народы отъ національной вражды и страданій, ибо я—державный хранитель всѣхъ благъ на землѣ. Я—образъ истинный въ Словѣ Всемогущаго. Я открою вамъ тайну, управляющую міромъ. Я сяду на тронъ, и на началахъ разума, страха и справедливости буду править міромъ во вѣки...

И какъ только онъ сказалъ,—небо, солнце, луна, звѣзды, земля, моря и рѣки воскликнули:

— Миръ!

И семь разъ повторили:

— Миръ!

И далъ старецъ Искаженному имя Разумъ, Рашиду—Страшитель, а Махмуду—Справедливость, и потребовалъ отъ нихъ клятвы вѣрности.

— Безъ васъ я не могу спасти людей отъ грѣха непознанія, вы же будете безъ меня вѣчными мучениками геены.

И поникъ головой Искаженный-Разумъ:

— Я всю свою жизнь былъ палачомъ завѣтныхъ ученій Моисея, Іисуса и Магомета. Въ одинъ народъ я вселялъ невѣжество, другому давалъ знаніе земли, но истину Бога преслѣдовалъ. Невѣжествомъ поддерживалъ я суевѣріе предковъ, наукой и краснорѣчіемъ затемнялъ безсмертіе духовной жизни. Но теперь я приложу всѣ старанія объединить народы и царей одною твоею истиной...

Солнцеподобный старецъ велѣлъ Разуму, Страшителю и Справедливому извѣстить міръ о своемъ освобожденіи и требовать созыва всеміранаго собора отъ «царя сѣверныхъ предѣловъ и султана Турціи». Настало время...»

— Но кто же сейчасъ требуетъ созыва собора?..

— Я—наслѣдникъ великаго завѣщанія. «Я есмь. Я въ есмѣ».

— Вы?

— Я духовный Михаилъ, четвертый посланникъ Бога на землѣ. Я возвѣщаю это не отъ себя, а во мнѣ говоритъ «духъ спасенія», который излилъ мнѣ Всевышній въ Саратовѣ 24 декабря 1901 года въ тайномъ снѣ.

Окончилась сказка Шехеразады. Задернулась завѣса волшебнаго Востока. И тихій шелестъ пальмы въ знойной пустынѣ и мечтательно лѣнивая музыка бедуина—все это скрылось съ экрана жизни...

Предо мной былъ самый обычный грязноватый прилавокъ московскаго мануфактурнаго магазина, на которомъ стоялъ мутный стаканъ чая. Сбоку лежали горы линючаго ситца. Въ воздухѣ стоялъ скверный запахъ фабричной краски. Противъ сидѣлъ «пророкъ», разсказчикъ «легенды», саратовскій первой гильдіи купецъ Мергаледдинъ Аминовичъ Курамшинъ. Пріятное татарское лицо пожилого человѣка. Глубокіе, умные глаза, рѣдкая съ сильною просѣдью русая бородка, холеные женскіе пальцы. Чистота всей внѣшности,—особенная чистота богатаго татарина, которая бросается въ глаза.

Любопытна его біографія. Въ семьѣ его отца, взятаго въ солдаты, была такая безпросвѣтная нужда, что даже дѣтей нельзя было посылать въ школу. Но отецъ вернулся со службы, поступилъ въ Саратовѣ городовымъ и дѣти пошли въ школу. Мальчика отдали на попеченіе торговцу-разносчику Юнусу. Когда онъ достигъ десятилѣтняго возраста, отецъ купилъ ему товара на 5 рублей, и пустилъ на «самостоятельное дѣло». Пятнадцати лѣтъ онъ былъ лодочникомъ, отдавалъ на Волгѣ лодки для катанія. Теперь онъ имѣетъ оптовый мануфактурный магазинъ въ Москвѣ и два такихъ же магазина въ Саратовѣ. Дѣло его милліонное. Но торговля не мѣшала, видимо, его богословскимъ занятіямъ. Его голова какъ-будто раздѣлена дубовой перегородкой, сквозь которую ничего не слышно.

Въ одномъ отдѣленіи торговля, нажива, милліоны, семья, которая мало понимаетъ его духовные полеты и не сочувствуетъ имъ, а въ другомъ—Богъ, любовь и объединеніе всѣхъ религій.

Не о личномъ спасеніи думаетъ онъ. Предъ нимъ всегдашній вопросъ:—какъ ему спасти *міръ?*

Онъ изучилъ коранъ, евангеліе, пятокнижіе. Читалъ Ренана, Толстого, адвентиста Ф. К. Ванъ-Бейнингена. Послѣдняго онъ называетъ «знаменитымъ». Курамшинъ очень увлекся его мистическимъ воззрѣніемъ о «второмъ пришествіи Іисуса». Это ученіе, по его мнѣнію, подтверждаетъ наступленіе четвертаго завѣта, посылаемаго Богомъ людямъ черезъ него, Курамшина. Вообще, онъ подходитъ ко всѣмъ книгамъ съ собственнымъ, предвзятымъ методомъ экзегетики. Изъ священныхъ книгъ онъ вырвалъ бытъ и факты, оставивъ одну мистическую символику.

Положительное въ его ученіи заключается прежде всего въ уничтоженіи обрядности. Мусульманинъ по рожденію и воспитанію, онъ сдѣлалъ невѣроятную «дерзость»—снялъ толстую кору обрядовъ, насѣвшихъ за долгія тысячелѣтія на религію.

— Ни въ пятокнижіи, ни въ евангеліи, ни въ коранѣ Богъ не сулилъ спасенія людямъ, соблюдающимъ обряды,—говорилъ онъ.

— Въ мечеть я не хожу не потому, что не вѣрю въ силу молитвы,—говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—а потому, что руководителемъ богослуженія въ мечети является приходскій духовникъ, который слѣпо слѣдуетъ постановленіямъ каноническихъ соборовъ. Соборы же исказили и затемнили истинный свѣтъ кораническаго ученія. Я, обновитель корана, не могу быть послѣдователемъ духовника, идущаго по искаженному пути...

Въ то же время онъ говоритъ, что «отъ вѣры своихъ предковъ онъ не отречется». Но эту вѣру онъ понимаетъ совсѣмъ не такъ, какъ весь мусульманскій міръ. Среди татаръ «пророкъ» поэтому сила, разрушающая установившіеся вѣками устои. Сородичи зовутъ его «сумасшед-

шимъ», и муллы готовы проклясть его за проповѣдь новаго откровенія.

— Обряды приносили только зло,—говоритъ онъ мулламъ.—Родъ людской раздѣлился на тысячи сектъ и религій съ разными церковными уставами, и одинъ народъ хулитъ другого и поноситъ словами: гяуръ, жидъ, бусурманъ, язычникъ. Проливаютъ кровь изъ-за религіозной разницы. Между тѣмъ никогда миротворцы Моисей, Іисусъ, Магометъ не дѣлали обрядовое зло безсмертнымъ словомъ.

Онъ учитъ, что истина, принесенная миротворцами, всякій разъ искажалась духовными вождями человѣчества изъ своекорыстныхъ побужденій. Желая властвовать надъ народомъ, духовные вожди подмѣняли высочайшее откровеніе низменными догматами и уставами. Вмѣсто вѣчнаго завѣта вожди давали людямъ свое ограниченное ученіе. Они сдѣлали различными пятикнижіе, евангеліе и коранъ. Между тѣмъ, какъ во всѣхъ трехъ завѣтахъ одно ученіе, одна истина. Миссія очищенія завѣтовъ отъ человѣческихъ примѣсей и созданія новаго четвертаго завѣта возложена на него, Курамшина, четвертаго миротворца.

Его «религія будущаго»—объединеніе всѣхъ существующихъ религій въ одно цѣлое, ибо истина одна.

Религія будетъ основана на фундаментѣ любви ко всему человѣчеству, на равенствѣ, братствѣ и чисто евангельской нравственности.

Я переводилъ его мысль на практическую нравственность. Но встрѣчалъ вездѣ стройную систему, полное согласованіе правилъ морали съ закономъ любви.

Онъ отрицаетъ чудеса трехъ завѣтовъ.

— Чудеса создали бы несправедливость въ человѣчествѣ.

Евангельскія исцѣленія—только простыя притчи.

Онъ смѣется надъ гуріями магометанъ. Осуждаетъ многоженство и говоритъ, что Магометъ не оставлялъ людямъ законъ о многоженствѣ; самъ пророкъ имѣлъ только двухъ

женъ—одну послѣ смерти другой. Но духовные вожди въ угоду развратной толпѣ провозгласили многоженство.

Миссія миротворца возложена на него «сверхъестественнымъ путемъ». Онъ такъ разсказываетъ объ этомъ:

— Я совершенно неожиданно для самого себя получилъ во снѣ откровеніе. Явленіе его повторилось въ слѣдующую ночь, а затѣмъ обратилось въ обыкновеніе. Теперь и днемъ и на яву я получаю откровеніе. Этимъ и объясняется, что я простой смертный человѣкъ съ средними способностями, почти неграмотный, не учившійся, получивъ откровеніе, написалъ величайшее поэтическое произведеніе о духовной тайнѣ.

Въ чемъ состоитъ откровеніе, Курамшинъ не говоритъ. На простой вопросъ:—откройте же людямъ свое ученіе?—Курамшинъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, мнѣ строго запрещено законами завѣтовъ передавать людямъ новый завѣтъ письменно или разсказывать его отдѣльнымъ лицамъ. Я долженъ это сдѣлать на всемірномъ духовномъ соборѣ

Мнѣ онъ говорилъ:

— Прежніе пути передачи откровенія способствовали извращенію его.

Созывъ собора составляетъ ближайшую практическую задачу «пророка». Тутъ и начинаются муки его. Въ наше время всеобщаго разъединенія и обособленности не только саратовскій купецъ, но приди хоть вновь Христосъ, то и онъ, пожалуй, мало бы сдѣлалъ въ направленіи объединенія человѣчества. Но самая мысль о духовномъ соборѣ, какъ формѣ религіознаго исканія, мысль вовсе не нелѣпая, хотя и не осуществимая теперь, какъ неосуществимы, напримѣръ, идеалы Л. Н. Толстого.

Практическія же мѣры Курамшина, направленныя къ созыву собора, представляютъ наивность цѣльнаго, но придавленнаго большой идеей человѣка. Наивность головного богоискателя, запутавшагося въ темнотѣ мистики.

Одна молодая дѣвушка просила его: «скажите хоть немного вашего ученія?» Курамшинъ отвѣтилъ ей:

— Ученіе мое самородно. Я уполномоченъ ходатайствовать *только* о созывѣ всемірнаго духовнаго собора и *только передъ правительствами*. Прежніе миротворцы шли съ проповѣдью въ народъ, но проповѣдь ихъ была единолична. Всемірный соборъ—образъ мірового проповѣдника во всемъ объемѣ его величія. Такой міровой проповѣдникъ мыслимъ въ рамкахъ современной культуры.

Поэтому о популяризаціи своего ученія онъ не заботится.

— Простымъ людямъ не понять откровенія,—говоритъ онъ,—и я не со всѣми дѣлюсь своими мыслями. Лишь съ тѣми, отъ кого такъ или иначе зависитъ созывъ собора.

На соборѣ, созванномъ правительствами, должны быть только ученые, богословы и вожди.

— Вы были у Льва Николаевича Толстого? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Зачѣмъ? Мое ученіе тайное... Притомъ же я могу только учить и возвѣщать, а не учиться...

— Но послѣ духовнаго собора истина опять можетъ исказиться?

— Нѣтъ. Соборъ долженъ будетъ собираться черезъ каждыя сорокъ лѣтъ. Четвертый завѣтъ остается неизмѣннымъ. Новый соборъ обновляетъ лишь каноническій законъ, замѣняя прежнія постановленія новыми, сообразно духу времени.

Любопытна исторія его попытокъ заинтересовать правительства своей идеей. Прежде всего ему само собой понадобилось доказать свою миссію. Онъ говоритъ, что нужно этому «вѣрить». Но приводитъ и доказательства. Во-первыхъ, сновидѣнія своего 12-лѣтняго сына. Онъ разсказалъ одиннадцать такихъ пророческихъ сновъ. Приведу одинъ изъ нихъ:

«Я увидѣлъ себя, разсказывалъ мальчикъ Абдулъ, стоящимъ посреди огромной пустыни. Ко мнѣ подходитъ одинъ имамъ-священникъ и спрашиваетъ меня, зачѣмъ я пришелъ сюда. Я отвѣтилъ ему, что ищу своихъ родителей, отца и мать. Имамъ и говоритъ мнѣ: спачала прыгни, потомъ най-

дешь и родителей своихъ. Я прыгнулъ и, опустившись, почувствовалъ подъ ногами доску, на которой было написано ваше имя «Миръ-Алеутдинъ». Я вторично подпрыгнулъ, и прыжокъ мой былъ высотою въ 12 верстъ, и снова опустился на доску, на которой было написано имя матери моей—«Алима». По правую свою сторону я увидѣлъ лѣстницу, по которой началъ взбираться и которая привела меня также въ пустыню, гдѣ вы съ матерью сидите и читаете пріятнымъ голосомъ 1-ю главу корана, Фатиху. Лица ваши были прекрасны. Слушая ваше чтеніе, я проснулся».

Доказывалъ Курамшинъ и тѣмъ, что всѣ три предшествующіе миротворцы: Моисей, Іисусъ и Магометъ «самостоятельно утверждали свои ученія о единой духовной истинѣ, исключительно основываясь на тайнахъ откровенія и не руководясь человѣческими ученіями». «Моисей, Іисусъ и Магометъ, какъ и я, нынѣ идущій, были людьми совершенно неучеными». Но «неученость» не помѣшала Курамшину написать много книгъ, которые являются трудами «нерукотворной силы».

Доказывалъ даже кометой Галлея. «Предопредѣленному въ книгѣ Бытія обновленію каждаго завѣта неизбѣжно предшествовало появленіе этой кометы», говоритъ онъ.

— Мой Форканъ,—развиваетъ онъ свою мысль,—идетъ по пути ученія Св. Откровенія къ обновленію пошатнувшихся истинъ завѣтовъ Моисея, Іисуса и Мухаммеда и мы видимъ, что это обновленіе совпадаетъ съ появленіемъ въ недалекомъ будущемъ кометы Галлея.

Когда Курамшинъ «вполнѣ убѣдился въ дѣйствительности ниспосланнаго ему тайнаго ученія», то заручился «нравственными аттестатами» отъ приходскихъ ахуновъ Н.-Новгорода, Москвы и Саратова, и отъ почтенныхъ лицъ приходовъ этихъ городовъ. Послѣ этого онъ поѣхалъ въ Троицкъ къ всероссійскому мусульманскому духовнику, извѣстному своей святостью, а оттуда въ Уфу. Открылъ имъ свою тайну, но не встрѣтилъ поддержки.

— Ты сумасшедшій,—сказали они ему.

Нижегородскій мулла заявилъ:

— Когда міръ признаетъ тебя и твое ученіе, тогда и я за тобою послѣдую, а до тѣхъ поръ я остаюсь съ міромъ.

Саратовскій ахунъ сказалъ:

— Ты боленъ!

И началъ распускать слухи, что Курамшинъ близокъ къ помѣшательству.

Тогда Курамшинъ поѣхалъ въ Константинополь и вручилъ султану Абдулъ-Гамиду изложеніе своего ученія и просьбу о созывѣ собора. Трусливый, суевѣрный Абдулъ-Гамидъ сказалъ ему чрезъ русскаго посланника:

— Я не отрицаю твоей миссіи, но созывъ собора требуетъ времени.

Любопытны пророческія письма Курамшина къ султану:

Вотъ одно:

«СУЛТАНЪ АБДУЛЪ-ГАМИДЪ ВТОРОЙ!

Если ты желаешь достигнуть блаженства отъ Аллаха, то обрати на сіе свой взоръ и познай. Пожелай Турецкой Имперіи и всѣмъ народамъ въ мірѣ добра. Восприми мою миссію отъ Алаха. Будь внимателенъ къ Его тайнымъ словамъ, и ты будешь блаженнымъ подъ моимъ покровительствомъ. И если ты, Абдулъ-Гамидъ Второй, будешь внимателенъ къ словамъ моимъ, идущимъ изъ тайнаго возвѣщенія, то ты достигнешь двухъ царствъ: царства земного и вѣчнаго царства въ вѣчности. Но если ты не будешь внимателенъ къ тайнымъ словамъ, то знай, что тебя постигнетъ неизбѣжное наказаніе, ибо на тебя возложено бремя отвѣтственности. Кара тайнаго приговора виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, надъ Турціей. Если ты желаешь избѣжать грядущаго наказанія, то познай тайну и истину Корана и мною написаннаго Форкана, будь покоренъ Единой Истинѣ, возьми на себя ходатайство о созывѣ Всеміриаго Духовнаго Собора, такъ какъ это всецѣло во власти царей.

Осуществленіе миссіи моего ученія требуетъ международной правительственной поддержки, вотъ почему я и ходатайствую о созывѣ Всемірнаго Духовнаго Собора передъ

турецкимъ и русскимъ правительствами. Ходатайство мое именно передъ турецкимъ и русскимъ правительствами имѣетъ слѣдующее основаніе: Турція, какъ прямая и непосредственная наслѣдница Кораническаго ученія, является отвѣтственной за утрату Коранической истины, а потому прямая обязанность турецкаго правительства всячески содѣйствовать созыву Духовнаго Собора, на которомъ восторжествуетъ попранная истина святыхъ Завѣтовъ.

Русское правительство отвѣтственно въ моей миссіи въ силу того, что всеобщій міровой даръ, въ лицѣ тайнаго моего ученія, исходитъ изъ Русской земли, а Русская земля— моя родина, а потому въ силу патріотизма Русское правительство обязано поддерживать мою миссію.

Помни, что ослушаніе и небрежность царей и властителей къ словамъ миротворцевъ, которые шли со своимъ возвышеннымъ ученіемъ для спасенія рода человѣческаго, всегда жестоко карались Св. Откровеніемъ. Царя Немврода и его власть за непринятіе духовнаго призыва Авраама постигла погибель. Царь Фараонъ точно такъ же лишился власти и трагически погибъ за непознаніемъ миссіи Моисея. За непознаніе миссіи Іисуса погибъ царь Иродъ и погибло все царство его. За непознаніе миссіи Корана погибло все языческое царство арабовъ во главѣ съ царемъ своимъ Абу-Джагилемъ.

Нынѣ я призванъ своимъ тайнымъ ученіемъ очистить заблужденную и искаженную духовной языческой властью арабовъ и народнымъ невѣжествомъ истину Кораническаго Завѣта, дабы Коранъ могъ быть передъ лицомъ человѣчества въ своей истинѣ истиннымъ ученіемъ.

Аминъ».

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ султану Курамшинъ сдѣлалъ приписку. «Посылая Вамъ это письмо, я ожидаю отъ Васъ отвѣта и, если таковой получу, то да будетъ надъ Вами благословеніе Аллаха. Въ противномъ же случаѣ предупреждаю: будьте готовы понести несомнѣнно грядущее жестокое наказаніе».

Вскорѣ послѣ этого письма произошелъ переворотъ въ Турціи и Абдуль-Гамидъ былъ отправленъ въ Салоники. Курамшинъ говорилъ:

— Такъ святое откровеніе наказываетъ ослушниковъ его повелѣній!..

Обращался онъ и къ русскому правительству. Даже подалъ по недоразумѣнію прошеніе въ святѣйшій синодъ. На хлопоты истратилъ много денегъ. Но вездѣ встрѣчалъ изумленіе, насмѣшку и краснорѣчивое молчаніе.

Онъ обращался къ Саратовскому губернатору, нынѣ покойному Энгельгарду, съ докладомъ, въ которомъ объяснилъ «открывшуюся ему во снѣ тайну», прося его довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества. Но губернаторъ не нашелъ возможнымъ это сдѣлать «за отсутствіемъ данныхъ». Въ декабрѣ 1902 года Курамшинъ послалъ изъ Саратова докладъ министру внутреннихъ дѣлъ Плеве, прося и его также довести о тайномъ его ученіи до свѣдѣнія Его Величества. Въ августѣ 1903 г. докладъ объ этомъ же былъ посланъ въ Казань командующему войсками Казанскаго округа генералу Косичу. Въ октябрѣ 1903 г. онъ лично въ Москвѣ представилъ воззваніе и докладъ о созывѣ Всемірнаго Собора Великому Князю Сергѣю Александровичу, тогдашнему Московскому генералъ-губернатору.

Мѣсяцъ спустя послѣ этого отъ него въ Москвѣ было отобрано надлежащее дознаніе, касающееся «тайны» и желанія созыва Всемірнаго Духовнаго Собора.

— И вотъ всѣ эти люди умерли.—говоритъ Курамшинъ.— Таковъ гнѣвъ Св. Откровенія!..

Когда открылась Государственная Дума, онъ обратился черезъ предсѣдателя въ Думу. Отвѣта не послѣдовало. Тогда Курамшинъ сказалъ темную фразу:

— Это также повлекло за собой гнѣвъ Святого Откровенія: Государственная Дума была убита 8 іюля...

Всѣ послѣднія бѣдствія народныя въ Россіи Курамшинъ объясняетъ гнѣвомъ Откровенія за невниманіе къ его призыву. Японская война, революція, голодовки и т. п.

«Вотъ, читатель, говоритъ пророкъ, наглядный примѣръ

судьбы моего ученія, непонятнаго и непознаннаго до сего времени сильными міра сего, а между тѣмъ человѣчество находится въ безпрерывномъ ожиданіи появленія ученія, ведущаго къ вѣчному его спасенію. У евреевъ это ожиданіе выражается словомъ *мессія*, у христіанъ—*второе пришествіе Іисуса*, у мухаммеданъ—*пришествіе Іисуса и миссія Махди*. Когда же, наконецъ, Истина явилась въ лицѣ моего ученія для освѣщенія завѣтныхъ тайнъ нерукотворнымъ словомъ, какъ величайшій даръ XX столѣтія отъ Всевышняго Аллаха, она остается необслѣдованной и неразъясненной. А между тѣмъ ложь, фальшивая духовная маска, гнилыя кости безотвѣтныхъ покойниковъ у всѣхъ народовъ находятся въ величайшемъ почетѣ.

Не пора ли, наконецъ, избраннымъ людямъ, обладающимъ духовной и гражданской властью, подумать о своей халатности и нерадѣніи къ спасительному слову и живому свѣту, пока я живъ, ибо всѣ тайныя ученія миротворцевъ имѣютъ особый законъ, основанный на пророческой азбукѣ и объясненіе этого закона возможно только устами самого миротворца при его жизни».

Но въ письмѣ къ одной дѣвушкѣ, которая назвала его мечту о соборѣ утопіей и совѣтовала обратиться къ теософіи, онъ уже говоритъ неувѣренно:

— Если соберется соборъ при моей жизни, будетъ весьма и весьма хорошо.

А мнѣ онъ грустно говорилъ:

— Доживу ли я до собора?

Видимо, сомнѣніе уже заползало въ его душу. Въ этомъ сказывается человѣкъ.

— Вы не знаете,—говорилъ онъ мнѣ,—какъ тяжело быть одному. Никто не хочетъ меня понять, никто мнѣ не вѣритъ. Между мной и окружающей средой создались натянутыя отношенія...

Но все это не мѣшаетъ ему ежедневно въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ уходить изъ міра коммерческихъ расчетовъ и предаваться богословскимъ занятіямъ. Онъ диктуетъ свои мысли, и каждый разъ, когда я вижу его въ

Москвѣ,—онъ пріѣзжаетъ разъ въ мѣсяцъ,—я всматриваюсь въ его лицо, не сломился ли человѣкъ, не потерялъ ли надежды, не махнулъ ли рукой. Оказывается, нѣтъ. Возникнетъ сомнѣніе и исчезнетъ:

— Шагъ сдѣланъ,—уже твердо говоритъ онъ,—я не могу отступить отъ принятаго рѣшенія, ибо вѣчно-сущая истина жива и будетъ жить. Да воскреснутъ всѣ святыя тайны!

Неплюевское братство.

Біографія Н. Н. Неплюева.

Въ Черниговской губерніи около мѣстечка Ямполя находится «Крестовоздвиженское Православное Первое Трудовое Общество», основанное извѣстнымъ Н. Н. Неплюевымъ.

Это групповое религіозное исканіе. Ему уже двадцать лѣтъ жизни: оно вросло корнями въ землю. Съ точки зрѣнія группы, оно—уже не исканіе, ибо Богъ найденъ, найдена форма «Божьей жизни». Такое групповое исканіе вдвойнѣ любопытно теперь, когда религіозные интересы развиваются, захватывая все большій и большій кругъ людей.

Образованіе братства—смертныя муки роженицы. Это тѣмъ болѣе удивительно, что братство сверху до низу православно и даже церковно. Исторія его очень характерна для того строя, въ которомъ мы недавно жили, да и теперь, въ сущности, не перестаемъ жить.

Основатель братства—недавно умершій Николай Николаевичъ Неплюевъ, «кающійся дворянинъ», крупная и оригинальная личность, съ сильной волей. По рожденію и воспитанію онъ человѣкъ высшаго, аристократическаго круга. Колоссально богатъ. Словомъ, всѣ данныя для безпечальной жизни, которой живутъ люди его круга и его средствъ.

Его прадѣдъ, былъ вельможей екатерининской эпохи. Во время нашествія Пугачева губернаторствовалъ въ Оренбургѣ. Былъ награжденъ многими деревнями и, дряхлый, доживалъ вѣкъ гдѣ-то около Петербурга. Императрица шутливо писала своему старому любимцу:

— Почему ты не появляешься при дворѣ? Всѣ невѣсты по тебѣ соскучились...

Его дѣти были также близки ко двору. Одинъ изъ Неплюевыхъ былъ любимцемъ Павла. Отецъ Н. Н. былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Черниговѣ. И самъ Н. Н., послѣ окончанія курса въ университетѣ, началъ было блестящую карьеру въ мюнхенскомъ посольствѣ. Но потомъ однимъ взмахомъ поставилъ крестъ на карьерѣ, подалъ неожиданно для отца въ отставку и пріѣхалъ въ черниговскую деревню—къ народу.

Отецъ долго смотрѣлъ на демократическія выходки своего сына, какъ на чудачества избалованнаго человѣка. Но въ этихъ «чудачествахъ» прошла вся жизнь Н. Н. Въ этихъ «чудачествахъ» проходитъ сейчасъ жизнь его двухъ сестеръ и матери, урожденной баронессы Шлиппенбахъ. Онѣ не выѣзжаютъ изъ братства и продолжаютъ дѣло покойнаго брата и сына. Это ласковые, хорошіе люди. Они бываютъ рады всякому, кто къ нимъ пріѣдетъ.

Чтобы научиться сельскому хозяйству, Н. Н. слушалъ лекціи въ Петровско-Разумовской академіи. Здѣсь онъ поставилъ печатно вопросъ

—О «священной обязанности русскаго дворянина».

Самъ онъ рѣшалъ этотъ вопросъ такъ:

— Въ крѣпостное время помѣщики давали крестьянамъ матеріальныя блага, да и то скудныя, о просвѣщеніи же ихъ совершенно не заботились. Настала воля. Крестьянамъ дали землю, но продолжали игнорировать развитіе ихъ духовной личности. Между тѣмъ, священная обязанность русскаго дворянина и до воли, и послѣ воли—просвѣщать крестьянина.

Это просвѣщеніе Неплюевъ и сдѣлалъ задачей всей

своей жизни. Онъ хотѣлъ искупить вину своихъ предковъ предъ народомъ.

Собственно съ такой задачей онъ могъ быть просто уѣзднымъ предводителемъ дворянства и въ этой должности «насаждать образованіе» въ своемъ уѣздѣ. Но Н. Н. былъ слишкомъ крупнымъ человѣкомъ, чтобы замереть на идеалахъ предводителя дворянства.

Въ его міросозерцаніи основнымъ угломъ была *религія*. Не въ формѣ установившагося узко-церковнаго православія, а православія чистаго, православія первыхъ вѣковъ христіанства, какъ понималъ такое православіе Н. Н.

Всякое знаніе для него имѣло цѣну постолько, поскольку оно соединялось съ вѣрой въ Бога и нравственной чистотой. Эта сторона шла у него впереди и проникала во всѣ поры жизни. Три подвига онъ требовалъ отъ людей: подвига вѣры, подвига любви и подвига труда.

Благотворительность онъ считалъ вредной: она неразборчива и можетъ невольно способствовать грѣху.

Его ближайшій идеалъ: маленькая ячейка людей, собравшаяся во имя Бога, воспитавшая въ себѣ «дисциплину любви», равноправная, нравственно чистая, живущая одной семьей въ трудѣ и молитвѣ. Постепенно эта ячейка будетъ увеличиваться и обниметъ весь народъ.

Что касается рода труда, то Николай Николаевичъ не отдавалъ предпочтеніе одному какому-нибудь. Онъ мечталъ объ общинахъ земледѣльческихъ, торгово-промышленныхъ, общинахъ педагоговъ и т. п.

Отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу. Основалъ въ своемъ имѣніи Ямполѣ «трудовое братство». Сначала набралъ у сосѣднихъ крестьянъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ свою школу. Обучилъ грамотѣ. Потомъ основалъ для нихъ низшее сельскохозяйственное училище, по окончаніи котораго они остались въ братствѣ и стали вести братскую жизнь подъ руководствомъ основателя.

Ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ онъ относился терпимо. Для него важны были не догматическія различія, а важенъ

вопросъ. насколько расходится данная религія или исповѣданіе съ любовью къ Богу и Его творенію. И если она не расходится, то Н. Н. считалъ ее правильной для того народа, который ее исповѣдуетъ.

Самъ онъ изъ всѣхъ религій считалъ для себя самою дорогою религію христіанскую, а изъ христіанскихъ церквей православную онъ считалъ наиболѣе соотвѣтствующей духу любви. Но понималъ православіе, повторяемъ, не такъ, какъ понималъ его К. П. Побѣдоносцевъ.

Противники Н. Н. Неплюева: К. П. Побѣдоносцевъ и М. О. Меньшиковъ.

Когда разнеслась вѣсть объ образованіи неплюевскаго братства, появилась цѣлая рать противниковъ его. Любопытно, что для борьбы съ братствомъ объединились самые противоположные лагери.

Ярымъ противникомъ братства былъ К. П. Побѣдоносцевъ.

Онъ не выносилъ братства. Вѣрилъ всѣмъ нелѣпымъ слухамъ о немъ. Встрѣчаясь съ Н. Н. Неплюевымъ въ разныхъ петербургскихъ салонахъ, онъ говорилъ ему:

— Что за охота вамъ заниматься не своимъ дѣломъ? Если хотите послужить Богу, выстройте монастырь, примите монашество, и мы скоро сдѣлаемъ васъ епископомъ.

— Но моя цѣль—просвѣщеніе народа.

— Оставьте народъ. Ему не нужно просвѣщеніе, а государству народное просвѣщеніе даже вредно, ибо можетъ поколебать его устои.

Онъ, не стѣсняясь, дѣлалъ все возможное, чтобы препятствовать развитію братства. Нѣсколько лѣтъ Н. Н. Неплюевъ добивался утвержденія устава братства. Этотъ уставъ былъ нуженъ, чтобы сдѣлать братство юридическимъ лицомъ, правоспособнымъ пріобрѣтать имущество. Побѣдоносцевъ мѣшалъ утвержденію. Но у Неплюева были громадныя связи, и онъ пользовался ими.

Наконецъ, въ 1894 году уставъ былъ утвержденъ, братство было подчинено духовному вѣдомству и названо «православнымъ».

Побѣдоносцеву доносили, что Неплюевъ проповѣдуетъ въ братствѣ ересь, и что вся община противорѣчитъ духу православной церкви. Онъ посылалъ для разслѣдованія «извѣстнаго» В. М. Скворцова.

Тотъ пріѣхалъ, познакомился съ братствомъ, и, какъ ни хотѣлось ему услужить Побѣдоносцеву, онъ долженъ былъ сознаться, что:

«Дѣло братства трудового вполнѣ «православно» и по духу и по формѣ; оно настолько симпатично, что ему не можетъ не сочувствовать всякій порядочный человѣкъ».

Можно ли послѣ такого отзыва имѣть что-нибудь противъ братства и Неплюева? И, однако, Побѣдоносцевъ до конца своихъ дней питалъ враждебныя чувства къ нимъ.

Надъ Неплюевымъ висѣло всю жизнь обвиненіе въ неправославіи.

Онъ удивлялся:

— Я работаю на пользу церкви, а іерархія меня гонитъ.

Послѣ смерти Побѣдоносцева подозрѣнія въ неправославіи не прекратились. Въ 1907 г. московская духовная академія пригласила Неплюева прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій. Онъ обрадовался:

— Слава Богу, кажется плотина прорвалась...

Ему, какъ незлобивому человѣку, была тяжела жизнь церковнаго изгоя.

Лекціи сопровождались оваціями. Академія избрала Неплюева своимъ почетнымъ членомъ. Но... синодъ не утвердилъ.

Неплюевъ напрасно радовался: плотина не прорвалась.

Когда онъ умеръ, у гроба его стояла депутація отъ московской академіи. Это также не понравилось наверху.

Во время послѣдней ревизіи московской академіи были сказаны слѣдующія слова:

— Слишкомъ много у васъ неплюевщины.

Говорятъ, что и отставка ректора епископа Евдокима причиной своей имѣла нескрываемыя симпатіи епископа къ Неплюеву.

Несомнѣнно, что и теперь плотина не прорвалась. Совсѣмъ недавно—въ іюлѣ 1910 года—новгородскій архіепископъ Гурій устранилъ отъ завѣдыванія и законоучительства велибицкой церковно-приходской школой священника о. Николая Опоцкаго, послѣдователя Н. Н. Неплюева и основателя велибицкаго трудового братства. Несомнѣнно, по подозрѣнію въ неправославіи...

Рядомъ съ К. П. Побѣдоносцевымъ нужно поставить Меньшикова, который также постарался влить много горечи въ душу Неплюева.

Меньшиковъ въ то время былъ «толстовцемъ», либераломъ и о теперешнемъ своемъ дешевомъ, копеечномъ націонализмѣ не думалъ. Онъ писалъ тогда въ либеральной Гайдебуровской «Недѣлѣ».

Вотъ что нашелъ я въ дневникѣ Н. Н. Неплюева о Меньшиковѣ.

Онъ разсказываетъ, какъ однажды Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ написалъ ему, прося оказать денежную поддержку полезному дѣлу. Разумѣлось изданіе Гайдебуровымъ газеты «Русь». Неплюевъ далъ 25 тысячъ взаймы на льготныхъ условіяхъ. Гайдебуровъ обѣщалъ ему уплатить черезъ годъ. Но прошло три года, а о деньгахъ даже не напоминали. Тогда Неплюевъ просилъ уплатить ему хоть десять тысячъ.

Въ это время въ журналѣ Гайдебурова печатались статьи Неплюева. Должна была быть напечатана послѣдняя заключительная статья изъ серіи статей. Но послѣ требованія объ уплатѣ статья не была помѣщена. А за мѣсяцъ до срока уплаты появилась статьи Меньшикова, враждебная братству и Неплюеву. Редакторъ извинялся, даже помѣстилъ отвѣтную статью Неплюева, но въ извращенномъ видѣ. Редакторъ объяснилъ искаженіе:

— Это необходимо для репутаціи и безопасности Меньшикова.

Онъ просилъ не говорить о Меньшиковѣ, какъ о толстовцѣ:

— Это можетъ повредить ему!

Было время. А теперь нововременскій «герой» самъ всѣмъ вредитъ, разсыпая кругомъ компрометирующіе эпитеты и обвиненія въ «революціонности».

Потомъ въ «Недѣлѣ» появилось еще нѣсколько статей Меньшикова, гдѣ онъ прямо обвинялъ Неплюева въ корыстныхъ побужденіяхъ.

Неплюевъ замѣчаетъ въ дневникѣ:

— Меня въ корыстныхъ побужденіяхъ!.. На дѣло братства я затратилъ большія суммы безъ малѣйшей для меня матеріальной выгоды. Самое изданіе, въ которомъ Меньшиковъ печатался, я на время спасъ отъ гибели, ссудивъ значительную сумму денегъ на условіяхъ, не представляющихъ для меня никакой выгоды.

Интересно то, что послѣ меньшиковскихъ статей редакторъ написалъ Неплюеву:

— Теперь вы не можете требовать уплаты долга, такъ какъ ваше требованіе будетъ носить характеръ мщенія за враждебныя статьи.

Таковы были «либералы» въ «Недѣлѣ»!

Но Неплюевъ предъявилъ заемное письмо ко взысканію. Изданіе прекратилось. Кредиторы не получили ни копейки.

— Редакторъ же, —замѣчаетъ Неплюевъ,— благополучно продолжаетъ издавать тотъ же органъ печати подъ другою фирмою.

Меньшиковъ посѣтилъ братство. Одинъ изъ братчиковъ, А. И. Фусѣй, передавалъ мнѣ свой разговоръ съ нимъ.

Меньшиковъ-толстовецъ поучалъ его:

— Неплюевъ не имѣетъ права владѣть такимъ огромнымъ состояніемъ, онъ долженъ раздать все свое имѣніе бѣднымъ, а себѣ оставить столько, сколько онъ можетъ лично обрабатывать.

— Вотъ я тоже хочу сѣсть на участокъ и обрабатывать,—говорилъ далѣе Меньшиковъ.

Теперь сквозь спектръ времени все это кажется смѣшнымъ. Меньшиковъ сѣлъ не на участокъ, а въ участокъ, именуемый «Новымъ Временемъ», откуда и «обрабатываетъ» почтенную публику. Неплюевъ же, котораго обвиняли въ корыстныхъ побужденіяхъ, хотя и не былъ толстовцемъ, но отдалъ братству все свое огромное состояніе. У него было шестнадцать тысячъ десятинъ земли. Пять тысячъ онъ еще при жизни закрѣпилъ за братствомъ, а остальныя одиннадцать отойдутъ ему, согласно завѣщанію Н. Н., послѣ его сестеръ и матери.

Одно время враждебныя Неплюеву и его братству статьи появлялись во многихъ свѣтскихъ и духовныхъ журналахъ.

— Протесты же друзей братства подъ разными предлогами редакціями не принимались и не печатались,—говоритъ съ печалью Неплюевъ въ дневникѣ.

Въ чемъ только не обвиняли Неплюева? Онъ готовитъ изъ братчиковъ приказчиковъ для своихъ имѣній. А, между тѣмъ, онъ отдалъ этимъ «приказчикамъ» все свое состояніе въ общинное пользованіе.

Нужно прибавить сюда непріязнь окрестнаго населенія къ братству. Всѣмъ не нравилась обособленность братчиковъ.

— Мы принимаемъ дѣтей народа въ наши школы, общежитія и пріюты, любимъ этихъ дѣтей какъ собственныхъ. Какая же тутъ обособленность,—писалъ въ своемъ дневникѣ Неплюевъ.

Въ нелюбви окрестнаго крестьянскаго населенія большую роль играло экономическое неравенство. Для крестьянъ бѣдняковъ братчики—богатые паны. Если это соединить съ замкнутостью, и обособленностью въ чемъ обвиняли неплюевцевъ, то понятно враждебное отношеніе къ нимъ темныхъ людей, вѣчно страдающихъ отъ матеріальныхъ недостатковъ.

Въ революціонное время толпа окрестныхъ крестьянъ подошла къ одной экономіи братства съ цѣлью разграбить и сжечь постройки. Управляющій спросилъ по телефону у А. И. Фурсѣя, что ему дѣлать. Тотъ сказалъ:

— Дайте имъ ключи отъ зданій.

Толпа не взяла ключей и тихо разошлась.

При столкновеніяхъ съ крестьянами братчики говорили имъ такъ:

— Мы ваши же братья-крестьяне, которые вчера пахали вмѣстѣ съ вами землю. Въ нашихъ школахъ и пріютахъ учатся ваши же дѣти. Каждому изъ васъ доступенъ входъ въ братство. Мы зовемъ всѣхъ: идите къ намъ!

Внутри самаго братства былъ періодъ тяжелаго разъединенія, періодъ «измѣнъ братству». Это было самымъ большимъ горемъ братства и Неплюева.

Неплюевскій девизъ,—жизнь есть подвигъ,—многимъ оказался не по плечу. Постоянные призывы Н. Н. къ покаянію и «дисциплинѣ любви» были слишкомъ тяжелы для нѣкоторыхъ.

Выросла оппозиція, которая говорила:

— Авторитетъ Николая Николаевича гнететъ насъ. Пусть не ставитъ онъ намъ въ обязанность своихъ нравственныхъ требованій. Мы хотимъ болѣе непосредственной жизни, а не покаянія и усовершенствованія.

Но Неплюевъ не понималъ жизни безъ покаянія и нравственной чистоты.

— Вы хотите удобствъ жизни, а не подвига,—говорилъ онъ съ горечью.

Но время стерло и этотъ разладъ. Недовольные ушли. Оставшіеся объединились въ одну семью.

Н. Н. Неплюевъ умеръ въ 1907 году. Послѣ него остались 5 томовъ его религіозныхъ произведеній. Это интересныя книги. Въ нихъ дневникъ его, который разсказываетъ намъ о тѣхъ нестроеніяхъ и гоненіяхъ, которыя пришлось пережить братству прежде чѣмъ оно стало крѣпкимъ, цѣльнымъ обществомъ. Въ книгахъ полное исповѣданіе вѣры самаго Н. Н. Неплюева. Цѣлая религіозная система русскаго «кающагося дворянина». Читая книги Неплюева вы будете удивляться:

— За что его преслѣдовали представители духовной власти?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ и на массу другихъ вопросовъ несомнѣнно имѣется въ громадной перепискѣ оставленной Н. Н. Неплюевымъ послѣ своей смерти. Къ сожалѣнію, братство до сихъ поръ не опубликовало писемъ своего основателя къ такимъ лицамъ, какъ Л. Толстой, Побѣдоносцевъ и др. Не опубликовало и писемъ этихъ лицъ къ Неплюеву.

Очень жаль.

Въ братствѣ.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, когда я подъѣзжалъ къ братству,—это прекраснѣйшій паркъ. Громадныя деревья совершенно закрывали строенія. Только когда я въѣхалъ въ паркъ, то увидалъ цѣлый городокъ съ двухъэтажными каменными строеніями.

У братства образцовое хозяйство. Болѣе 1,500 десятинъ запашки. Десятипольная система. Постоянные опыты полеводства. Братчики, между прочимъ, произвели опытъ окучиванія по системѣ Демчинскаго.

— И ровно ничего не вышло,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

У нихъ правильное лѣсное хозяйство. Они сами засѣяли громадную площадь земли лѣсомъ.

Неурожаи у нихъ рѣдки.

Есть винокуренный заводъ. Я говорилъ имъ:

— Это—ваша Ахиллесова пята! Какъ хотите, а спиртъ идетъ на пропой души крестьянина. И способствовать этому едва ли можно трудовому братству, преслѣдующему нравственныя цѣли.

Они какъ-то иначе смотрятъ на это. Сами всѣ они—народъ на рѣдкость трезвый, хотя употребленіе вина у нихъ не возбранено. Одни изъ нихъ говорятъ:

— Невинно вино, укоризненно пьянство.

Другіе:

— Заводъ намъ нуженъ для прокорма скота.

Заводъ былъ еще до Н. Н. Неплюева. Онъ его принялъ отъ отца. И существуетъ онъ по инерціи.

Скотоводство у нихъ образцовое. Заграничныя породы производителей.

Живутъ братчики общиной. Выстроено нѣсколько корпусовъ. Въ корпусѣ каждой семьѣ дается просторная, чистая комната. Каждый корпусъ называется семьей и носитъ имя какого-нибудь апостола или другого святого. Есть семья св. Ѳомы, семья св. Іоанна и т. п.

Столовая и столъ общіе для всего корпуса. Въ опредѣленное время всѣ сходятся на молитву, обѣдать, ужинать. Столъ простой, но сытный. Готовятъ кушанья и убираютъ сами по очереди. Дѣти всего корпуса съ утра подъ наблюденіемъ дежурной «сестры». Она ихъ кормитъ, водитъ гулять, съ ними играетъ. Дѣти не мѣшаютъ, такимъ образомъ, ни отцу ни матери въ ихъ работѣ.

Работаютъ всѣ. У всѣхъ свое дѣло. Но каждый непремѣнно участвуетъ въ физическомъ трудѣ. Этотъ трудъ лежитъ въ основѣ существованія братства.

Огромное хозяйство братства требуетъ много рабочихъ рукъ. У братства до 400 наемныхъ рабочихъ, для которыхъ устроенъ корпусъ. Мечта братчиковъ—не имѣть рабочихъ. И они приглашаютъ къ себѣ желающихъ поступить въ братство.

Каждаго поступающаго они держатъ на испытаніи годъ, а потомъ уже принимаютъ. Люди со сварливымъ, неуживчивымъ характеромъ, а также съ пороками лѣни, пьянства и т. п. могутъ не являться въ братство,—ихъ не примутъ.

Каждый годъ у братства пріемъ въ школы: начальныя и два сельскохозяйственныя училища—мужское и женское. Присылаютъ дѣтей не только крестьяне окружныхъ селеній, но богатые и даже интеллигентные люди изъ дальнихъ мѣстъ. Есть дѣти изъ Сибири. Конечно, все безплатно. Желающихъ поступить сотни, а вакансій мало. Многимъ отказываютъ. Учащіеся много работаютъ на поляхъ и, вообще, проходятъ прекрасную школу.

При окончаніи курса, предоставляется желанію каждаго остаться въ братствѣ или уйти.

Обрядовой религіозностью не утруждають. Въ недѣлю двѣ службы: въ субботу и воскресенье. Посты не обязательны, кромѣ Великаго, когда всѣ семьи ѣдятъ постное.

Нравственность строжайшая. Я вздумалъ справиться у нихъ о числѣ случаевъ воровства, убійствъ.

Они съ изумленіемъ отвѣтили:

— Да развѣ у насъ это можетъ быть?

За всѣ двадцать лѣтъ ни одного случая воровства и тѣмъ болѣе убійства.

Это что-нибудь значитъ при нашихъ слабыхъ общественныхъ нравахъ.

Воровство бываетъ среди наемныхъ рабочихъ—не-членовъ братства. Братчики въ такихъ случаяхъ собираютъ изъ своей среды судъ, призываютъ обвиняемаго, и дѣло оканчивается по справедливости.

Въ каждой семьѣ ведется дневникъ. Записываются всѣ проступки братчиковъ, мелкія ссоры, обиды. А вечеромъ ихъ обсуждаютъ на общемъ собраніи всей семьи и мирятъ поссорившихся.

Флиртъ, даже самый невинный, изгнанъ изъ братства. Молодымъ людямъ не позволяется гулять вдвоемъ, особенно ночью. Они могутъ разговаривать другъ съ другомъ только на вечерахъ, устраиваемыхъ въ семьяхъ.

Я былъ на одномъ изъ такихъ вечеровъ. Всѣ непринужденно разговариваютъ, пьютъ чай, играютъ въ шахматы, поютъ хоромъ или соло. Пѣсни свѣтскія: романсы, аріи изъ оперъ, но безъ намека на любовь.

Если «братъ» желаетъ жениться на какой-нибудь «сестрѣ», то дѣлаетъ предложеніе черезъ блюстительницу братства Марію Николаевну Неплюеву. Если получится согласіе, они до вѣнца могутъ видѣться только на вечерахъ съ присутствіи другихъ. Но на бракъ можетъ не согласиться дума, состоящая изъ 30-ти человѣкъ и завѣдующая дѣлами братства. Она можетъ найти характеры жениха и невѣсты неподходящими, и тогда свадьба разстраивается.

Съ нашей точки зрѣнія многое въ жизни братства кажется страннымъ. Но, присмотрѣвшись, вы увидите, что

со всѣмъ этимъ братчики такъ свыклись, что никакого насилія не происходитъ.

Просто это—*другіе* люди.

Я, напримѣръ, спросилъ:

— Почему вы не даете видѣться жениху и невѣстѣ наединѣ?

Мнѣ просто отвѣтили:

— Да о чемъ имъ говорить такомъ, чего бы нельзя сказать при другихъ?

Во многомъ братчики нуждаются. У нихъ есть больница, но нѣтъ доктора, нѣтъ архитектора, нѣтъ своего почтово-телеграфнаго отдѣленія. Все это они могли бы устроить, такъ какъ капиталъ у нихъ большой. Но они не хотятъ брать въ свою среду «чужихъ», не-братчиковъ. Поэтому думаютъ послать своихъ дѣтей въ высшія учебныя заведенія, чтобы приготовить себѣ доктора, архитектора, агронома, лѣсовода и т. п.

Они намѣрены снять гдѣ-нибудь въ Москвѣ братскій домъ, перенести въ него всю обстановку своей жизни и въ немъ воспитывать своихъ студентовъ.

Даже почтового чиновника они готовятъ изъ братчиковъ.

Священникъ у нихъ свой, братчикъ. По уставу, они имѣютъ право выбора священника. Утвержденіе же зависитъ отъ архіерея.

Это—рѣдчайшее въ Россіи, чуть ли не единственное исключеніе изъ общаго правила, по которому священниковъ назначаетъ архіерей безъ всякаго участія прихода.

Весь расходъ на братчика высчитанъ до мельчайшихъ подробностей. Онъ не выше 150 руб. въ годъ на человѣка, при чемъ только деньги на платье имъ выдаютъ на-руки. Все остальное жизненное «довольствіе» выдается натурой. Никакихъ другихъ денегъ братчики не имѣютъ. Всякій посторонній заработокъ, если онъ бываетъ, сдается въ общую кассу.

Хозяйство даетъ прибыль, благодаря которой идетъ расширеніе этого хозяйства.

Каждая семья выписываетъ газету. Есть библіотека.

Политики братчики сторонятся:

— Наше дѣло Божіе,—говорятъ они.

Въ училищахъ поражаетъ строгій подборъ книгъ для чтенія. Н. Н. Неплюевъ предупреждалъ братчиковъ остерегаться неразборчиваго чтенія, ибо оно—ядъ. Онъ говорилъ даже, что нельзя изъ братства дѣлать кабинетъ для чтенія и увлекаться чтеніемъ. Братство, прежде всего,—общество физическаго труда въ обстановкѣ религіи и нравственности.

Ученицамъ сельско-хозяйственной школы не даютъ читать всего Гоголя, находя, что въ немъ много «грубыхъ мѣстъ». Но лучшія повѣсти его читаются.

Любимый поэтъ братства—А. С. Хомяковъ, отецъ предсѣдателя Государственной Думы.

Въ братскомъ паркѣ въ честь его насыпанъ учениками курганъ. На курганѣ—бесѣдка, увитая плющомъ, а внизу на плитѣ рельефъ поэта и надпись:

«Христіанину-поэту и глубокому мыслителю».

Общее впечатлѣніе отъ братства отрадное. Миромъ, тепломъ вѣетъ отъ дружной работы скромныхъ людей, впитавшихъ въ себя «дисциплину любви» и уваженія къ человѣку, Богу и труду.

Мнѣ говорили въ отвѣтъ:

— Но вы забываете, что они объединились около 16 тысячъ десятинъ неплюевской земли, что они изъ бѣдняковъ стали богатыми помѣщиками?

— Да, они зажиточные,—отвѣтилъ я,—но богатымъ-то труднѣе всего удержаться на высотѣ нравственной чистоты. А въ братствѣ эта чистота налицо, тамъ нравственность безусловно выше, чѣмъ среди насъ.

Свободное христіанство.

Свободныхъ христіанствъ не одно, какъ слѣдовало бы ожидать, а уже цѣлыхъ три*). Во главѣ одного стоитъ еп. Михаилъ, главой другого считается И. М. Трегубовъ, третье свободное христіанство — московское, которое объединяется В. М. Соколовымъ и А. М. Мусатовымъ.

Свободное христіанство еп. Михаила.

Извѣстно «свободное христіанство» старообрядческаго епископа Михаила, бывшаго архимандрита православной церкви. Въ «свободномъ христіанствѣ» его старообрядчество, конечно, не при чемъ. Оно своимъ содержаніемъ выше старообрядчества и епископъ какъ бы нисходитъ къ послѣднему съ высотъ «міровой религіи духа». Мнѣ казалось всегда удивительнымъ, какъ онъ примиряетъ свое христіанство со старообрядчествомъ? Я спросилъ его однажды объ этомъ. Онъ отвѣтилъ:

— Въ нашихъ свободныхъ общинахъ я защищаю тотъ взглядъ, что не нужна ломка обрядовъ. Пусть догматическая и обрядовая стороны остаются въ нетронутомъ видѣ и старо-

---

*) Я не считаю евангелистовъ и баптистовъ, которые тоже называютъ себя въ иныхъ мѣстахъ „свободными христіанами“ или „духовными христіанами“.

обрядецъ, также какъ и любой христіанинъ, можетъ быть свободнымъ христіаниномъ. Я хочу, чтобы мы приняли старообрядческую обрядность во имя братства. Если бы даже старообрядцы и не захотѣли принять,насъ, мы должны принять ихъ обрядность, чтобы сказать этимъ, что мы идемъ имъ навстрѣчу. Среди моихъ единомышленниковъ многіе требуютъ богослуженія на русскомъ языкѣ. Я противлюсь этому, зная, что это раздѣлитъ насъ со старообрядцами. Но я сознаю въ то же время, что разсчитывать на братское единеніе старообрядцевъ съ нами нельзя...

Свободное, или какъ еще оно называется, соціальное, христіанство епископа Михаила — «новая вѣра». Она можетъ возникнуть только на пепелищѣ старыхъ формъ.

О евангеліи епископъ говоритъ такъ:

— Книга, звавшая къ тому, чтобы перевернуть міръ, стала настольной для хищника-мѣщанина. Ясно, что это — *другая книга*. И отъ нея надо отказаться, чтобы найти старую.

«Старая книга» — это истинное Евангеліе Христа.

Догматы и обряды епископъ не отвергаетъ, но считаетъ дѣломъ второстепеннымъ. Но странная вещь, мнѣ извѣстно, что въ основаніи розни его съ московскимъ свободнымъ христіанствомъ лежало принципіальное несогласіе въ опредѣленіи личности Христа...

Епископъ мечтаетъ о *моральномъ* объединеніи людей.

— Задачи христіанъ всѣ на землѣ, — около нея, печальной и обиженной. Оставьте небо ангеламъ и воробьямъ, говоритъ Вандервельдъ. Нужна земная вѣра, которая можетъ основаться только на пепелищѣ стараго христіанства. Нужно бросить рѣчи о воспитаніи духа, — подъ защитой этихъ рѣчей землю обратили въ сплошной публичный домъ или тюрьму.

Предъ христіаниномъ одна задача — сблизиться съ міромъ. Считать прокаженныя одежды міра своими одеждами, чувствовать позоръ какой-нибудь проститутки физически, какъ сифилисъ въ собственной крови, считать каждую тюрьму своей постройкой, которой не должно быть.

Вотъ заповѣди новаго соціальнаго христіанства:

1. Не слишкомъ смотри въ небо: посмотри — рядомъ для твоей сестры строится новый публичный домъ.

2. Не благотвори и ненавидь благотворительность: это мошенническая сдѣлка буржуа съ Богомъ, которому они хотятъ заплатить двѣ копейки со ста.

3. Не жалѣй и не будь слишкомъ милосердымъ самаряниномъ: хорошее стало ложью. И каша съ гноемъ прокаженныхъ, какую ѣлъ милосердный Францискъ, и жалость самарянина — теперь только блудъ, бѣгство въ сладострастіе жалости отъ ужаса предъ зрѣлищемъ міра, погибающаго отъ насилія. Убери самое колесо дьявола, которое давитъ милліоны.

4. Разрушь злую заповѣдь терпѣнія, потому что эта антихристова заповѣдь есть дважды душеубійство: по отношенію къ тѣмъ, кто слишкомъ терпѣливъ, потому что ихъ души сгибаются вмѣстѣ съ согнутыми шеями, и по отношенію къ тѣмъ, чье зло терпятъ. Ихъ заставляютъ быть убійцами и хищниками.

5. Разрушь злую заповѣдь о святомъ трудѣ, потому что трудъ — грѣхъ и преступленіе: рабій и подлый, онъ дѣлаетъ душу годной только для алкоголя и разврата.

6. Помни, что христіанство можетъ быть только общественнымъ. Христіанство личнаго спасенія — лживыя выдумки тѣхъ, кто во имя Христа создалъ рабство. Подожди спасать свою душу: она принадлежитъ другимъ, и, спасая ее, ты воруешь.

Эту бичующую вѣру епископъ называетъ почему-то «мужичьей».

— Вы считаете возможнымъ сейчасъ въ Россіи народное религіозное организованное движеніе въ духѣ новой вѣры? — спросилъ я какъ-то однажды епископа.

— Признаюсь, что я поддерживаю въ себѣ надежду на это силой... Я остаюсь пока съ вопросомъ: нѣтъ ли въ условіяхъ жизни нашего народа почвы для такого движенія? Хотя знаю, что для народа трудно подыскать формулу новаго религіознаго мышленія и дѣйствія.

— Я вообще человѣкъ несильный,—продолжалъ епи-

скопъ, — и въ дѣлѣ выплавки новаго религіознаго сознанія сдѣлалъ мало. Идея соціальнаго христіанства у насъ не имѣетъ пророковъ, но крупныхъ дѣятелей съ сильной волей она уже выработала... Въ Симбирскѣ создалась община свободныхъ христіанъ которая получила утвержденіе администраціи. Есть наши группы въ Тифлисѣ, Царыцинѣ и другихъ мѣстахъ. Но пока это только отдѣльныя группы... Судьба ихъ въ рукахъ толпы, въ рукахъ народа. Если онъ ихъ не поддержитъ, онѣ погибнутъ, потому что въ нихъ нѣтъ духа пророческаго, есть только робкая надежда, что народъ родитъ своего пророка.

Со времени этого моего разговора съ епископомъ прошло уже полтора года. Я слѣдилъ въ это время за развитіемъ свободнаго христіанства. Мнѣ кажется, что у еп. Михаила теперь есть больше основаній сомнѣваться въ возможности народно-религіознаго организованнаго движенія въ духѣ его свободнаго христіанства. Общинъ свободныхъ христіанъ мало. Было зимой 1909 года что-то вродѣ съѣзда свободныхъ христіанъ. На немъ, какъ мнѣ передавали, присутствовало по одной версіи трое, по другой восемь человѣкъ—цифра, мало говорящая о «народномъ движеніи». Наконецъ, въ группѣ свободныхъ христіанъ еп. Михаила появилось уже дробленіе.

Я встрѣтилъ человѣка близкаго къ еп. Михаилу. Онъ разочарованъ.

— Оказалось, что мы съ епископомъ не сходимся въ главномъ—его Христосъ «гнѣвный», мой кроткій...

Мнѣ кажетя, что свободное христіанство еп. Михаила осуждено на долгое, томительно-долгое сектантство небольшихъ группъ. И не потому только, что нѣтъ вождей и пророковъ въ средѣ ихъ. Но, главнымъ образомъ, потому, что новая вѣра епископа совсѣмъ не мужичья вѣра. Проповѣдь ненависти къ терпѣнію, труду, жалости и благотворительности въ томъ видѣ, въ какомъ они сейчасъ существуютъ, долго не найдетъ отклика въ средѣ простого, очень коснаго въ своемъ міровоззрѣніи народа. Толпа, народъ долго еще не пойметъ соціальнаго христіанства, а главное—

долго не почувствуетъ его въ себѣ. Самые передовые его слои въ религіозной жизни не ушли далѣе евангелизма, баптизма и сродныхъ имъ узкихъ, хотя и раціоналистическихъ сектъ. До соціальнаго христіанства нужны десятки лѣтъ развитія... А пророковъ нѣтъ, развивать идею въ народѣ некому.

— Я вообще человѣкъ слабый, — признается самъ еп. Михаилъ.

Въ другой разъ онъ жаловался:

— Людей нѣтъ, вождей нѣтъ...

Какіе тамъ «крупные дѣятели съ сильной волей»!

Поэтому невольно является вопросъ:

— Можетъ-быть на долю еп. Михаила и его послѣдователей выпала одна теоретическая разработка вопроса объ истинномъ свободномъ христіанствѣ?

Свободное христіанство И. М. Трегубова.

— Пожалуйста не смѣшивайте наше свободное христіанство съ трегубовскимъ, — говорилъ мнѣ однажды епископъ Михаилъ. — Мнѣ чуждо трегубовское непротивленіе...

Отъ этого непротивленія открещивается и московское свободное христіанство, которое И. М. Трегубовъ по недоразумѣнію долгое время, — если только не продолжается это и сейчасъ — считалъ своимъ единомышленникомъ. Основныя положенія, выработанныя имъ, онъ называлъ «основными положеніями общины свободныхъ христіанъ въ Петербургѣ и *Москвѣ*».

Вотъ эти положенія въ общихъ чертахъ.

«1. Мы имѣемъ цѣлью осуществлять въ своей жизни, по мѣрѣ нашихъ силъ, исповѣдуемое нами ученіе Іисуса Христа, сущность котораго есть любовь Бога къ людямъ и любовь людей къ Богу и другъ къ другу, не допускающая насилія, духовная и тѣлесная чистота, послушаніе совѣсти, любовь къ истинѣ, правдивость, незлобіе, всепрощеніе, кротость, свобода, равенство, братство, трудъ и общинная жизнь по примѣру древне-христіанской общины.

2. Въ Богѣ мы почитаемъ Отца или начало добра, любви и разума. Оно даетъ жизнь всему міру и непосредственно открывается людямъ, воплощаясь въ нихъ, какъ ихъ разумѣніе. т.-е. какъ ихъ совѣсть, любовь и разумъ, и, какъ таковое. оно называется въ библіи различно: Богомъ во плоти, Духомъ, Духомъ Божіимъ и т. п.

3. Поэтому и въ Іисусѣ Христѣ мы признаемъ, съ одной стороны, жившаго въ свое время Іисуса - человѣка, или сына человѣческаго, а съ другой—воплощеннаго въ немъ вѣчнаго Христа - Бога.

4. Голосъ этого, живущаго въ насъ, вѣчнаго Христа-Бога, а также изученіе матеріальнаго и особенно духовнаго міра говоритъ намъ, что смерти не существуетъ, что жизнь не можетъ быть иная, какъ вѣчная, что ничто не погибаетъ, кромѣ формъ, и что въ нашей душѣ есть нѣчто такое, что не подлежитъ смерти. А такъ называемая смерть есть только переходъ или исходъ изъ одной жизни въ другую. Есть только одна настоящая смерть — духовная, состоящая въ потерѣ блаженной жизни и причиняемая невѣріемъ въ Бога-Христа или неимѣніемъ Его въ себѣ и грѣхами. Но покаяніе, вѣра въ Бога-Христа или принятіе Его въ себя и согласная съ нимъ жизнь могутъ избавить и отъ этой смерти.

5. Мы называемъ себя «свободными христіанами» потому, что исповѣдуемъ ученіе Христа свободно, т.-е. безъ насилія надъ нашимъ и чьимъ бы то ни было духомъ и тѣломъ, иначе и кратко говоря, исповѣдуемъ *любовь безъ насилія.*

6. Мы отвергаемъ всякіе догматы и обряды.

7. Мы отвергаемъ всякую клятву.

8. Половая распущенность, блудъ и прелюбодѣяніе, которыя особенно истощаютъ тѣло и опустошаютъ душу, безусловно отрицаются нами, а половое общеніе, какъ таинство, предназначенное Богомъ для продолженія рода, считается нами допустимымъ лишь въ такомъ союзѣ между мужчиной и женщиной, который скрѣпленъ не только половой любовью, но и одухотворяющимъ и возвышающимъ ее глубокимъ духовнымъ единеніемъ, — духовной, Хри-

стовой, любовью, — и который мы называемъ бракомъ. Да и въ самомъ бракѣ братское отношеніе между мужемъ и женою предпочитается половому.

9. Но воздерживаясь отъ всякаго насилія, мы не остаемся пассивными непротивленцами, равнодушными зрителями совершающагося вокругъ насъ зла и ведемъ съ нимъ борьбу, но такъ, что, борясь со зломъ и уничтожая его, мы не уничтожаемъ совершающихъ его людей и не причиняемъ имъ зла.

10. Наши братья и сестры по духу съ давнихъ временъ жили и живутъ въ разныхъ странахъ міра, въ томъ числѣ и въ Россіи, и назывались и называются они различно: «христіанами» (съ перваго вѣка христіанства), «менонитами» (съ 16-го вѣка въ Голландіи, Германіи и Англіи; поселенцы ихъ есть и въ южной Россіи), «квакерами» (съ 17-го вѣка въ Англіи и Америкѣ), «назаренами» (съ средины 19-го вѣка въ Австріи), «духовными христіанами», «молоканами», «духоборами», «общими», «іеговистами», «малеванцами», «сютаевцами», «толстовцами», «свободными христіанами» и проч.

15. Отрицая насиліе и называя себя поэтому «свободными христіанами», мы тѣмъ самымъ отрицаемъ и за вышеизложенными положеніями значеніе непреложнаго «символа вѣры» или «устава» съ ихъ естественными спутниками — «анаѳемами», «отлученіями» и карами, потому мы всегда вольны измѣнять, дополнять и отмѣнять настоящія наши положенія въ пользу болѣе совершенныхъ, лишь бы только оставалась ненарушимой исповѣдуемая нами и составляющая ихъ сущность *любовь безъ насилія*".

Московское свободное христіанство.

Московское свободное христіанство не организовано. У него нѣтъ опредѣленнаго катехизиса вѣры, опредѣленной системы. Главари, конечно, имѣютъ такой катехизисъ, но къ своимъ послѣдователямъ они пока обращены одной

стороной — критикой церковнаго православія. Поэтому въ этомъ «свободномъ христіанствѣ» всѣ, начиная отъ сомнѣвающихся и порицающихъ духовенство за его заботу о матеріальномъ стяжаніи и кончая сознательными радикалами. Въ ихъ лагерѣ я, напримѣръ, встрѣчался съ такими двумя мнѣніями.

Первое:

— Перемѣните духовенство на лучшее, и православіе будетъ настоящей вѣрой!

Второе:

— Хорошо, что въ православіи такое духовенство, оно подтачиваетъ самую основу обрядовой церкви. Не надо ни обрядовъ, ни духовенства, ни церкви!

Несомнѣнно, нѣкоторые московскіе «свободные христіане» кладутъ въ основаніе своего міровоззрѣнія бытіе Бога и Бога Христа. Иные же, я знаю, говорятъ такъ:

— Мнѣ некогда заниматься вопросомъ, есть Богъ или нѣтъ, Богъ ли былъ Христосъ или человѣкъ. Мнѣ нужно только жить по-Божьи, и въ этой жизни вся моя религія.

Болѣе или менѣе полное «исповѣданіе вѣры» я получилъ отъ вожаковъ «свободнаго христіанства».

— Основной и единственно обязательной стороной нашего ученія и жизни является человѣколюбивое отношеніе къ окружающимъ, — говорятъ они. — Провѣряемъ это отношеніе мы по тому, какъ относятся къ намъ. Если худо, то, значитъ, мы не достаточно человѣколюбивы. Плохого отношенія къ ближнимъ мы не оправдываемъ ничѣмъ. Если встрѣчаются люди съ злобнымъ чувствомъ къ другимъ, то въ этомъ виноваты въ большинствѣ случаевъ не они, а тѣ дурныя условія, среди которыхъ они выросли. Устранить эти условія всецѣло зависитъ отъ самихъ людей.

— Наше отношеніе къ Евангелію чисто тактическое. Такъ какъ для большинства людей эта книга служитъ всегда источникомъ ихъ религіознаго міропониманія, то, безъ сомнѣнія, ссылаясь на нее, какъ на авторитетъ для собесѣдниковъ, который къ тому же не стоитъ въ противорѣчіи съ нашими убѣжденіями, мы скорѣе находимъ ту

плоскость, на которой можно разговаривать. Для насъ же самихъ основаніемъ и провѣркой правильности нашихъ дѣйствій служитъ наше внутреннее чувство, предъ которымъ мы стараемся не лгать и которое всегда безъ ошибки указываетъ намъ путь. Это наша Совѣсть. Если бы люди захотѣли съ этимъ врожденнымъ чувствомъ считаться, то для нихъ отпала бы необходимость въ чужихъ авторитетахъ, авторитетахъ другихъ людей, какіе бы ни были эти авторитеты: простые ли люди, пророки или признаваемые частью людей за Бога.

— Не признавая чудесъ, какъ нарушенія естественнаго хода вещей, мы считаемъ, что высокая Личность Христа подчиняется тому же естественному закону, какому подчиняемся и мы. Если ей не было надобности въ книгѣ, какъ авторитетѣ, то нѣтъ надобности въ ней и намъ, если мы слушаемъ голосъ нашего единственнаго авторитета — Совѣсти. Отсюда, Христосъ является, по нашему мнѣнію, высокимъ историческимъ примѣромъ для людей.

— Бога, какъ силу, создавшую міръ, мы не отрицаемъ, но не можемъ въ этомъ направленіи ничего и устанавливать, такъ какъ ничего намъ неизвѣстно. Тѣмъ менѣе мы можемъ опредѣлять свойства и природу Бога. Загробную жизнь не отрицаемъ, но и не устанавливаемъ ее съ подраздѣленіемъ на рай и адъ. Думаемъ, что такое чудное явленіе, какъ человѣкъ, не исчезаетъ безслѣдно во вселенной, а продолжаетъ свою жизнь въ тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ, въ томъ или другомъ видѣ.

— Наши обряды и таинства — помощь ближнимъ. Наше религіозное чувство вызывается и развивается путемъ ощущенія красоты внѣшняго міра и духовныхъ проявленій человѣка. Праздниковъ у насъ нѣтъ, или, вѣрнѣе, у насъ каждодневный праздникъ, который мы создали себѣ, благодаря спокойному и ясному отношенію къ жизни.

— Различіе людей по національностямъ и религіямъ для насъ не существуетъ. Но сами мы — русскіе, поэтому не можемъ не чувствовать особаго «нѣжнаго» чувства ко

9*

всему русскому. Если мы работаемъ для другихъ, то пріятнѣе, когда эти другіе — русскіе.

— Насъ вѣрнѣе было бы назвать не свободными христіанами, а «свободными людьми».

Это уже стройное религіозное міропониманіе. Но, повторяю, насколько я имѣлъ возможность наблюдать, такое міропониманіе присуще далеко не всѣмъ московскимъ свободнымъ христіанамъ. Неспѣтость среди нихъ большая. Она говоритъ о томъ, что когда свободное христіанство выльется въ рамки организаціи, многіе найдутъ, что они вовсе не «свободные христіане. Такъ было въ штундизмѣ. Всѣ московскіе сектанты прошли черезъ штундизмъ, когда онъ былъ простымъ безформеннымъ протестомъ противъ устарѣлыхъ формъ церковности. Но какъ только штундизмъ легализировался въ евангелизмѣ и баптизмѣ, всѣ сильные люди ушли изъ него, почувствовавъ, что въ рамкахъ организаціи имъ тѣсно.

Мало сорганизованности въ московскомъ свободномъ христіанствѣ. Но зато оно выгодно выдѣляется своею близостью къ жизни и простому народу. Сейчасъ въ «свободномъ христіанствѣ» много рабочихъ. Около Преображенской заставы стоятъ фабрики, заводы, мастерскія. Прежде все трудовое населеніе ихъ было пропитано соціалъ-демократіей, политикой. Теперь не только рядовые рабочіе, но и вожаки ихъ, вмѣсто «браунинга», носятъ въ карманѣ Евангеліе. Понятно, что отъ соціалъ-демократіи переходъ къ синодальной церкви невозможенъ. И рабочіе идутъ къ сектантамъ. На миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ противъ миссіонеровъ уже выступаетъ достаточно подготовленная группа «свободныхъ христіанъ» изъ рабочихъ. Такихъ фактически отколовшихся отъ церкви уже настолько много, что была мысль создать организацію «свободныхъ христіанъ».

Хотя формально общинной организаціи у нихъ нѣтъ, но групповой духъ, основанный на извѣстной солидарности мыслей, создался. Я приведу одинъ характерный въ этомъ смыслѣ случай. Одинъ «свободный христіанинъ» совершилъ

предосудительный поступокъ: скрылся съ чужой женой. Кажется, что онъ «позарился» на ея деньги, которыхъ у нея не оказалось. Когда огласился поступокъ, «свободные христіане» Преображенской заставы заволновались. Тамошній священникъ съ церковной каѳедры разсказалъ этотъ случай и обрушился на сектантовъ.

— Вотъ они каковы!

Свободные христіане бросились къ В. М. Соколову.

— Какъ быть?

Одинъ говоритъ:

— Онъ душу у меня укралъ!

Другой все сомнѣвался:

— Не можетъ быть, чтобы онъ это сдѣлалъ! Однажды онъ ночевалъ у меня, видѣлъ 250 рублей въ ящикѣ, вѣдь, не укралъ же?

Одинъ даже съ горя запьянствовалъ.

В. М. Соколовъ утѣшилъ ихъ:

— Исключеніе вездѣ бываетъ. Паршивыя овцы въ любомъ стадѣ есть...

Вскорѣ скрывшійся «свободный христіанинъ» явился. Любовница его пала въ ноги къ мужу. Тотъ простилъ ее и принялъ въ домъ. А къ «свободному христіанину» приступилъ съ обличеніемъ.

— Какъ не совѣстно!

Въ «Ямѣ» православный миссіонеръ заявилъ ему:

— Вотъ что значитъ быть въ религіозномъ безпорядкѣ. Шарлатаны вы...

Тогда обличаемый обратился къ своимъ съ повинной. Тѣ собрались:

— Что дѣлать? Простить или нѣтъ?

Простили, но поставили условіемъ, чтобы онъ уѣхалъ изъ Москвы. Тотъ согласился.

— Мнѣ кажется, что у насъ создалась живая и болѣе дѣйственная организація, чѣмъ всякая легализированная община съ разными основными положеніями, — сказалъ мнѣ послѣ этого случая В. М. Соколовъ.

„Новый Израиль".

I.

О раціоналистической сектѣ «Новый Израиль» заговорили недавно. Но существуетъ она давно. Она широко распространилась на сѣверномъ Кавказѣ, главнымъ образомъ среди крестьянъ. Много ея послѣдователей и въ Донской области. Здѣсь ею увлекаются казаки. Мнѣ удалось познакомиться съ сектантами въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ новоизраильтянъ насчитывается около 100 семействъ, въ большинствѣ случаевъ въ средѣ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ.

Въ новоизраильскую общину каждый имѣетъ свободный доступъ. Тамъ рядомъ съ казакомъ сидитъ даже и еврей. Въ Ростовѣ мнѣ говорили о трехъ евреяхъ, принятыхъ въ среду новоизраильтянъ.

— А какъ же вѣроисповѣданіе еврея?—спросилъ я.

— Онъ долженъ признать евангеліе и понимать его такъ, какъ мы его понимаемъ. Безъ этого мы его не примемъ.

А понимаютъ евангеліе они широко:

— Богъ въ сердцѣ человѣческомъ и въ его совѣсти.

Они—тѣ же «свободные христіане» московскаго типа, только организованные и съ опредѣленнымъ свободнымъ катехизисомъ вѣры. Конечно, они не признаютъ священства и никакой обрядности. Не почитаютъ иконъ.

Основа ихъ вѣроученія, какъ я сказалъ, евангеліе. Но они читаютъ и библію и все другое, что объясняетъ евангеліе.

Мнѣ пришлось познакомиться съ ними уже въ тяжелую пору ихъ жизни. Хотя они были легализованы, но травить ихъ не переставали. Главарь ростовской общины Лубковъ вынужденъ даже былъ скрыться изъ Ростова. Его обвиняли въ «многоженствѣ», или, вѣрнѣе, въ крайнемъ распутствѣ. Между тѣмъ эта секта съ высокой нравственностью.

— У насъ одинъ мужъ для жены и одна жена для мужа,— говорятъ новоизральтяне.

Бракъ у нихъ гражданскій. Но онъ чтится, какъ святыня, отрицается только обрядовая сторона его. Процедура брака такова.

Молодые люди, желающіе вступить въ бракъ, подаютъ о томъ письменное заявленіе въ совѣтъ общины. Совѣтъ вывѣшиваетъ отъ своего имени объявленіе въ помѣщеніи общины, въ городской управѣ, полицейскомъ управленіи и во всѣхъ полицейскихъ участкахъ—о томъ, что такіе-то желаютъ вступить въ бракъ. Если въ семидневный срокъ не поступитъ заявленій о препятствіяхъ къ браку, то бракъ считается совершившимся. Тогда совѣтъ общины подаетъ письменное заявленіе о бракѣ въ городскую управу, куда являются и новобрачные. Въ управѣ производится провѣрка документовъ молодыхъ супруговъ, и если они въ порядкѣ, то бракъ закрѣпляется управой и на документахъ дѣлаются соотвѣтствующія надписи. Послѣ отмѣтки въ посемейныхъ книгахъ, молодые являются въ полицейское управленіе, гдѣ имъ обмѣниваютъ паспорта: вмѣсто «холостыхъ», выдаютъ «женатые». Такой порядокъ совершенно устраняетъ возможность многоженства и кровосмѣшенія, въ чемъ ихъ обвиняютъ.

Это гражданская сторона брака. А общинно-религіозная сводится къ слѣдующему. Невѣсту и жениха приводятъ въ помѣщеніе для молитвенныхъ собраній. Здѣсь ихъ спрашиваютъ о томъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ.

Затѣмъ на нихъ призывается Божіе благословеніе и бракъ считается состоявшимся.

Разводы у нихъ свободны. Но встрѣчаются они очень рѣдко. Семьи новоизраильтянъ живутъ крѣпко, пожалуй, гораздо крѣпче, чѣмъ семьи православныхъ.

— Почему вы называетесь «Новымъ Израилемъ»?— спросилъ я ихъ.

— Народъ Христа былъ народъ израильскій. Мы, новые израильтяне, тоже народъ Христа.

— Давно существуетъ ваша секта?

— Мы помнимъ—нѣсколько десятилѣтій. Но вѣримъ, что всегда были истинные послѣдователи Христа.

— Кто родоначальникъ секты?

— Какой тамъ градоначальникъ,—не понялъ меня сектантъ.—Люди съ самаго Христа читаютъ слово Божіе...

Господствующая церковь и ея служители, по ихъ мнѣнію,—не носители Христовой правды.

— Сколько васъ теперь?

Этотъ вопросъ не понравился сектанту.

— Что мы считали, что ль?

Потомъ сказалъ:

— 44 тысячи.

Можетъ-быть это какая-нибудь символическая цифра изъ библіи. Но она близка къ правдѣ. Сектантство наше вообще сильно развивается, а «Новый Израиль» растетъ особенно быстро.

— Почему?—спрашиваю.

— Вѣра свободная, а простой народъ свободу любитъ...

Другой объяснилъ такъ:

— Платить не приходится...

Плата за требы играетъ, какъ извѣстно, немалую роль въ развитіи сектантства.

Нѣкоторыхъ манитъ то, что, поступая въ секту, онъ можетъ разорвать свои отношенія съ семьей, можетъ жениться на одной изъ сестеръ общины. Есть случаи, когда женщина бросаетъ пьяницу или изверга-мужа и переходитъ въ секту, чтобы выйти замужъ за другого. Выходитъ и живетъ хорошо.

По воскресеньямъ у нихъ молитвенныя собранія, напоминающія собранія баптистовъ. Поютъ духовные стихи, читаютъ евангеліе и слушаютъ проповѣдь.

Но баптистовъ они не любятъ.

— Сами таинство отрицаютъ,—говорятъ они про нихъ,— а причащаются.

Но баптисты, какъ извѣстно, вовсе не причащаются. Они «преломляютъ хлѣбъ» и этому не придаютъ характера таинства.

Новоизраильтяне—постники.

— У васъ постъ заключается только въ постной пищѣ,— укололи они меня.—А постное ѣшь сколько влѣзетъ. У насъ, напримѣръ, въ Страстную седьмицу, въ продолженіе всѣхъ семи дней совсѣмъ не ѣдятъ и не пьютъ.

Постъ у нихъ служитъ и наказаніемъ за пьянство.

За блудъ они изгоняютъ изъ общества.

Я встрѣтилъ нѣсколько людей, которые знаютъ «новоизральтянъ» въ жизни. Всѣ ихъ очень хвалятъ.

— Честный, трудолюбивый народъ. Съ ними пріятно имѣть дѣло.

Даже одинъ изъ нашихъ архіепископовъ—именно архіепископъ воронежскій Анастасій—призналъ:

— «Новый Израиль» есть общество разумныхъ, трезвыхъ и честныхъ людей, объединенныхъ Господомъ Богомъ.

II.

Какъ я уже сказалъ, въ Ростовѣ-на-Дону «Новоизраильская община евангельскаго вѣроученія» легализирована. Она офиціально зарегистрована городскимъ присутствіемъ на основаніи закона 17 октября 1906 г. Уже около двухъ лѣтъ члены общины тамъ собираются каждое воскресенье въ особомъ помѣщеніи и въ присутствіи полицейскаго чиновника совершаютъ моленія и выслушиваютъ проповѣди своихъ проповѣдниковъ. Раньше чѣмъ разрѣшить общину, ростовскій градоначальникъ запрашивалъ екатеринослав-

скаго архіерея. Но отъ него неодобрительнаго отзыва не получилъ.

Кромѣ ростовскаго присутствія новоизраильскія общины легализировались кубанскимъ и терскимъ областными правленіями, а также харьковскимъ присутствіемъ. Основаніе для легализаціи одно: секта не имѣетъ безнравственнаго и изувѣрнаго характера.

Но въ послѣднее время духовная власть нашла, что секта:

— Безнравственна и изувѣрна.

Кіевскій миссіонерскій съѣздъ открылъ кампанію противъ «Новаго Израиля». Затѣмъ, о. Восторговъ представилъ въ Синодъ свое «мнѣніе», которое сводилось къ тому, что «Новый Израиль»—хлыстовская секта, содержащая безнравственное ученіе. А отсюда былъ сдѣланъ выводъ:

— Надо немедленно отнять у нея право пользованія актомъ 17 октября 1906 года.

О томъ же возбудилъ ходатайство и епископъ ставропольскій Агаѳодоръ. Синодъ, на основаніи этихъ докладовъ, постановилъ «сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ не находитъ возможнымъ примѣнять къ сектѣ «Новый Израиль» указъ отъ 17 октября 1906 года». Секта названа Синодомъ «преслѣдующей цѣли, противныя общественной нравственности». Вмѣстѣ съ этимъ Синодъ просилъ министра «имѣть тщательный надзоръ за вредной и соблазнительной дѣятельностью» новоизраильтянъ.

Отъ министра послѣдовалъ отвѣтъ:

— Будемъ имѣть надзоръ. Обревизуемъ метрическія книги...

Словомъ, это начало печальнаго для секты конца. При нынѣшнемъ направленіи церковной политики не будетъ ничего удивительнаго, если секту лишатъ легализаціи и спустятъ въ подполье. Если старообрядчество иркутскій миссіонерскій съѣздъ призналъ «антихристіанской ересью», то раціоналистическому сектантству и подавно не будетъ пощады... Конечно, уничтожить и даже остановить развитіе секты мѣрой лишенія легализаціи едва ли могутъ.

Одинъ ростовскій новоизраильтянинъ говорилъ мнѣ о прошломъ своей секты:

— Тяжело было намъ... Собирались мы въ своей деревнѣ тайно; бывало закроемъ ставни и читаемъ евангеліе. Но скрыться не всегда было можно. Насъ открывали и разгоняли. Однажды двухъ убили...

— Кто же?

— Свои однодеревенцы, православные. Народъ темный. Ихъ науськаютъ, наскажутъ, что мы собакъ ѣдимъ, моръ пускаемъ, а они вѣрятъ...

— Но, несмотря на все это, вы собирались?

— Развѣ голосъ Божій можно заглушить?

Конечно, и теперь новоизраильтяне, если будутъ лишены легализаціи, будутъ собираться тайно, несмотря ни на какія запрещенія.

Выиграетъ ли отъ запрещенія православіе?

„Студенты-христіане“.

Религіозное движеніе захватываетъ и студенческіе круги. Базаровщина и простое равнодушіе къ дѣламъ вѣры начинаютъ замѣняться если еще не религіозностью, то интересомъ къ религіи. Въ «Ямѣ»—московскомъ трактирѣ, гдѣ собираются сектанты для бесѣдъ,—нерѣдко можно встрѣтить студентовъ Московскаго университета. Приходятъ они не изъ празднаго любопытства, а «томимые религіозной жаждой». Встрѣчаются студенты и на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ съ сектантами.

Тѣмъ, что религіозное движеніе дошло и до «чуткаго слуха» нашей учащейся молодежи, можно объяснить извѣстный успѣхъ проповѣди «всемірнаго христіанскаго студенческаго союза».

Въ основѣ студенческаго религіознаго движенія лежитъ исканіе правды Божіей:

— Какъ жить по-Божьи?

Но у насъ исканіе Бога всегда соединялось съ разрушеніемъ стараго, съ уклоненіемъ отъ внѣшности и одухотвореніемъ міросозерцанія. Наше исканіе всегда оканчивалось сектантствомъ. «Всемірный союзъ» ничего не разрушаетъ. Онъ, какъ адвентисты, признаетъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, со всей тяжестью ихъ догматическаго и обрядоваго матеріала. Вѣрнѣе, онъ не касается этого матеріала.

— Это скорлупа, форма,—говорилъ мнѣ представитель союза бар. П. Николаи, который неоднократно читалъ въ Москвѣ лекціи студентамъ.—Мы задаемся вопросами *личной* вѣры въ Бога и проведеніемъ ея въ жизнь. Заботимся, чтобы каждый членъ нашъ былъ какъ можно интенсивнѣе религіозенъ въ той формѣ вѣроисповѣданія, какую онъ выбралъ. Мы хотимъ водрузить въ обществѣ знамя Христа, помочь обществу словами и личнымъ самоусовершенствованіемъ познать святыя истины Его ученія. Доказать, что самое высокое достиженіе и личной нравственной высоты и общественной морали заключается въ евангеліи. Все возвышенное въ другихъ религіяхъ и философскихъ дисциплинахъ въ полной мѣрѣ заключается въ ученіи Христа. А много драгоцѣннѣйшихъ свойствъ человѣческой природы, пренебреженныхъ иными учителями жизни, находится только въ христіанствѣ.

Союзъ ограничивается практическими вопросами личной нравственности. Какъ побѣдить искушеніе грѣха? Какъ выработать христіанскій характеръ? Какъ провести въ жизнь христіанство?

— Но вопросы церковной политики сами собой напрашиваются на обсужденіе?

— Мы ихъ избѣгаемъ. Когда люди затрагиваютъ церковные вопросы, то всегда спорятъ. А когда занимаются религіозно-философскими идеями, то парятъ въ высотахъ теоріи. И то и другое не дѣлаетъ насъ истинными христіанами.

Изъ догматической стороны союзъ взялъ для себя основнымъ принципомъ лишь вѣру въ божество Іисуса Христа.

Союзъ оперируетъ только въ средѣ учащихся.

— Христіанскій характеръ нужно вырабатывать въ молодости. Кого выпускаютъ наши высшія учебныя заведенія? Людей, по своимъ моральнымъ качествамъ мало подготовленныхъ для нормальной государственной жизни. Плохихъ гражданъ. За четыре года ихъ пребыванія въ университетѣ мы стараемся заинтересовать ихъ религіоз-

ными вопросами, пустить въ нихъ ростки евангельскаго христіанства, чтобы они унесли ихъ въ жизнь и развивали въ предѣлахъ той церкви, къ которой принадлежатъ.

Побужденія союза, несомнѣнно, чистыя и, во всякомъ случаѣ, не противорѣчащія истинному православію. И, однако, какъ странно складывается наша общественная жизнь—союзъ не завоевалъ симпатіи церкви.

Можно было бы думать, что наши «охранители» будутъ рады переносу центра заинтересованности учащейся молодежи изъ политической сферы въ религіозную. Студентъ христіанскаго союза не можетъ быть революціонеромъ. Свѣтскія власти такъ и взглянули на дѣло. Но «охранители» посмотрѣли съ «своей» точки зрѣнія. Когда генеральный секретарь союза Моттъ читалъ въ Москвѣ свои лекціи, столбцы «Московскихъ Вѣдомостей» были наполнены всевозможными обвиненіями по адресу союза.

Союзъ называли «масонскимъ ухищреніемъ». «Охранители» прямо говорили, что гг. Моттъ и бар. Николаи подъ видомъ религіозной проповѣди хотятъ подчинить Россію масонству.

Въ Москвѣ одно время предполагалось созвать общее собраніе христіанскаго студенческаго союза и собесѣдованіе кружковъ въ аудиторіи Политехническаго музея. Въ Петербургѣ такое собраніе было разрѣшено, въ Москвѣ же духовная консисторія наложила запрещеніе.

— Вѣдь мы же приносимъ пользу православной церкви, воспитывая истинныхъ христіанъ,—удивлялся баронъ Николаи нападкамъ на союзъ.

Та же исторія, что и съ «братцемъ Іоанномъ. Союзъ и братецъ имѣютъ то общее, что, не возставая противъ церкви, привлекаютъ къ себѣ народъ, минуя пастырей.

Поэтому братцамъ говорятъ:

— Вы уводите отъ насъ простой народъ, вы—вредные сектанты.

А союзу:

— Вы берете у насъ учащуюся молодежь, вы—масоны.

Мнѣ кажется, что и братцы и союзъ берутъ то, что плохо лежитъ. Уводятъ не отъ церкви, а отъ равнодушія, косной внѣшности и безбожія.

Въ нападкахъ кроется очевидное «недоразумѣніе».

Конечно это «недоразумѣніе» временное. Но сейчасъ оно дѣлаетъ то, что союзу трудно утвердиться въ Россіи. Въ Западной Европѣ и Америкѣ онъ существуетъ 30 лѣтъ. Имѣетъ около 150,000 членовъ. Въ Америкѣ 50% студентовъ—члены союза. Тамъ давно уже началось вліяніе ихъ на среднюю школу. Въ Германіи около 5,000 гимназистовъ и реалистовъ въ союзѣ. Въ Австріи много учителей гимназій, которые въ университетѣ были членами союза. Въ Англіи и Голландіи студенты—члены союза устраиваютъ съ гимназистами лѣтнія прогулки, во время которыхъ неустанно учатъ, проповѣдуютъ.

Россія еще даже не вошла въ союзъ. Студенческіе кружки еще не имѣютъ уставовъ.

— Сейчасъ самое неподходящее время для утвержденія нашего устава—говорили мнѣ члены союза.

Но движеніе зародилось. Въ Петербургѣ оно уже стоитъ твердо. Тамъ 8 кружковъ среди учащихся мужчинъ и 10 среди курсистокъ. Въ Москвѣ прочно основались кружки курсистокъ высшихъ курсовъ. Ихъ уже 10 по 8—10 человѣкъ въ каждомъ. Есть уже кружки и среди студентовъ—до 8.

Дѣло быстро развивается. Въ Московскомъ университетѣ «студенты-христіане» открыто выпускаютъ летучки. Имѣютъ свое бюро. Директоръ петербургскихъ высшихъ курсовъ очень сочувственно относится къ союзу. Въ помѣщеніи курсовъ есть особый столъ, на которомъ разложены для продажи изданія союза. Въ средѣ передового духовенства союзъ тоже находитъ откликъ. Одинъ петербургскій священникъ бываетъ въ студенческихъ кружкахъ и ведетъ бесѣды.

Въ кружкахъ читаютъ евангеліе и слушаютъ толкованіе его въ предѣлахъ практическаго примѣненія христіанства.

— А не уходятъ ли отъ васъ послѣ такихъ чтеній въ сектантство?—спросилъ я бар. Николаи.

— Были два случая. Но я объясняю ихъ тѣмъ, что эти два студента жили среди сектантовъ.

Вообще они этого не боятся и не допускаютъ возможности, чтобы отъ нихъ уходили въ раціоналистическія секты.

Адвентисты.

I.

«Адвентисты» значитъ «ожидающіе». Ожидающіе второго пришествія на землю Іисуса Христа. И православная церковь ждетъ этого пришествія. Но адвентисты ждутъ его въ опредѣленный моментъ, очень скоро.

— Въ 1932—33 году.

Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляетъ петербургскій адвентистъ полковникъ Ф. К. ванъ-Бейнингенъ. Къ такому выводу онъ пришелъ послѣ тщательнаго изученія текстовъ Библіи и Апокалипсиса.

Такъ-называемые «адвентисты седьмого дня» (субботники) говорятъ даже, что Христосъ придетъ ранѣе 1932 года.

— Какъ только наступитъ пришествіе,—учатъ они,—всѣ оставшіеся въ живыхъ люди будутъ временно переселены на какую-нибудь другую планету. Земля въ это время будетъ очищена огнемъ отъ нечистоты человѣческаго грѣха. Послѣ очищенія люди снова будутъ возвращены на землю. Тогда и наступитъ царство Божіе.

Бейнингенъ говорилъ объ этомъ моментѣ другими словами:

— Во время пришествія,—послѣ того, какъ будетъ скованъ Сатана,—воскреснутъ не всѣ мертвые, а только часть ихъ. Именно—лучшіе изъ мертвыхъ, а остальные не оживутъ до тѣхъ поръ, пока не окончится тысячелѣтнее цар-

ство Христа. Всѣхъ воскресшихъ съ нимъ будетъ, согласно Откровенія, 144.00 первенцевъ. Послѣ 1000 лѣтъ царствованія Христосъ передастъ царство свое Богу Отцу.

Бейнингенъ думаетъ, что пророческія книги Ветхаго Завѣта теперь ясны. Все, что предсказано пророками, теперь исполняется въ хронологическомъ порядкѣ.

Второму пришествію на землю Іисуса Христа будетъ предшествовать рядъ великихъ событій. Прежде всего въ 1912—13 годахъ будетъ возвращеніе евреевъ въ Палестину. Палестинская земля ими будетъ куплена за семь съ половиной милліоновъ. Указаніе на это будто бы есть у пророка Даніила.

Въ 1922—23 гг. послѣдуетъ гибель папства, а въ 1925—26 гг. построеніе сіонистами новаго храма въ Іерусалимѣ.

Изъ священныхъ книгъ извѣстно, что предъ пришествіемъ Спасителя надо ждать пришествія Антихриста.

— Антихристъ уже пришелъ,—говоритъ Бейнингенъ.

Антихристами онъ называетъ всѣхъ невѣрующихъ во Христа, всѣхъ лже-пророковъ, лже-Христовъ.

— Но самый главный Антихристъ папа Пій IX, теперь умершій. Онъ провозгласилъ догматъ о непогрѣшимости папы и совершилъ этимъ тягчайшій грѣхъ. Этотъ папа называется въ откровеніи «звѣремъ бездны».

Но всего этого мало. Бейнингенъ говоритъ, что въ книгахъ Ветхаго Завѣта предсказаны всѣ современныя событія. Въ пророчествахъ Исаіи говорится, что насъ постигнетъ наказаніе—неудачная война и внутренніе безпорядки. Не будетъ у насъ ни храбрыхъ воиновъ, ни судей, ни совѣтниковъ. Одинъ будетъ угнетать другого. Простой человѣкъ возстанетъ противъ вельможи.

— А вельможи,—по мнѣнію его,—это купцы, капиталъ.

Борьба съ вельможами это—стачки и вообще борьба рабочихъ противъ капитала.

У пророковъ предсказана даже Государственная Дума...

У адвентистовъ петербургскихъ, въ главѣ которыхъ стоитъ Бейнингенъ, нѣтъ опредѣленнаго общиннаго устройства. Они не зовутъ мѣнять свою религію.

— Оставайтесь въ своихъ религіяхъ,—говорятъ они.— Если мы будемъ переходить изъ темной комнаты въ темную же, то такъ и останемся въ потемкахъ. Когда намъ нужно что-нибудь отыскать въ темнотѣ, мы беремъ свѣтильникъ. Въ каждой религіи и въ каждомъ христіанскомъ вѣроисповѣданіи есть свои недочеты, свои потемки. Нуженъ свѣтильникъ.

Этотъ свѣтильникъ:

— Пророческое слово.

Московскіе «адвентисты седьмого дня» не признаютъ обрядности и уклоняются отъ церковныхъ требъ и богослуженій. Не пьютъ вина, не курятъ табаку, а нѣкоторые избѣгаютъ даже пить «китайскій чай», напоминая этимъ ревнителей «древляго благочестія»...

Они отрицаютъ душу человѣка въ пониманіи ея православной церковью. По ихъ мнѣнію, душа есть только смыслъ жизни и никакимъ наказаніямъ подвергнуться въ аду не можетъ. Послѣ смерти человѣкъ не умираетъ, а засыпаетъ до второго пришествія.

II.

Адвентистскія общины въ Россіи легализованы. Въ Петербургѣ одно время на дверяхъ зала собраній адвентистовъ висѣло такое объявленіе:

«По распоряженію г. градоначальника, послѣдовавшему вслѣдствіе требованія Св. Синода, устройство бесѣдъ о второмъ пришествіи воспрещено, о чемъ, прощаясь съ гг. слушателями, объявляю. Ф. Бейнингенъ».

Но потомъ адвентистамъ было разрѣшено собираться слушать проповѣдь полковника Бейнингена. Говорятъ, что его аудиторія тамъ была всегда полна. Но въ Москвѣ, когда онъ пріѣзжалъ сюда для объясненія пророчествъ, его слушатели насчитывались единицами. Я слышалъ его и думаю, что объясненіе пустой залы нужно искать въ его монотонной, очень скучной импровизаціи.

Московскіе адвентисты собираются открыто. Ихъ залъ

тоже не всегда бываетъ полонъ. Зимой 1909 года у нихъ былъ даже съѣздъ «адвентистовъ седьмого дня средне-россійскаго поля». Пріѣхало, между прочимъ, нѣсколько человѣкъ крестьянъ, живущихъ около Кіева.

Въ роли проповѣдниковъ выступали нѣмцы, говорившіе на ломаномъ русскомъ языкѣ. Это одно уже не можетъ привлечь къ себѣ массу русскаго простого народа. Ломаность языка доходитъ иногда до того, что теряется смыслъ выраженій. Нѣкоторые изъ делегатовъ на съѣздѣ были также нѣмцы и говорили по-нѣмецки черезъ переводчиковъ.

Я остановлюсь на одномъ собраніи съѣзда. Началось оно пѣснопѣніями. Подъ аккомпанементъ фисъ-гармоніи всѣ пѣли духовныя пѣсни изъ книги «Гусли». Въ этой книгѣ собраны религіозныя стихотворенія Державина, Пушкина, Хомякова, А. Плещеева, Полонскаго, Никитина, Жемчужникова, Мережковскаго. Среди нихъ много анонимныхъ.

Затѣмъ послѣдовалъ краткій отчетъ. Въ Европѣ сейчасъ 18,000 адвентистовъ. Очень много ихъ въ Америкѣ. Въ Россіи ихъ, видимо, не много, но за послѣдній годъ прибыло 800 человѣкъ. Затѣмъ послѣдовало предложеніе построить свою школу и лѣчебницу,—непремѣнно вдали отъ города, чтобы дѣти могли работать въ саду и полѣ и поддерживать своимъ заработкомъ школу. При школѣ должно быть 40—50 десятинъ земли.

Но денегъ нѣтъ.

Американскіе «братья» шлютъ 15 тыс. руб. Нужно собрать столько же среди русскихъ «братьевъ».

Вслѣдъ за этимъ три «брата» стали обходить съ подписными листами ряды и просить денегъ: наличными или обѣщать выплачивать въ продолженіе года.

А «братъ» Бекеръ говорилъ:

— На Волгѣ мнѣ давали даже золотыми кольцами...

И показалъ два кольца.

Я обратился къ сосѣду:

— Да зачѣмъ вамъ школы и санаторіи, когда того-гляди настанетъ второе пришествіе?

— На всякій случай... Можетъ-быть, пришествіе состоится не сразу, и намъ еще лѣтъ 100 потребуется имѣть своихъ ученыхъ проповѣдниковъ...

Когда мы выходили изъ залы, какой-то человѣкъ роздалъ намъ по брошюркѣ съ заглавіемъ: «Отъ Бога ли?»

Начинается брошюра такъ:

«Твердо стояла Русь Святая около тысячи лѣтъ въ своей вѣрѣ христіанской, православной. Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все больше падаетъ вѣра, оскудѣваетъ любовь и распространяется нечестіе. Появилось множество самыхъ различныхъ вѣръ, противныхъ другъ дружкѣ, но согласныхъ между собою лишь въ ожесточенной враждѣ къ Церкви Божіей»...

Это отвѣтъ православной миссіи на проповѣдь адвентизма.

«Откуда такая страшная богохульная вѣра!»—восклицаетъ авторъ брошюрки.

И отвѣчаетъ: «Эта вѣра не апостольская, не Христова. Появилась она почти на нашихъ глазахъ. Въ 1833 году американецъ Вильямъ Миллеръ выдумалъ эту вѣру, повелѣлъ праздновать субботу вмѣсто воскресенья, точно для него и Господь не воскресалъ, и началъ увѣрять всѣхъ въ скоромъ концѣ міра. Онъ назначилъ пришествіе Господне на 22 октября 1844 года и увѣрялъ, будто, по его вычисленіямъ, о которыхъ и теперь еще говорятъ адвентисты, Судія Праведный придетъ именно въ этотъ день. Всѣ ученики Миллера по приказу его собрались на гору и ждали облаковъ, на которыхъ собирались встрѣтить Господа, но, несмотря на продолжительное ожиданіе, ни облака не были доставлены, ни Господь не пришелъ и пришлось вернуться домой».

Мнѣ кажется, что «вѣра» эта совсѣмъ «не страшная»... Среди русскихъ она туго прививается, хотя мистическій характеръ ея можетъ-быть и отвѣчаетъ заложеннымъ въ душѣ русскаго человѣка мистическимъ настроеніямъ. Но... она выросла не на русской почвѣ, распространяется нерусскими людьми и едвали поэтому будетъ имѣть много послѣдователей.

Сіонянка.

Живетъ въ Москвѣ человѣкъ, который ждалъ кометы 6 мая 1910 г.:

— Съ сладостью сердечной.

Это Анна Дмитріевна Рычкова-Зацѣпина.

— Я жду Христа на землю,—говорила она мнѣ накапунѣ.—Онъ придетъ скоро—не позднѣе 1933 года, но, можетъ-быть, и раньше. Я сижу и думаю, не придетъ ли онъ 6 мая?

— Что же будетъ тогда?

— Настанетъ хорошее время. Наступитъ тысячелѣтнее царство Христа. Все грѣховное исчезнетъ, останутся правда и миръ. И какъ странно, и какъ сладостно думать, что, можетъ-быть, завтра, утромъ, все лицо нашей земли измѣнится до неузнаваемости. Исчезнутъ эта сутолока, суета, трамваи, аэропланы, автомобили... Ибо придетъ на землю Христосъ.

— На чемъ же вы строите вашу вѣру въ близость второго пришествія?

— Только на Библіи. Я читаю ее на пяти европейскихъ языкахъ, и она говоритъ мнѣ ясно, что всѣ пророческія предсказанія исполнились, а отъ Апокалипсиса осталось неисполненной только одна страничка. Скоро, скоро...

Анна Дмитріевна—типичная русская дворянка-помѣщица. Родная сестра чеховской Раневской и ея «Вишневые сады» также были вырублены Лопахинымъ. Тамъ, гдѣ-то въ далекой глуши Бугульминскаго уѣзда, осталось еще что-то... Но этого «чего-то» не хватаетъ даже на изданіе религіозныхъ брошюръ.

И мнѣ ясно представляется, какъ все это произошло. Сначала она выѣхала изъ родного «дворянскаго гнѣзда». Можно ли тамъ жить, когда день и ночь стучитъ этотъ ужасный топоръ Лопахина? Пріѣхала въ столицу. Задала себѣ вопросъ: какъ это случилось? Поняла, что сама виновата, хозяйство плохо вела. И вотъ первое движеніе—помочь если не себѣ, то другимъ.

Въ спискѣ изданныхъ А. Д. Зацѣпиной книгъ я замѣтилъ брошюру съ такимъ заглавіемъ: «Практическія указанія къ веденію сельскохозяйственныхъ книгъ и отчетовъ по двойному счетоводству А. Д. Зацѣпиной».

— Можетъ-быть, кому-нибудь пригодится и остановитъ нашествіе «чумазаго»?

Но лопахинскій топоръ стучалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, знать Божья воля. Потеряннаго не вернешь. Тѣмъ болѣе, что счастье жизни не въ матеріальномъ довольствѣ, а въ приближеніи къ Богу и удаленіи отъ сатаны. Это даже хорошо, что насъ освободили отъ суеты жизни... Не о процентахъ въ дворянскій банкъ надо заботиться, а о томъ, чтобы заплатить Христу по векселю.

Анна Дмитріевна вяжетъ коричневую косынку и сидитъ на простомъ вѣнскомъ креслѣ. Но подъ ней подушечка, а на подушечкѣ надпись по-еврейски.

— Что это значитъ, Анна Дмитріевна?—спрашиваю.

Улыбается.

— Тутъ написано страшное слово «шатэнъ», что значитъ «сатана», «дьяволъ».

— Зачѣмъ это вы?

— Я сижу на сатанѣ, я побѣдила въ себѣ дьявола...

Она умна и понимаетъ, что надъ этимъ можно смѣяться.

— Смѣйтесь, и я съ вами посмѣюсь, это меня нисколько не оскорбляетъ,—ласково улыбается она.

Мы добродушно смѣемся.

— А вотъ мои любимыя стѣны...

Становилось темно. Она зажгла лампу, и я увидалъ, что всѣ стѣны ея маленькой квартирки украшены массой вырѣзокъ изъ газетъ и газетными и журнальными портретами разныхъ дѣятелей. Кого и чего тутъ только нѣтъ? Императоръ Николай I, Григорій Петровъ, голова св. апостола Андрея, Іоаннъ Кронштадтскій, «Шантеклеръ» на головѣ силуэта дамы, Левъ Толстой, святой Іоасафъ, Петръ I, изреченіе «куреніе отвратительно», масса религіозныхъ фельетоновъ изъ газетъ, заповѣди Моисея, обезьяна Дар-

вина, евангельскія картины. Но надъ всѣмъ этимъ явно доминируетъ портретъ американца мистера Дауви.

— Это мой учитель,—говорила Анна Дмитріевна.— Я вѣрю, что онъ и есть тотъ пророкъ Илія, который, согласно предсказанію пророковъ, долженъ явиться среди людей предъ пришествіемъ Христа.

Онъ основалъ «христіанскую вселенную церковь въ Сіонѣ». Около Чикаго онъ устроилъ «городъ праведниковъ»—«Зеонъ-Сити». Раздѣлилъ на участки землю и отдавалъ ее въ аренду тѣмъ, кто принималъ его ученіе. Изъ таинствъ онъ признавалъ крещеніе и покаяніе; обязывалъ исполнять 10 заповѣдей, изучать священное писаніе, не курить табаку, не пить водки, не ѣсть свинины и не принимать никакихъ лѣкарствъ...

— Какъ же можно не принимать никакихъ лѣкарствъ?— спрашиваю.

— Болѣзнь есть грѣхъ. Мистеръ Дауви имѣлъ даръ исцѣленія. Когда кто-либо изъ праведниковъ заболѣвалъ, онъ съ своими священниками молился, и больной выздоравливалъ. О, сила вѣры—огромная сила! Даже когда я съ дѣтьми молилась и то Господь подавалъ здоровье болящимъ.

Въ «Зеонъ-Сити» уже 7 тысячъ жителей, свой мэръ, своя почта, банкъ. Всѣ живутъ коммуной, всѣ непремѣнно работаютъ. Старость у всѣхъ обезпечена.

Мистеръ Дауви умеръ недавно. Съ нимъ случилось несчастье: онъ взялъ деньги изъ банка, чтобы купить землю подъ новый городъ праведниковъ въ Мексикѣ. Но, когда онъ былъ въ Мексикѣ, нѣкій праведникъ Волива сказалъ жителямъ, что Дауви скрылся съ деньгами. Воливу выбрали на мѣсто Дауви. Дауви пріѣхалъ и объяснилъ, что на него наклеветали. Все это на него такъ подѣйствовало, что онъ отъ огорченія умеръ. Главой праведниковъ остался Волива.

— Вы знаете,—разсказывала Анна Дмитріевна,—въ «Зеонъ-Сити» уже рождаются дѣти съ совершенно новой нравственной организаціей...

Анна Дмитріевна—сіонистка. Приняла крещеніе въ Цюрихѣ, гдѣ есть отдѣленіе Сіона.

Я смотрѣлъ на это пріятное, еще не старое лицо русской женщины-помѣщицы, и въ головѣ моей рисовались другія картины. Даувп... Волива... не ѣсть свинины... Какъ это все не подходитъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ.

И мнѣ почему-то хочется представить ее въ ея родной обстановкѣ. Деревня, помѣщичій домъ. Хорошее, отеческое отношеніе къ мужикамъ.

— Мой отецъ былъ извѣстный дѣятель по освобожденію крестьянъ,—вспоманаю я слова А. Д.

Темная, пасхальная ночь. Она спѣшитъ къ заутрени. Безпокоится:

— Не опоздать бы!

— Что вы, матушка-барыня, — суетится около нея горничная,—да отецъ Степанъ безъ васъ не начнетъ...

У подъѣзда шарабанъ. Она съ мужемъ и дѣтьми. На сердцѣ чисто, радостно. Церковь уже полна. Имъ даютъ мѣсто около лѣваго клироса. И когда старый отецъ Степанъ благословляетъ трикиріемъ, и говоритъ «Христосъ Воскресъ», ей и всѣмъ другимъ кажется, что онъ благословляетъ «господъ» какъ бы отдѣльно отъ всѣхъ.

Затѣмъ длинный, весь уставленный яствами и питіями столъ. Христосованіе съ прислугой, мужемъ, дѣтьми, потомъ, съ мужиками. Послѣ всего уютная спальня — укромный уголокъ Анны Дмитріевны, гдѣ въ углу на бѣломъ, какъ снѣгъ, полотенцѣ съ росписными концами стоитъ ея любимый образъ Казанской Божьей Матери, предъ которымъ зажжена лампадка.

— Привелъ Господь,—шепчетъ она и крестится.

Потомъ вспоминаетъ, что нынѣ на праздникъ не пріѣхалъ ея Володя изъ Москвы. Разлились рѣки, проѣхать было нельзя.

— Дай ему Богъ...

Мать становится на колѣни предъ образомъ и со слезами на глазахъ молится своей «Заступницѣ».

И хочется мнѣ задать «сіонянкѣ» совсѣмъ, совсѣмъ глупый вопросъ:

— А въ православный храмъ вы не заходите?

Я собираюсь съ духомъ и выпаливаю.

Но вдругъ слышу:

— Захожу... Я офиціально числюсь православной, но обрядовъ и таинствъ не исполняю.

— Знаете, православіе для меня старая, слѣпая няня, которая меня выняньчила, и которую я поэтому не могу обижать. Притомъ же съ храмомъ у меня, какъ у каждаго русскаго, связано столько хорошихъ, теплыхъ воспоминаній... Я до сихъ поръ люблю старенькую церковь, старенькаго священника... Слезы вызываетъ во мнѣ эта картина...

— Но,—говоритъ она чрезъ минуту,—только наше поколѣніе чувствуетъ прелесть стараго уклада. Наши дѣти уже чужды ему. Вѣдь и церкви вездѣ новыя, большія, и священники холодные, равнодушные...

Какъ живая передо мной стала фигура о. Савелія Туберозова изъ лѣсковскихъ «Соборянъ». Онъ говорилъ:

«Живите, государи мои, люди русскіе, въ ладу съ своей старой сказкой. Чудная вещь—старая сказка! Горе тому, у кого ея не будетъ подъ старость. Для васъ вотъ эти прутики старушекъ ударяютъ монотонно, но для меня съ нихъ каплетъ сладкихъ сказаній источникъ!.. О, какъ бы я желалъ умереть въ мирѣ съ моей старой сказкой!»

— Жалко, что умираетъ старое чувство,—говорю я Аннѣ Дмитріевнѣ.

Она подумала.

— Нѣтъ. Грядущее будетъ красивѣе... Несравненно красивѣе. И какъ скоро оно наступитъ! Подумайте, можетъ-быть завтра?

Она мечтательно улыбалась.

— Скажите, какъ вы дошли до исповѣданія сіонской церкви?—спросилъ я.

— Случайно. Одна знакомая дама, американка, дала мнѣ почитать американскій журналъ. Я имъ заинтересовалась.

Мистическій налетъ русскаго религіознаго чувства оказался родственнымъ американской мистикѣ.

Мы начали говорить объ ея брошюрахъ. Оказывается, русская помѣщица Зацѣпина — гонимая. Изъ 12 ея брошюръ пять были конфискованы. За одну брошюру она привлечена къ суду.

Она оживилась, когда передавала мнѣ о своихъ злоключеніяхъ. Тоже что-то родное, русское...

— Обязали подпиской о невыѣздѣ. Судя по газетамъ, былъ судъ, но меня на него не вызывали. Оправдали, но выѣзжать изъ Москвы не позволяютъ.

— У васъ, можетъ-быть, масса послѣдователей въ провинціи? Вы тревожите русскихъ іерарховъ?

— Ничего подобнаго. Я единственная сіонянка въ Россіи.

— За что же васъ отдали подъ судъ?

— За семь строчекъ.

Читаю эти строки. Въ нихъ Дауви говоритъ о «римскихъ католикахъ», и объ ихъ вѣрѣ въ таинство причащенія..,

— Это «недоразумѣніе»,—говорю я.

— Мы проповѣдуемъ Христа живого,—объясняетъ Анна Дмитріевна,—а господствующая церковь—Христа распятаго. Христосъ живетъ среди насъ. Какъ же я могу вспоминать его страданія? Вѣдь это все равно, что, желая угодить любимому человѣку, я бы стала воспѣвать несчастье, случившееся съ нимъ. Нашъ Христосъ воскресшій, живой, радостный и радующій всѣхъ.

— Но вы какъ-будто не замѣчаете зла на землѣ?

— Замѣчаю. Зло есть дѣло не Бога, а сатаны. Богъ не можетъ попустить зло. Онъ заставляетъ людей бороться съ нимъ. На нашей землѣ есть религія сатаны, это—масонство.

И она долго разсказывала о масонахъ.

Поздно вечеромъ я уходилъ отъ Анны Дмитріевны съ легкимъ, пріятнымъ впечатлѣніемъ.

— И такъ, шестого,—говорю я ей,—эта суетная жизнь умретъ?

— Можетъ-быть,—улыбалась она,—я страстно жду. До свиданія—въ царствѣ Христовомъ...

Но 6-го ничего не случилось.

— Господу угодно отложить конецъ міра сего,—сказала бы А. Д.

Старообрядцы.

Поповцы.

Въ широкихъ кругахъ принято думать, что старообрядчество до сихъ поръ еще тотъ дѣвственный лѣсъ, котораго не трогалъ топоръ культуры. Все тамъ мертво, окостенѣло, замерзло на времени патріарха Никона и не пропускаетъ къ себѣ лучей современности и прогресса. Съ этимъ взглядомъ пора уже разстаться. Старообрядчество, признающее Австрійскую іерархію, живетъ новою жизнью. Конечно оно далеко не все вышло изъ узости мертваго обрядовѣрія. Совсѣмъ недавно, напримѣръ, въ с. Городцѣ около Нижняго-Новгорода совѣтъ общины издалъ воззваніе «о брадобритіи и постриженіи брады». Члены совѣта протестуютъ противъ бритья и стрижки бородъ, считая это «пагубнымъ зломъ», которое должно непремѣнно ввергнуть великаго грѣшника—брадобрейцу «въ геенну огненную». Они ссылались въ своемъ воззваніи на стоглавъ и служебникъ, гдѣ говорится:

— «Проклинаю богоненавидимую блудолюбнаго образа прелесть, душегубительныя помраченныя ереси, еже остругати браду, ей же бысть, начальникъ беззаконный Петръ Гугнивый—римскій папа».

— «Аще кто браду бреетъ и умретъ—тако недостоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просфоры, ни свѣщи по немъ въ церкви приносити; съ невѣрными да причтется, отъ еретикъ бо се навыкома».

Но такихъ «пережитковъ» стараго времени, какъ члены совѣта с. Городца, мало. Они во всякомъ случаѣ не даютъ уже тона старообрядческой жизни. Въ поповскомъ согласіи отслоилась за послѣдніе годы интеллигенція, которая играетъ роль дрождей, поднимающихъ тѣсто. Всему старому, заскорузлому противопоставлена сильная оппозиція. Послѣдніе два—три года были сплошной борьбой этой передовой оппозиціи, съ одной стороны, съ «капиталомъ», который въ старообрядчествѣ занимаетъ господствующую, властвующую роль, и, съ другой,—съ реакціонными, отсталыми попытками вернуть жизнь въ прежнее русло. Борьба эта далеко еще не прекратилась, она только началась. Въ этой борьбѣ за право просвѣщенія и свободы и заключается яркое церковно-религіозное настроеніе старообрядчества Бѣлокриницкой іерархіи. Въ группѣ передовой интеллигенціи я замѣчаю и признаки новыхъ религіозныхъ «искапій». Это явленіе не окристаллизовалось, но оно чувствуется. Просвѣщенный передовой отрядъ старообрядчества идетъ сейчасъ въ то широкое, безконечное пространство, которое пока условно можно назвать раціонализмомъ религіозной мысли. Такой наклонъ въ старообрядчествѣ еще мало выраженъ, но онъ проченъ. А передовой отрядъ съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ просвѣщенія и подъ грохотъ барабана запрещеній, поведетъ туда за собой и массу...

II.

Крупную роль въ прогрессивномъ движеніи старообрядчества сыгралъ еп. Михаилъ. Я уже отмѣчалъ, что онъ—создатель религіозной системы «свободнаго христіанства». Казалось бы, что въ старообрядчествѣ ему дѣлать нечего. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ старообрядческимъ епископамъ онъ обѣщалъ «показать людямъ, потерявшимъ вѣру въ мощь христіанства, *подлиннаго Христа*». Старообрядчество же въ своей массѣ является системой установившагося «споконъ вѣка» обрядовѣрія, которое, какъ

всегда. «знаетъ «подлиннаго Христа» и не станетъ слушать еп. Михаила, если бы онъ вздумалъ имъ показывать «своего» Христа. И все-таки у еп. Михаила создалось тяготѣніе къ старообрядчеству. Конечно, цѣли его были только идейныя. Въ бесѣдѣ съ однимъ петербургскимъ журналистомъ онъ высказался, что отъ старообрядчества, главнымъ образомъ, ему было нужно епископство. Онъ передавалъ, что образовалось общество людей, желавшихъ создать расколъ въ церкви. Эти люди хотѣли образовать свою особую церковь, въ которой хотѣли сплотить всѣхъ православныхъ, стоявшихъ внѣ господствующей церкви. Для этой цѣли имъ нуженъ былъ епископъ. Попутно въ старообрядчествѣ можно было привлечь къ новой церкви наиболѣе свободныхъ отъ предразсудковъ старообрядцевъ. Выборъ палъ на еп. Михаила, и онъ, подчинившись ему, перешелъ въ старообрядчество и сталъ епископомъ. Въ печати я не видѣлъ опроверженія бесѣды въ этой части, а знаю, что еп. Михаилъ не оставилъ бы безъ опроверженія такое серьезное дѣло, если бы бесѣда была не вѣрна.

Еп. Михаилъ о старообрядчествѣ до сихъ поръ самаго лучшаго мнѣнія, хотя онъ убѣдился, что моста между его христіанствомъ и старообрядчествомъ нѣтъ.

— Какъ бы враждебно ко мнѣ ни относилось старообрядчество,—говорилъ онъ въ бесѣдѣ со мной,—если бы даже анаѳематствовало и объявило ересіархомъ, то и тогда я буду заявлять, что оно выше господствующей церкви по чистотѣ храненія старыхъ формъ православія.

— Я останусь въ любви съ народомъ старообрядческимъ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ епископамъ,—если даже онъ откажется отъ меня. Буду вѣрить и въ старообрядчество и въ его силу... Я увѣренъ въ будущей силѣ старообрядчества, какъ исповѣданія, которое, храня свято церковную свободу и вѣрное основамъ церкви истинно-христіанской, раскроетъ міру подлинное ученіе Христа.

Что искало въ еп. Михаилѣ старообрядчество? Несомнѣнно, онъ былъ для него не безразличенъ. Передо-

вая часть поповцевъ видѣла въ немъ умнаго, образованнаго и талантливаго пастыря.

— У насъ мало людей образованныхъ,—съ горечью признаются они.

Передовымъ старообрядцамъ онъ могъ оказать огромную помощь въ предпринятомъ ими дѣлѣ освобожденія старообрядчества отъ путъ невѣжества, узости и косности. Такъ на него смотрѣлъ и еп. Иннокентій, принявшій его въ старообрядчество. Еп. Иннокентій самъ передовой человѣкъ. То же качество онъ цѣнилъ и въ еп. Михаилѣ. Какъ разъ къ этому времени обнаружилось, что въ Америкѣ 63 прихода славянъ выразили желаніе перейти въ старообрядчество. Для просвѣщенія ихъ и былъ нуженъ такой человѣкъ, какъ еп. Михаилъ. Но властные представители старообрядческаго золота вмѣстѣ съ церковными іерархами, на которыхъ обыкновенно всегда давили эти представители,—могли быть противъ еп. Михаила. Политика представителей золота и старообрядческихъ іерарховъ устанавливается «Петербургомъ», а въ Петербургѣ, какъ извѣстно, очень не любятъ еп. Михаила. Все это заставило еп. Иннокентія принять въ старообрядчество и посвятить архимандрита Михаила въ епископы тайно, безъ широкой огласки. Но тайна открылась, и началась ожесточенная борьба передовой части старообрядчества, вступившiся за еп. Михаила, съ противной стороной. Два года уже тянется эта борьба. Она усложнилась, тѣсно сплелась съ общей оппозиціей старому отжившему режиму. И нужно сказать, что девизъ: «епископъ Михаилъ» далъ полную побѣду старообрядческой интеллигенціи. Былъ вовлеченъ въ борьбу народъ. За эти годы онъ, не видя и не зная еп. Михаила, успѣлъ научиться его уважать, любить и стоять за него горой. Доходило въ этомъ отношеніи до курьезовъ: брошюры еп. Михаила, разсчитанныя на интеллигентнаго читателя, раскупались и прочитывались въ самой темной глуши темными старообрядцами. Брошюръ не понимали, но читали. Словомъ, еп. Михаилъ, если бы захотѣлъ, могъ создать себѣ огромную популярность въ старообрядчествѣ, стать во

главѣ его просвѣтительнаго движенія и сдѣлать очень много въ этомъ направленіи. Мнѣ всегда казалось, что это дѣло было бы во много разъ полезнѣе всѣхъ попытокъ епископа создать сейчасъ «соціальное христіанство». Я говорю: попытокъ, такъ какъ до сихъ поръ мы не видимъ практическаго осуществленія его теоріи новаго «христіанства» и нѣтъ данныхъ вѣрить въ практическую осуществимость ея.

Епископъ Михаилъ не захотѣлъ или не сумѣлъ понять это настроеніе старообрядчества. Всѣ два года, которые провела въ борьбѣ за него интеллигенція, онъ не сдѣлалъ ни одного шага «навстрѣчу интеллигенціи и народа.» Всѣ его письма и бесѣды всегда носили отпечатокъ усталости и утомленія отъ борьбы... Послѣ собора 1909 года онъ говорилъ въ бесѣдѣ со мной:

— Дѣятельность моя въ старообрядчествѣ невозможна. Я постараюсь отъединиться...

Впрочемъ, «отъединеніе» онъ понималъ не въ смыслѣ демонстративнаго выхода изъ старообрядчества.

— Я и изъ господствующей церкви не уходилъ,—меня запретили,—говорилъ онъ.—Если старообрядчеству я буду полезенъ въ тѣхъ формахъ, какія для меня доступны, оно останется со мной и я съ нимъ, если же нѣтъ, то пусть оно и предпринимаетъ противъ меня какія угодно мѣры...

Потомъ онъ очень просилъ объявить его «еретикомъ». Далѣе, не поѣхалъ въ Канаду, зная, что будетъ за это запрещенъ или даже отлученъ... Наконецъ, собору епископовъ 1910 года онъ прислалъ письмо, гдѣ прямо говоритъ:

— Еще долго запуганная и затравленная старообрядческая церковь будетъ бояться даже «мученикамъ своимъ» (св. Аввакуму и св. Ѳеодосіи) молиться, какъ должно, по чину церковному. И гдѣ же мнѣ, пришельцу, устоять съ своей правдой противъ хранителей мрака, когда съ ними не могъ бороться и «свой» подвижникъ, чуть не полстолѣтія подвизавшійся подвигомъ мученическимъ на благо старообрядчества и раздавленный «буквой» и рабами буквы. Говорю о почившемъ епископѣ Арсеніи.

Несомнѣнно, еп. Михаилу было всегда чуждо состояніе пульса старообрядчества. Этимъ и объясняется, что онъ всегда говоритъ только о себѣ и никогда о старообрядцахъ, которые повѣрили въ него и сдѣлали его своимъ героемъ въ борьбѣ съ капиталомъ и отсталой іерархіей...

Бѣглопоповцы.

Это религіозные мученики. Всѣмъ старообрядцамъ жилось въ свое время не легко, но бѣглопоповцамъ въ особенности. Раздѣляя общую участь гонимыхъ они страдали и отъ того, что, не признавая австрійскаго священства, но считая необходимымъ для спасенія души имѣть священниковъ, принуждены принимать къ себѣ бѣглыхъ изъ православія поповъ. Конечно, къ нимъ переходили лица, о нравственныхъ качествахъ которыхъ не приходилось много разсуждать. Нѣкоторые, говорятъ, были и не священники, но называли себя ими...

И вотъ всю свою жизнь безпоповцы мечтаютъ о «своемъ» греческомъ или русско-православномъ епископѣ, какъ источникѣ священства. Мечтаютъ и ищутъ такъ, какъ когда-то люди искали «праведной земли», «праведнаго города». Конечно, это не высшее «исканіе Бога» въ душѣ. Но по своей страстности, чистотѣ и страданіямъ это исканіе епископа, какъ условія спасенія души, привлекательно. Мнѣ вспоминается трогательный историческій фактъ одного исканія.

Въ 1848 году настоятель Куреневскаго старообрядческаго монастыря инокъ Ираклій на допросѣ разсказалъ о своемъ путешествіи на Востокъ.

Кто-то увѣрилъ его, что на Востокѣ есть епископы, исповѣдующіе древнее православіе.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ иноку Игнатію,—отыщемъ этихъ епископовъ, падемъ въ ноги и упросимъ взять старообрядцевъ подъ свое руководство.

Времена тогда были тяжелыя. За принадлежность къ

старообрядчеству строго наказывали. Ираклій и Игнатій въ тайнѣ обдумали планъ своего путешествія. Пошли. Перешли черезъ границу и добрались до некрасовскихъ селеній. Здѣсь они встрѣтили другихъ иноковъ, пріѣхавшихъ изъ Молдавіи и тоже искавшихъ епископовъ. Соединились. Всѣхъ ихъ оказалось 16 человѣкъ.

Черезъ Константинополь добрались они до Майносъ, гдѣ въ пяти станицахъ проживали некрасовцы. Спросили ихъ:

— Есть ли тутъ епископы, исповѣдующіе нашу вѣру?

— Нѣтъ,—отвѣчали некрасовцы.—Мы тоже искали ихъ, но не нашли.

Но старцы не повѣрили:

— Плохо искали, съ молитвой надо и умиленной душой искать.

Они направились въ Саидъ. Тамъ жили четыре инока, изъ нихъ одинъ русскій—отецъ Симеонъ. Иноки тоже сказали имъ:

— Нѣтъ въ этой мѣстности епископовъ. Мы тоже искали, но не нашли. Искали по всему Нилу, вплоть до Эѳіопіи.

Тогда старцевъ взяло сомнѣніе:

— Налгали намъ.

Но все-таки надежда найти епископовъ таилась въ нихъ. Они вернулись въ Константинополь, а оттуда направились въ Персію:

— Нѣтъ ли тамъ епископовъ?

Имъ сказали, что на рѣкѣ Багдадѣ живутъ русскіе. Но около Трапезунда они встрѣтили іерусалимскаго монаха. Онъ разсказалъ, что былъ въ Багдадѣ, но древне-православныхъ епископовъ тамъ не видалъ.

Тогда старцы вернулись въ Константинополь. Но вернулись только четверо. Двѣнадцать ихъ товарищей по «Божьему дѣлу» умерли дорогой.

Ираклій, вернувшись въ Россію, попалъ подъ судъ. Правительство въ попыткахъ старообрядцевъ имѣть своего епископа видѣло тогда государственное преступленіе.

Ищутъ теперь епископа безпоповцы. Просятъ они у Синода каѳедральнаго епископа. Конечно, имъ такого епископа не дадутъ. Дадутъ викарнаго. Но бѣглопоповцы говорятъ:

— Съ викарнымъ архіереемъ мы будемъ единовѣрцами.

А этого они не хотятъ.

Приходится, значитъ, искать своего епископа. Но гдѣ? И опять, какъ 70 лѣтъ тому назадъ, взоры старообрядцевъ обратились на славянскій Востокъ.

— Тамъ епископъ.

И опять, какъ 70 лѣтъ тому назадъ, пойдутъ или поѣдутъ на «невѣдомый» Востокъ «Божьи странники»—бородатые, съ иконописнымъ ликомъ, люди—и будутъ спрашивать въ славянскихъ земляхъ:

— Нѣтъ ли тутъ епископовъ, которые согласились бы служить по нашему служебнику?

Сколько усилій, борьбы, страданій! И все потому, что не входитъ въ сознаніе русскаго человѣка основное евангельское правило:

— Царство Божіе внутри насъ.

Все еще русскій человѣкъ ищетъ «праведную землю», гдѣ бы епископы служили по древнему чину, считая, что безъ «древняго чина» нѣтъ «правильной жизни».

На послѣднемъ соборѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ особенно ярко было подчеркнута необходимость отыскать епископа. Н. А. Бугровъ, который сплачиваетъ теперь своихъ единовѣрцевъ, уже старъ. Но епископа найти трудно. Весь послѣдній годъ искали, но не нашли. Православные епископы, вполнѣ понятно, не идутъ. Но будто бы одинъ согласился. Кто—это держатъ въ тайнѣ. Съ нимъ идутъ переговоры. Должно быть, дѣло въ суммѣ содержанія. Опредѣлили на содержаніе архіерейскаго двора 20 тыс. рублей и особо на пріемъ епископа 7 тысячъ.

— Деньги будутъ,—сказалъ Н. А. Бугровъ по поводу этихъ расходовъ.

Мнѣ кажется, что изъ идейныхъ побужденій ни одинъ православный епископъ не перейдетъ къ бѣглопоповцамъ.

А если все дѣло въ деньгахъ, то и цѣна такому епископу нуль. На немъ не будетъ «благодати Божіей». Но бѣглопоповцы понимаютъ дѣло формально—нуженъ епископъ, а будетъ ли онъ обычный стяжатель или нѣтъ—въ это они пока не входятъ.

Съ епископомъ и бѣглопоповщина потеряетъ свой привлекательный видъ. Искать будетъ уже нечего, все успокоится и замретъ въ скучномъ, однообразномъ и угнетающемъ духъ обрядовѣріи.

Безпоповцы.

Я зналъ на Преображенскомъ кладбищѣ одного сторожа. Хотя онъ состоялъ въ ѳедосѣевскомъ согласіи, но въ своемъ ученіи «не упорствовалъ» такъ, какъ отцы ѳедосѣевцы. Онъ прислушивался ко всему и, конечно, не могъ не обратить вниманія на собесѣдованія миссіонеровъ съ сектантами, происходящія «на лужкѣ» около кладбища на дворѣ единовѣрческаго монастыря. Вникалъ въ ихъ пренія, познакомился съ сектантами и въ концѣ концовъ уѣхалъ въ Самарскую губернію крестьянствовать. Но предъ отъѣздомъ говорилъ:

— Я, слава Богу, нашелъ истинный путь... Но ихъ-то, братій-то мнѣ жалко. Какъ живутъ! Господи, какъ живутъ! Въ какой темнотѣ! Какъ бы ихъ на путь истинный навести—одного желаю...

Онъ страдалъ за своихъ братьевъ ѳедосѣевцевъ, но ничего сдѣлать не могъ. Темнота безпоповцевъ, дѣйствительно, поражающая. Эту массу еще очень мало тронуло время. Правда, старики вамъ разскажутъ о безбожіи молодежи. Но это безбожіе—неисканіе другими лучшими путями Бога, а простое уклоненіе отъ мелочной обрядности. Объ исканіи Бога безпоповцами не можетъ быть и рѣчи. Интеллигенціи у нихъ почти нѣтъ. Порывы борьбы и протеста, присущіе человѣческой природѣ, уходятъ исключительно на внѣшніе, ничтожные факты и глубины вѣры не каса-

ются. Я не буду говорить о мелочной борьбѣ двухъ партій на Преображенскомъ кладбищѣ. Скажу лишь о вопросѣ, который раздѣлилъ въ эти послѣдніе годы безпоповцевъ на два лагеря. Это раздѣленіе раскроетъ намъ узость тѣхъ идеаловъ, которыми живетъ темная масса ѳедосѣевскаго согласія.

Безпоповцевъ раздѣлила, странно сказать,—«хартія религіозныхъ вольностей» 17-го апрѣля 1905 года. Ею узаконялась община, какъ юридическое лицо, устанавливались правильныя метрическія записи рожденій, браковъ, смертей. Руководители общины утверждались гражданской администраціей.

Когда была обнародована «хартія», безпоповцы поняли только одно, что ихъ не будутъ преслѣдовать. И вздохнули. Преображенское кладбище сейчасъ же пожелало объединиться въ общину.

Но очарованіе свободой скоро прошло. Появился законъ 17-го октября 1906 г. Началась реакція. Иконописные лики безпоповцевъ хмурились. Люди «древляго благочестія» нервно перебирали страницы твореній святыхъ отцовъ, ища отвѣта на вопросъ:

— Согласно ли сіе съ св. писаніемъ и канонами церковными?

Одни говорили:

— Согласно.

Другіе: нѣтъ.

Виднымъ противникомъ общины на Преображенскомъ кладбищѣ былъ иконописецъ Тарасій Илларіоновичъ Илларіоновъ. Противники объявили его «которникомъ» и еретикомъ. Я познакомился съ этимъ представителемъ странной «оппозиціи».

Стильная фигура. Голіаѳъ ростомъ, съ длинной, никогда не видавшей ножницъ, рыжеватой бородой и волосами въ скобку, Тарасій Илларіоновичъ просится на полотно,— такъ характерна его внѣшность.

Собственно, безпоповцы уже до выступленія Тарасія Илларіоновича раскололись на два враждебныхъ лагеря.

Настолько враждебныхъ, что въ селахъ ихъ «отцы» проклинаютъ другъ друга. И міряне не знаютъ, что имъ дѣлать, куда итти и какого «отца» держаться.

Тарасій Илларіоновичъ лишь письменно обосновалъ взглядъ одной половины.

Предо мной лежитъ его, странный на нашъ взглядъ, трудъ—брошюра «О общинѣ», написанная *древне-славянскими* буквами и отпечатанная на *гектографѣ*.

Какая-то смѣсь XVI вѣка съ XX-ымъ!

Вотъ главныя основанія Тарасія Илларіоновича.

— Почему безъ губернаторскаго утвержденія «отцы» не могутъ отправлять духовныхъ дѣлъ въ общинѣ? О нихъ наводятся справки. И если окажется, что они совершили какое-нибудь преступленіе, ихъ не утвердятъ?

— Это хула на Святого Духа,—заключаетъ Тарасій Илларіоновичъ,—святое писаніе учитъ, что если бы и самъ «распеншій Господа» повѣровалъ и крестился, крещеніе смыло бы и этотъ грѣхъ, и крестившійся могъ бы быть годенъ къ «отеческой» должности.

Безпоповцы, не имѣя священства, не могутъ заключать церковныхъ браковъ. Гражданскій же бракъ они признаютъ «людодѣяніемъ». Это, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ открыто имѣть женъ, сожительство съ которыми они считаютъ грѣхомъ.

Когда законъ объ общинѣ потребовалъ записей браковъ безпоповцевъ, Тарасій Илларіоновичъ и его послѣдователи сказали:

— Сіе непріемлимо. Это есть узаконеніе гражданскаго брака. А гражданскій бракъ есть французское шарлатанство, о которомъ еще фонъ-Бисмаркъ сказалъ: «я ума не приложу понять, отчего въ пользу такого рабства говорятъ отъ имени свободы?»

Общинники отвѣчаютъ:

— Это сдѣлали не мы, а власть, а власти надо повиноваться.

Но Тарасій Илларіоновичъ думаетъ иначе:

— Власти повиноваться нужно, но только въ томъ,

что не вредитъ вѣрѣ и благочестію. Правительство не обязало васъ вступать въ общину, оно только предложило— не желаете ли?

И далѣе—по адресу своихъ противниковъ:

— Кто вы такіе? Вы новомосковцы, а не старопоморцы. Девять десятыхъ изъ васъ—точеные затылки, стриженыя, бритыя бороды, крахмальныя сорочки, сюртуки и пиджаки. Вы потеряли вѣру отцовъ!

Но Тарасій Илларіоновичъ въ своей брошюрѣ не поставилъ точки надъ і. Ее ставятъ его болѣе послѣдовательные и менѣе считающіеся съ условіями времени единомышленники. Они заявляютъ, что принять общину уже потому нельзя, что она дана властью. А власть по ихъ вѣрованію, есть:

— Антихристъ.

Община—печать антихриста. Чѣмъ-то допотопнымъ пахнетъ отъ этого взгляда: «брынскими лѣсами» и изувѣрствомъ. И страннымъ кажется, что до сихъ поръ этотъ взглядъ не вывѣтрился подъ вліяніемъ просвѣщенія.

Противообщинное теченіе нашло себѣ горячее сочувствіе въ провинціи. Тамъ говорятъ:

— Не стало благочестія на Преображенскомъ кладбищѣ. Куда теперь пойдемъ? Отцы московскіе перестали крестить младенцевъ, а хотятъ крестить ихъ взрослыми.

Преображенцы отвѣчаютъ:

— Ложь! Попрежнему крестимъ. Отъ вѣры отцовъ не отступаемъ.

Но когда-то ихъ голосъ дойдетъ до селъ и деревень!

Общинники всѣми мѣрами защищаются и стараются убѣдить «еретиковъ». На брошюру Т. И. Илларіонова составлена отвѣтная брошюра, въ которой было торжественно объявлено, что «при Преображенской общинѣ... нѣсть ни единыя причины, повреждающей благочестіе». Брошюру Т. И. общинники называютъ «глумительной искусной вымышленностью на поруганіе духовныхъ отцевъ и клеветой», «свидѣтельства» его—«претительными и анафемными». Объ немъ вспоминаютъ, что онъ «отсту-

валъ» къ «Липковскому приходу», оттуда «къ большому ревнителю Баронову», потомъ къ Смирнову, а оттуда присоединился «къ церкви Христовой»... Но особенно общинниковъ раздражило, что Т. И. Илларіоновъ сослался на фонъ-Бисмарка.

— Какъ вы не посовѣстились, говорятъ они,—такого латинщика приводить во свидѣтельство, да еще гдѣ? Во святой обители у матушекъ.

Кстати здѣсь нужно сказать, что вопросъ объ общинѣ волновалъ, да и теперь волнуетъ весь старообрядческій міръ, всѣ согласія, всѣхъ 15 милліоновъ старообрядцевъ. Съ 28-й статьей закона, согласно которой губернаторъ «даетъ согласіе» на допущеніе избраннаго общиной лица къ занятію духовной должности, не можетъ примириться даже часть поповцевъ-окружниковъ, главнымъ образомъ, Донской области. Тамъ стѣной стали противъ общины. Въ Москвѣ признали общину, но изъ мірянъ очень мало зарегистрированныхъ общинниковъ, — остерегаются записываться. Такъ же, какъ и безпоповцы, рогожане издаютъ брошюрки противъ «противниковъ объединенія», которые объявили:

— Новшествъ не хотимъ, стоимъ за древность.

Совѣтъ братства имъ отвѣчаетъ:

— Вы стоите за древность гонительнаго времени, за 250 лѣтъ преслѣдованій, за весь соръ, грязь, невѣжество, которые засѣли въ старообрядчествѣ за этотъ періодъ гоненій, ибо истинная христіанская древность,—дониконовская,—имѣла общину.

Интересно, что и сами общинники не всецѣло на сторонѣ закона. И они считаютъ, что входить въ сношенія съ гражданскою властью и вести метрики—значитъ быть «стѣсненнымъ», «ограниченнымъ», даже «гонимымъ».

— Но, — говорятъ они противообщинникамъ, — что вы дѣлали, когда васъ преслѣдовали въ прежніе годы,—терпѣли же вы притѣсненія? Развѣ эти стѣсненія сильнѣе прежнихъ? Раньше и слово «община» не разрѣшали, а просто приказывали «не оказываться». Теперь

мало-мальски дали свободу, а вы говорите: все или ничего.

Сильное раздѣленіе произвелъ законъ въ средѣ поповцевъ-неокружниковъ. Ихъ московскій епископъ Іовъ и его викарій Даніилъ оказались въ этомъ вопросѣ на разныхъ полюсахъ. Первый—общинникъ, второй—противникъ общины. Они раздѣлили всю паству на два враждебныхъ лагеря. Долго ссорились между собой, пока на послѣднемъ соборѣ не предали другъ друга проклятію.

Остро стоитъ вопросъ у бѣглопоповцевъ и примыкающихъ къ нимъ «часовенныхъ безпоповцевъ».

Теперь количество противообщенниковъ увеличится, такъ какъ старообрядческій законъ отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ. Сами общинники перестали теперь особенно восторгаться общиной. Мнѣ извѣстенъ случай, когда на вопросъ изъ провинціи, обращенный къ Преображенскому кладбищу, о томъ, принять имъ или не принять общину, послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Въ общинѣ разочаровались. Прежній порядокъ управленія, основанный на патріархальныхъ отношеніяхъ, вносилъ элементъ личныхъ усмотрѣній и произвола. Этотъ порядокъ былъ плохъ. Но и новый порядокъ оказался не лучше. Онъ внесъ канцелярскій духъ, волокиту и бумажистику. Простая хозяйственная нужда прежде удовлетворялась сейчасъ же, а теперь обо всемъ пиши заявленія и дожидайся очередныхъ собраній совѣта. Такой порядокъ по самой своей сущности противенъ безпоповцамъ, у которыхъ весь складъ бытовой жизни глубоко патріархальный.

Волнуетъ безпоповцевъ и другой—тоже чисто обрядовый—вопросъ: брачный. Этотъ вопросъ раздѣлилъ ихъ на два враждебныхъ другъ другу согласія. «Безбрачники» считаютъ свои сожительства «грѣхомъ», такъ какъ безъ священническаго вѣнчанія нѣтъ законнаго брака. «Брачники» свои невѣнчанные браки признаютъ равносильными вѣнчаннымъ.

«Исканія» безпоповцевъ не выходятъ за предѣлы внѣшности. Безпоповщина—самая многочисленная группа старо-

обрядцевъ—остается пока узкимъ, коснымъ исповѣданіемъ.

Единовѣрцы.

Меньше всего можно искать признаковъ богоискательства въ единовѣріи. Въ немъ не только нѣтъ одухотвореннаго исканія Бога, но и настроеніе религіозное какое-то мутное, сѣрое. Высокіе идеалы отсутствують. У власти борется кучка ничтожныхъ людей, для которыхъ церковное политиканство является жизнью, Богомъ и религіей. А масса «страдаетъ». Но страданіе это такое, въ которомъ душа человѣка мало очищается отъ мути и сѣрости. Страдають отъ обиды.

Единовѣріе стоитъ па распутьѣ между православіемъ и старообрядчествомъ. Существуетъ оно 110 лѣтъ, но если не считать Павла Прусскаго,—оно не дало ни одной «извѣстности», ни одного имени, которому можно было бы поклониться. Объясняется это тѣмъ, что единовѣріе носитъ въ себѣ двѣ болѣзни: одну неизлѣчимую—ренегатство, другую тоже очень тяжелую—раздвоенность и неопредѣленность. Это не «вѣра» съ опредѣленными устоями, опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и идеалами, какъ, напримѣръ, православіе или старообрядчество,—а какое-то «всепокорнѣйшее прошеніе», на которомъ никогда ни накладывали опредѣленной резолюціи. Лежитъ въ канцеляріи прошеніе безъ движенія 110 лѣтъ, а проситель все ходитъ и мучается:

— Когда же?

— Что тебѣ нужно?

— Нужно, чтобы меня признали.

— Да зачѣмъ тебѣ это? Религія что ли твоя будетъ чище? Молитву твою услышитъ Богъ скорѣе?

— Нѣтъ, просто чтобы признали и баста.

— Такъ иди къ намъ совсѣмъ?

— Нѣтъ, я хочу отдѣльно. Но только, чтобы меня признали.

Въ этомъ желаніи признанія со стороны православія вся идейная борьба этого исповѣданія, Въ немъ и устои, и идеалы, и все содержаніе. Очень скучная «вѣра» единовѣріе...

По закону оно давно признано. Сто лѣтъ тому назадъ предписывалось, чтобы единовѣрцамъ не дѣлали никакого стѣсненія, чтобы въ дѣлахъ единовѣрческихъ церквей не было допускаемо участья ни духовныхъ консисторій, ни другихъ духовныхъ начальствъ, кромѣ одного преосвященнаго... Оказывается, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ единовѣрческими церквами и церковнымъ имуществомъ распоряжаются духовныя консисторіи, благочинными надъ единовѣрческими церквами назначаются православные священники, «часто не только чуждые, но и враждебные единовѣрію», какъ говорилось на съѣздѣ 1909 года. И не только благочинные, но и простые священники назначаются теперь изъ православныхъ. Такимъ образомъ, основное право единовѣрія — право выбора своихъ священнослужителей не осуществляется во всей полнотѣ.

Единовѣрцы жалобно заявляютъ:

— Мы православные.

Но господствующей церкви, трудно привыкнуть къ старообрядческимъ уніатамъ и видѣть въ нихъ православныхъ.

— Все несчастье наше въ томъ,—говорили мнѣ единовѣрцы,—что архіереи смотрятъ на единовѣріе не какъ на то же православіе, а какъ на что-то только «терпимое».

Въ Москвѣ это не чувствуется. Тамъ епископъ Анастасій служитъ у единовѣрцевъ по старопечатному служебнику. Но въ правинціи это постоянно о себѣ напоминаетъ.

— У меня былъ такой случай,—рзсказывалъ одинъ единовѣрческій священникъ.—Ко мнѣ въ храмъ стали ходить человѣкъ 50 принятыхъ изъ Спасова согласія. Они была другого прихода, и священники этого прихода мнѣ заявили: не принимайте ихъ,—они наши. Когда дѣло дошло до архіерея, онъ, вмѣсто того, чтобы рѣшить просто: какой храмъ нравится, туда и ходи,—передалъ дѣло для разслѣ-

дованія. Другой случай: одна старушка хотѣла причаститься у меня. Была она православнаго прихода, и я, зная, что архіерей относится къ намъ недоброжелательно, просилъ ея священника дать разрѣшеніе причаститься у меня. Тотъ отказалъ.

— Придите къ любому московскому священнику и скажите, что желаете въ его храмѣ отслужить литургію по старопечатнымъ книгамъ. Онъ вамъ откажетъ.

Во Владимірской губерніи былъ такой случай. Группа старообрядцевъ захотѣла перейти въ единовѣріе и выстроить свой храмъ. Имъ отказали въ устройствѣ своего храма, такъ какъ близко былъ храмъ православный. Но служить въ немъ по старопечатнымъ книгамъ не позволяли. Тогда вся группа ушла въ поповство.

Хотя единовѣрцы негодуютъ, что православные архіереи только терпятъ ихъ, но въ планы ихъ не входитъ полное сліяніе съ православіемъ въ церковномъ устройствѣ.

— Мы хотя и православные, но желаемъ жить обособленно.

Ихъ мечта—имѣть *своего* епископа, который бы управлялъ ими. Они хотятъ имѣть *свой* органъ печати и *свою* семинарію для подготовки кандидатовъ на священно-церковно-служительскія должности.

— Православные семинаристы лба перекрестить истово не могутъ. Нашъ укладъ жизни совсѣмъ другой, чѣмъ у православныхъ.

Но имъ не только ничего *своего* не даютъ, но даже на ходатайство объ этомъ смотрятъ далеко не снисходительно. Въ прошломъ году имъ не разрѣшили всероссійскаго съѣзда потому, конечно, что боялись ихъ домоганій епископа.

— Намъ нуженъ свой епископъ,—говорятъ единовѣрцы.

Въ этомъ вопросѣ у нихъ нѣкоторое разномысліе. Московскіе единовѣрцы просятъ учредить единовѣрческое епископство. Ихъ епископъ долженъ быть викаріемъ епархіи. Онъ управляетъ всѣми единовѣрческими приходами московской епархіи, назначаетъ и рукополагаетъ священ-

никовъ, но въ то же время находится «въ сонмѣ православныхъ архіереевъ и принимаетъ участіе въ общихъ частяхъ епархіальнаго управленія». Небольшая разница отъ теперешняго положенія, когда единовѣрцами управляетъ викарный епископъ Анастасій.

Петербургскіе единовѣрцы ставятъ точку надъ і:

— Намъ нуженъ совершенно самостоятельный въ управленіи всѣми единовѣрцами Россіи епископъ, зависимый только отъ Синода и непремѣнный членъ Синода!

Нѣкоторые возражаютъ:

— Но это патріархъ! И поэтому проектъ вашъ—утопія.

Петербургскіе единовѣрцы предлагали быть ихъ «патріархомъ» Антонію волынскому. И тотъ, будто бы, согласился. Но дѣло за маленькимъ: нужно, чтобы Синодъ пошелъ въ этомъ вопросѣ навстрѣчу единовѣрцамъ. А этого-то и не видно.

Единовѣрцы расширяютъ значеніе вопроса:

— Нашъ самостольный епископъ сослужилъ бы великую службу господствующей церкви. Имѣя свое священство, мы бы привлекли къ себѣ массу старообрядцевъ, которые не идутъ теперь, зная, что у насъ священство никоніанское. Бѣглопоповцы, напримѣръ, всѣ бы перешли въ единовѣріе.

Вопросъ о епископѣ тѣсно связанъ съ другимъ большимъ вопросомъ. Надъ единовѣрцами, какъ и надъ старообрядцами, тяготѣютъ до сихъ поръ клятвы соборовъ 1666—67 гг. Проклятіе двуперстникамъ.

Правда, Синодъ успокоилъ ихъ и разъяснилъ, что клятвы положены только на отступниковъ отъ церкви. Но единовѣрцы все-таки тяготятся проклятіемъ. Имъ нужно быть разрѣшеннымъ отъ него. Нужно, значитъ, снестись съ восточными патріархами. Но кто будетъ сноситься? Синоду это не съ руки, потому что отъ клятвы тогда будутъ освобождены и старообрядцы.

— Долженъ снестись съ Востокомъ *нашъ* епископъ,— говорятъ единовѣрцы.

Не получивъ «полнаго гражданства» въ православіи единовѣрцы потеряли, конечно, всякое уваженіе недавнихъ

своихъ братьевъ—старообрядцевъ, которымъ «они измѣнили». Старообрядцы на нихъ смотрятъ какъ на отступниковъ, еретиковъ. Начетчики говорятъ такъ:

— Единовѣріе, это—ловушка для старообрядцевъ.

Я спрашивалъ у московскаго единовѣрческаго благочиннаго о количествѣ присоединяющихся старообрядцевъ.

— Прежде у меня присоединяюсь 30 — 50 человѣкъ въ годъ, теперь, послѣ закона о свободѣ вѣроисповѣданія, присоединеній стало меньше—не болѣе 20-ти.

Одинъ единовѣрецъ говорилъ:

— Если бы мы знали, что доживемъ до свободы, не ушли бы изъ старообрядчества. Прежде жить было такъ тяжело, что мы кидались въ единовѣріе какъ въ единственный выходъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны единовѣрцы «терпимые», съ другой—еретики. Отъ своихъ отлѣпились и къ другимъ не прилѣпились. Такое состояніе, конечно, не можетъ дать жизни единовѣрію. Она высушило всѣ его живые соки.

Единовѣріе не только скучная «вѣра», но и достаточно мертвая. Религіозная жизнь Россіи развивается въ глубину. Человѣкъ сталъ искать Бога въ душѣ своей. А единовѣріе попавъ между молотомъ и наковальней сплющилось до тонкаго листа «всепокорнѣйшаго прошенія»...

Религіозные портреты.

I.

Гордѣй Красновъ.

Лѣтъ десять тому назадъ на Волгѣ былъ въ славѣ купецъ Гордѣй Красновъ. Все Поволжье знало его. Громадные караваны его баржей тянулись по рѣкѣ. Свистѣли и дымили буксирные пароходы. Конторы, амбары и лавки его лѣзли въ глаза своими вывѣсками.

На каждомъ его пароходѣ, на каждой баржонкѣ, на амбарахъ было написано огромными буквами:

— Гордѣй Красновъ.

За много верстъ волжане угадывали красновскія суда. Чуть-чуть на зеленомъ фонѣ луговъ обрисуется черная труба, они уже говорили:

— Это красновскій!

— Почему?

— Такихъ трубъ ни у кого нѣтъ...

И все у Краснова было сильное, широкое, крѣпкое. Какъ ни у кого. Взять ли баржу, — она всегда необычайно огромная, бросающаяся въ глаза своей краской.

Однажды Гордѣй сидѣлъ мрачный въ трактирѣ надъ Волгой и смотрѣлъ, какъ идутъ по рѣкѣ его суда.

— Мразь какая-то, — проговорилъ онъ, стуча огромнымъ кулачищемъ по столу, — не видать въ нихъ Гордѣя Краснова!..

Самая сильная баржа можетъ принять 40 тысячъ пудовъ. Красновъ заказалъ баржу на 200 тысячъ пудовъ.

— Рѣка не выдержитъ, — говорятъ ему мастера.

— Выдержитъ, строй въ мою голову.

Построили. Кое-какъ довели до Каспія. Судно попало въ бакинскій портъ, а оттуда его уже не выпустило портовое начальство.

— Опасно.

Гордѣи Красновы, видимо, въ свое время вылили царь-пушку и царь-колоколъ.

Когда шелъ караванъ красновскихъ баржей, — движеніе пріостанавливалось: «ни прохода, ни проѣзда».

— Почему не пропущаютъ, — спрашивали плотовщики гдѣ-нибудь подъ Царицынымъ.

— Гордѣй Красновъ идетъ съ верху, — отвѣчали имъ.

Этимъ сказано все. Плоты жались къ берегу и выжидали, когда пройдетъ туча.

А Красновъ стоялъ на капитанскомъ мостикѣ и радовался:

— Это по-моему, по-красновски!

— О-го-го-го-о-о! Не отставай!.. — кричалъ онъ дальнему судну.

И слушалъ съ радостью, какъ эхо прибрежнаго лѣса передавало его команду.

Пароходы его были тоже огромные, сильные. И звали ихъ «Геркулесъ», «Двухтрубный», Самсонъ и т. п.

Самъ Гордѣй Красновъ былъ похожъ на свои баржи и пароходы. Голіаѳъ ростомъ и силой. Пятерня — пудовикъ, ударитъ — въ землю вроетъ. Сколько людей на Волгѣ были близко знакомы съ его рукой! Попадетъ къ нему подъ горячую руку какой-нибудь волжскій «мерзавецъ» и свѣта не взвидитъ. А Гордѣй насупится, покраснѣетъ, кольнетъ ему въ сердце иголка совѣсти или жалости. Вынетъ бумажникъ, броситъ избитому «катеньку» и скажетъ:

— Уходи! Впередъ знай Гордѣя Краснова!

Богъ его знаетъ, откуда онъ пришелъ на Волгу. Говорятъ съ Ветлуги. Но вообще у него не было прошлаго. Пришелъ

онъ босымъ, съ одной «гармошкой» за плечами. Тѣсно ему, видно, жилось въ родной деревнѣ. Надоѣло смолу курить, захотѣлось подышать волжскимъ просторомъ. Натура богатая: въ плечахъ косая сажень, въ душѣ родникъ живыхъ, не использованныхъ силъ. Куда ихъ дѣвать? Русскому богатырю всегда были «всѣ пути заказаны». Одна дорога оставалась: промышленность, деньги...

И Гордѣй съ головой ушелъ въ кипучую волжскую дѣятельность. Гдѣ помогли умъ и смекалка, а гдѣ удача, счастье — всегдашніе спутники богатой натуры. Шли годы, и имя Краснова расплывалось по Волгѣ. А когда загудѣли его пароходы, ветлужскій мужикъ сталъ королемъ кормилицы-рѣки.

Но чѣмъ больше росли богатство и слава Краснова, тѣмъ тѣснѣе становилась для него Волга, да и вся жизнь. Какъ-будто росъ и ширился только онъ, а окружающая жизнь старѣла, суживалась. И онъ, какъ безумный, метался по Волгѣ, ища выхода своимъ бурнымъ силамъ. И баржи, и пароходы, и амбары «такіе, какъ ни у кого». А дальше что? Во что перелить себя, вложить свою силу, свободу, ширь? Онъ завязалъ торговлю съ Персіей и Бухарой. А дальше Персіи и Бухары для Гордѣя Краснова конецъ свѣта. Какъ узокъ и ничтоженъ міръ...

И Гордѣй, какъ раненый звѣрь, въ бѣшенствѣ ломалъ всѣ загородки. У него былъ товарищъ астраханскій купецъ Леоновъ; тоже Геркулесъ, съ бурными, русскими порывами. Два друга переживали одну и ту же тяжесть ограниченной жизни и молотомъ били въ крышку ея.

Сегодня они въ устьѣ Каспія, гдѣ-нибудь на плоту пьютъ шампанское, ревутъ, пьяные, звѣринымъ ревомъ, пугая птицъ и сторожей, а потомъ плачутъ пьяными слезами на груди какой-нибудь проститутки; завтра слушаютъ святыя рѣчи «праведнаго человѣка», схимника Паисія въ сосѣднемъ монастырѣ, исповѣдуются и каются въ грѣхахъ. Черезъ недѣлю у Макарія купаютъ цыганокъ въ шампанскомъ, а потомъ «бросаютъ якорь» въ какомъ-нибудь грязномъ деревенскомъ

трактирѣ. спаиваютъ мужиковъ и бабъ и недѣлю пьютъ мертвую...

Однажды около Царицына въ монастырѣ случился пожаръ. Изъ города выѣхали пожарные. На дорогѣ какой-то громадный человѣкъ, — пьяный, растрепанный, — остановилъ ихъ:

— Стой! Ни съ мѣста! Это я поджогъ монастырь. Что, славно горитъ?

Это былъ Леоновъ. Они съ Красновымъ пили, и безумная мысль залетѣла къ нимъ въ голову. Дѣло замяли, — друзья, какъ всегда, откупились деньгами.

Противъ Сормова стали на мель красновская баржа. Онъ поѣхалъ снимать. но запилъ и споилъ всѣхъ сормовскихъ рабочихъ. Администрація завода къ нему прислала депутацію.

— Ради Бога, Гордѣй Иванычъ, уѣзжай, заводъ сталъ.

Кое-какъ Краснова увезли.

Но, по мѣрѣ того, какъ сѣдѣла голова Гордѣя Краснова, къ нему въ опустошенную душу стали все чаще и чаще залетать властные зовы. Ничего сильнаго, огромнаго, широкаго сдѣлать было уже нельзя — все сдѣлано. Тогда кто-то тайный указалъ ему на глубь, на душу...

— Тамъ у тебя большой просторъ, Гордѣй! Тамъ нужно начать стройку!

И Гордѣй понялъ, откликнулся...

— Пора, — сказалъ онъ себѣ.

Ему противна стала его дѣятельность. Копилъ зачѣмъ-то деньги. Всю жизнь строилъ, а для чего? Безпокоился, что обокрадутъ. Какъ все это мелко, низко. Гордѣй ходилъ сѣрый, молчаливый и твердилъ про себя:

— Пора! Пора!

Пришла весна. Лучи солнца напоили воздухъ пьянымъ хмелемъ тепла и горстями стали бросать на землю свои жаркіе поцѣлуи... Гордѣй всталъ въ одно такое утро и рѣшительно произнесъ:

— Пора!

Помолился передъ иконой. тихо вышелъ изъ дома не обративъ вниманія на то, что денежный ящикъ былъ

не запертъ, пошелъ въ свою контору, собралъ служащихъ и сказалъ имъ:

— Прощайте, ребята! Не поминайте лихомъ!

Затѣмъ спустился къ Волгѣ, поклонился ей, своей матери, поцѣловалъ въ послѣдній разъ родную землю и вышелъ изъ города.

Все Поволжье поднялось на ноги, когда узнало, что Гордѣй Красновъ исчезъ. Пронеслось роковое слово:

— Неплательщикъ! Банкротъ!

— Мы думали, онъ на милліонахъ сидитъ. Вѣрь послѣ этого человѣку!

На биржѣ руками разводили. Могъ ли кто предполагать крахъ?

Кредиторы бросились къ имуществу. Объявили конкурсъ. Какъ піявки начали сосать милліоны Краснова. Сосали, сосали, и когда насосались, то подвели итогъ: оставалось чистыхъ денегъ 200 тысячъ.

— Что же это значитъ?—остолбенѣли купцы,—никакого краха и не было. Почему же Гордѣй бросилъ дѣло?

Никто ничего не понималъ.

А странникъ Гордѣй прошелъ пѣшкомъ на Старый Аѳонъ:

— Замолю грѣхи мои тяжкіе и предстану предъ Господомъ,—сказалъ онъ себѣ.

Но не выдержала искуса душа Гордѣя. Увидалъ онъ мелочность и ничтожность жизни въ тихой обители», разсмотрѣлъ, какіе жалкіе люди одѣты «въ темныя иноческія рясы, и, однажды разгорячившись, въ кровь избилъ монаховъ, переломалъ много мебели и ушелъ съ Аѳона...

Но на Волгу не вернулся. А прошелъ пѣшкомъ всю Россію и затворился въ Соловкахъ. Тамъ, говорятъ, и умеръ.

Но на Волгѣ до сихъ поръ не вѣрятъ его смерти. О немъ создались легенды.

— Ходитъ онъ,—говорятъ волжане,—по Россіи странникомъ, Христу Богу молится... А передъ смертью придетъ на Волгу проститься съ ней...

Любятъ волжане свою Волгу.

II.

Никаноръ Шариковъ

Шариковъ лѣтъ 14-ти пришелъ изъ деревни въ Москву. Пришелъ навсегда. Совсѣмъ оторвался отъ земли и въ деревнѣ болѣе не появлялся. Въ Москвѣ же занялся мелочной торговлей. Ходилъ по Сухаревкѣ, продавалъ сначала разныя цѣпочки, рамочки, щипчики, потомъ брюки и спинджаки, обманывалъ, гдѣ плохо лежало — бралъ себѣ.

Вечеромъ же, когда его товарищи по профессіи шли въ кабакъ, онъ уходилъ въ трущобу на Живодеркѣ и забивался въ свой уголъ въ подвалѣ. Долгими часами лежалъ. выжидалъ, когда въ подвалѣ все угомонится, потомъ осторожно раскрывалъ занавѣски своей постели, глядѣлъ, нѣтъ ли кого, и когда убѣждался, что всѣ спятъ, тихо вынималъ дневную выручку и при слабомъ мерцаніи лампы начиналъ считать. Складывалъ въ кучки пятаки, гривенники, копейки и любовался ими. Это было самое счастливое время его дня.

Налюбовавшись, онъ подводилъ итогъ всему накопленному, затѣмъ пряталъ деньги и предавался мечтамъ:

— Вотъ, если будетъ у меня тысяча, можно начать свое дѣльце...

Залетала къ нему въ голову мысль: накопивши денегъ, поѣхать въ деревню и открыть кабакъ. Но сейчасъ же эта мысль исчезала.

— Развѣ можно? Тамъ старая тетка и замужняя сестра остались, будутъ ходить, клянчить: дай, да дай имъ на бѣдность! Опять же мужики убьютъ, какъ пить дадутъ, а деньги себѣ возьмутъ. А тутъ въ Москвѣ никто не знаетъ, богатъ ты или бѣденъ, скрыть можно...

Шариковъ высчитывалъ каждый грошъ. Ѣлъ мало, старался больше ѣсть хлѣбъ съ водой. А хлѣбъ покупалъ по дешевой цѣнѣ у солдатъ въ Спасскихъ казармахъ. Если же позволялъ себѣ обѣдать, то ходилъ за этимъ на

Толкучку и тамъ на копейку просилъ полную чашку лапши. Когда торговка не доливала, Шариковъ кричалъ на нее:

— Доливай! Жулики! Рабочій народъ обманываете...

Торговка, чтобы отвязаться отъ скандалиста, наливала ему полную чашку.

Въ подвалѣ сначала всѣ думали, что Шариковъ бѣденъ. Оттого не пьетъ и плохо ѣстъ. Но затѣмъ узнали объ его скупости. И хозяйка квартиры, когда ей кто-нибудь досаждалъ, шла къ Шарикову и срывала на немъ свой гнѣвъ.

— Живешь ты, какъ песъ, Никаноръ! Прости ты мое, Господи, великое согрѣшенье...

Шариковъ молчалъ, лежа за занавѣской. Онъ зналъ за собой вину: никогда не платилъ во-время свои полтора рубля за уголъ, всегда умолялъ хозяйку подождать.

Но хозяйка этимъ только начинала.

— Ни радости у тебя нѣтъ, ни почета отъ добрыхъ людей ты не видишь... Куда деньги копишь, скаредъ?

Тутъ Шариковъ не выдерживалъ и говорилъ:

— Какія деньги, Маланья Кузьминишна? Нѣтъ у меня никакихъ денегъ... Что ты? Бѣлены что ль объѣлась?

— Я бѣлены объѣлась? — вскрикивала хозяйка, — подай мои полтора рубля, жила проклятая! Не уйду безъ денегъ... Что лежишь, жидоморъ?

Шариковъ блѣднѣлъ, выходилъ изъ-за занавѣски и униженно просилъ:

— Ей-Богу нѣтъ... Вотъ те крестъ. Подожди денекъ.

Хозяйкѣ въ концѣ-концовъ надоѣдало ругаться. И она уходила. А Шариковъ лежалъ и думалъ, что вотъ придется завтра платить ей деньги... А разставаться съ деньгами ему не хотѣлось. Онъ тревожно спалъ въ эту ночь, во снѣ какіе-то черные люди съ него снимали крестъ, на которомъ висѣли его деньги, онъ кричалъ...

Никогда къ нему не приходило желаніе полюбить женщину. Онъ бѣгалъ отъ нихъ, боясь, что они будутъ просить у него денегъ. Въ подвалѣ въ другомъ углу, тоже за занавѣской, жила семья одного тряпичника, у котораго была дочь. Шариковъ часто глядѣлъ изъ-за занавѣски на нее.

Она была красива, хорошая хозяйка, работящая. И Шариковъ думалъ:

— Хорошо бы имѣть такую жену... Она бы пошла за меня, потому нужда...

Но какъ только вспоминалъ, «какихъ денегъ это удовольствіе стоитъ», сейчасъ же отвертывался къ стѣнѣ и направлялъ мысль къ наживѣ.

— Хорошо бы итти это по Сухаревкѣ, — мечталъ онъ,— и найти бумажникъ съ деньгами... И чтобы никто не видѣлъ. Взять себѣ и съ годъ, чтобы затерять слѣды, жить попрежнему въ подвалѣ, а потомъ бы открыть свое дѣло...

Онъ привыкъ ходить, уставившись въ землю: не найдетъ ли чего?

Сознавалъ, что живетъ не «по-людски». Но всегда говорилъ себѣ, что пройдетъ немного времени, онъ «доколотитъ» до такой-то суммы и тогда можно будетъ начать жить, какъ всѣ...

Тогда можно и жениться.

Но годы уходили, деньги его вырастали, а онъ жилъ въ подвалѣ, не видя ни свѣта ни радости.

— Какъ высунишься-то, — оправдывалъ онъ себя, — сейчасъ тебѣ крылья и подрѣжутъ. Жизнь-то она вонъ какая!

Онъ страшно боялся жизни. Съ годами эта боязнь увеличивалась. Казалось бы, деньги могли создать ему опору отъ разныхъ жизненныхъ непріятныхъ неожиданностей. Но деньги росли, а боязнь увеличивалась. Онъ пересталъ ходить, а крался, какъ воръ, по стѣнкѣ. Тутъ создалась для него необходимость спрятаться за кого-нибудь, чтобы жить было легче. А главное, онъ совсѣмъ не зналъ этого ужаснаго, таинственнаго будущаго. Онъ вспомнилъ про Бога. И почему-то избралъ своимъ руководителемъ и патрономъ Св. Николая Чудотворца. Ему одному онъ молился, ему мысленно повѣрялъ свои торгашескія думы и расчеты, предъ нимъ раскладывалъ свою выручку и весь капиталъ.

Когда ему было лѣтъ 35, онъ началъ свое «дѣло», открылъ картузное заведеніе. Предъ тѣмъ, какъ рѣшиться на это,

онъ долго молился Угоднику, просилъ его благословенія и когда поднималъ съ пола свое лицо къ иконѣ, то видѣлъ, что строгій ликъ святого смотрѣлъ на него милостиво.

— Благословилъ, — шепталъ Шариковъ.

Онъ открылъ картузное заведеніе. Дѣла его пошли хорошо. У рабочихъ онъ «выматывалъ жилы» на работѣ. Заставлялъ работать иногда даже ночью. Не доплачивалъ имъ, ругался, всячески прижималъ.

И копилъ, копилъ.

Каждое воскресеніе онъ стоялъ въ церкви, на своемъ обычномъ мѣстѣ: противъ иконы Св. Николая Чудотворца. Ставилъ ему десятикопеечную свѣчку и продолжалъ съ нимъ мысленно совѣтоваться, прогнать ли, положимъ, пьяницу Прошку или нѣтъ.

— Хорошій работникъ онъ, трезвый-то,—думалъ Шариковъ,—такого не сыщешь. А всѣхъ денегъ ему можно не платить, поругается и отстанетъ...

И никто не могъ бы убѣдить тогда Шарикова молиться другому святому.

— Только Угоднику,—сказалъ бы Шариковъ.

Наоборотъ, онъ не любилъ, когда другіе молились его иконѣ, ставили ей свѣчки. Онъ думалъ, что святой, благодаря этому, будетъ меньше обращать на него вниманія, меньше интересоваться его дѣлами. Онъ враждебно ворчалъ, когда кто-нибудь заслонялъ его отъ иконы, и желалъ, чтобы Угодникъ не давалъ никому, кромѣ него, своихъ милостей и благословеній.

— Потому грѣшники... Вино пьютъ, въ карты играютъ.

Онъ всегда жестоко обличалъ пьяницъ.

Къ сорока годамъ онъ началъ подумывать о семьѣ.

— Нужно начать жить по-людски.

Онъ только подумалъ объ томъ, а къ нему, какъ-будто подслушавъ его думы, черезъ недѣлю явилась сваха. Это его поразило.

— Не угодникъ ли Божій послалъ ее ко мнѣ?

Пошелъ въ церковь, сталъ противъ своей иконы и по-

просилъ благословенія жениться. Угодникъ милостиво смотрѣлъ на него.

— Благословляетъ,—шепталъ Шариковъ.

Сваха къ нему зачастила. Нашлись знакомые, которые совѣтовали жениться.

— При вашемъ капиталѣ, Никаноръ Вавилычъ,—говорили,—не къ лицу быть холостымъ! Легкомысленно даже это.

— Ну, какой у меня капиталъ,—морщился Шариковъ,—все сплетни пущаютъ... Концы съ концами свожу и то слава Богу...

Робкій, трясущійся надъ каждымъ грошомъ, боящійся лишнихъ расходовъ, онъ сначала отстранялъ отъ себя эту мысль.

— Женишься и вылетишь въ трубу... Знаемъ мы... А свахѣ говорилъ:

— Не въ коня кормъ, нонѣ семейная жизнь кусается. Одному, то теплѣе живется.

— Ну, ужъ и теплѣе,—возражала сваха. Ни радости ни ласки въ вашемъ житіи... И днемъ и ночью одинъ. Опять же старость подойдетъ, кто заведенію будетъ хозяинъ? Растащутъ все пьянчужки мастеровые...

Шариковъ соглашался съ этимъ. И возражалъ все слабѣе и слабѣе. Наконецъ онъ рѣшился.

До трехъ разъ испрашивалъ благословенія у Угодника. И каждый разъ получалъ его. Загадывалъ на свѣчкахъ—если четное число, то благословилъ, нечетное—нѣтъ. Всегда выходило четное.

Шариковъ смотрѣлъ на себя въ зеркало. Видомъ онъ былъ маленькій, невзрачный, лысенькій. «Лицомъ смерденъ», говорятъ о такихъ въ народѣ.

— Можно ли меня полюбить?—спрашивалъ онъ себя. Но черезъ минуту рѣшалъ:

— Конечно, можно. Я въ силѣ, въ соку. Опять же деньги плѣнятъ. Полюбитъ небось!

Женился. И сразу же стало ему жутко. Жизни онъ боялся больше, чѣмъ смерти, а она послѣ женитьбы пошла

на него стѣной... Онъ вдругъ понялъ, что съ женитьбой пріобрѣлъ страшнаго, неумолимаго врага, который въ концѣ-концовъ убьетъ его. Испугался и кинулся въ смертельномъ страхѣ въ церковь, къ иконѣ святителя. Валялся передъ ней на полу, просилъ, молилъ отвести отъ него «чашу сію». Но чѣмъ больше онъ бился объ полъ, тѣмъ равнодушнѣе смотрѣлъ на него ликъ святого.

— Вѣдь, ты же, Святитель, благословилъ меня на это дѣло. Тебѣ я повѣрилъ,—роталъ онъ въ отчаяніи.

А святой глядѣлъ изъ золотыхъ, блестящихъ ризъ сурово, холодно. Шариковъ не узнавалъ его, прежняго, вѣчно его радовавшаго.

И съ подавленной душой уходилъ онъ домой. А дома все шло вразбродъ. Жена молодая, красивая, такая скромная и молчаливая до вѣнца, теперь явно презирала своего лысаго, рано постарѣвшаго мужа. Часто уходила куда-то и возвращалась возбужденная, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ. Требовала съ крикомъ, съ кулаками себѣ на наряды. И Шариковъ давалъ, не имѣя силъ отказать. Говорилъ ей, что капиталъ его маленькій, не выдержитъ такихъ расходовъ, а она хохотала ему въ лицо:

— Врешь, старый песъ. Развяжи мошну-то!

Онъ, потрясенный, забивался въ уголъ и въ страхѣ шепталъ:

— Что дѣлать? Что дѣлать?

И не находилъ выхода.

Все сразу пошло вверхъ дномъ. Нелады въ семьѣ отразились и на работѣ. Тамъ тоже лопнула какая-то невидимая пружина, и механизмъ началъ работать неровно. Рабочихъ стало больше, а вырабатывать они стали меньше. Чаще бывали пьяными, настойчивѣе стали требовать уплаты заработанныхъ денегъ, воровали матеріалъ и исчезали. Все, словомъ, расшаталось, расхлябалось.

Появились дѣти, удвоились расходы.

Опустились руки у Шарикова. Оставила его энергія. Вычерпалъ онъ всѣ свои сбереженія, а потомъ махнулъ въ безсиліи рукой и сталъ должать.

Подошла старость, тяжелая, нищая... Заведенія у него уже не было. Жилъ онъ опять въ подвалѣ, перебиваясь кое-какъ. Онъ уже пересталъ просить милостей у Св. Николая Чудотворца. И когда, размышляя о своемъ несчастьѣ, вспоминалъ о Святителѣ, желчью наполнялось его сердце...

Въ это время онъ сталъ ходить въ «Яму»,—трактиръ, гдѣ собираются сектанты. И когда выступалъ изрѣдка съ рѣчью, то раскрывалъ предъ слушателями цѣлый адъ злобы и ненависти. На него безъ жалости нельзя было смотрѣть. Съ искривленными чертами лица, блѣдный, сѣдой, онъ громилъ виновниковъ своего паденія.

— Я повѣрилъ,—говорилъ онъ,—жизнь свою отдалъ во власть ихъ, жилъ согласно съ совѣстью и закономъ, пóтомъ и кровью наживалъ капиталъ. А что вышло? Меня обманули, обокрали, вынули душу, разбили жизнь и бросили ее, какъ негодную ветошь... Но мы еще посмотримъ...

Оставалось впечатлѣніе, что онъ задумалъ мстить,—такъ страшно онъ говорилъ.

— Но кому?—съ недоумѣніемъ спрашивали его.

Онъ таинственно улыбался.

— Я знаю, кому...

Миссіонеры записали его въ сектанты на томъ основаніи, что онъ на собесѣдованіи рѣзко высказывался противъ почитанія иконъ. Но дальше этого вопроса онъ не шелъ и въ дѣлахъ вѣры вообще понималъ мало и совсѣмъ ими не интересовался.

Наступило освободительное время. Начались ужасы «экспропріаціи». Шариковъ однажды пришелъ къ одному знакомому сектанту и сказалъ:

— Я рѣшилъ.

— Мстить?

— Да...

— Чудной, ты Никаноръ,—кому же ты будешь мстить?

— Тому, кому я вѣрилъ. Я законно собиралъ свой капиталъ, и у меня его отняли. Теперь я хочу беззаконно разбогатѣть. Посмотрю,—какъ-то они у меня вырвутъ его?..

— Что ты говоришь, Никаноръ? О душѣ-то забылъ видно. Для нея-то вѣдь не нужно богатства...

— Душа?

Шариковъ всегда смѣялся своимъ хриплымъ, скрипучимъ голосомъ, когда указывали ему на душу.

— У меня была душа, когда я вѣрилъ. Тогда я и жилъ по-Божьи. А теперь у меня, разбитаго, изломаннаго, истоптаннаго, какая душа? А если она есть, то она ничего мнѣ, кромѣ ненависти, не говоритъ.

Онъ ушелъ отъ сектанта все съ той же злобой и опредѣленнымъ рѣшеніемъ что-то предпринять.

— Я буду опять богатъ,—сказалъ онъ на прощанье.— Они меня свели въ подвалъ, лишили всего, а я на зло имъ поднимусь, воскресну...

Онъ исчезъ, но мѣсяца черезъ два въ «Яму» проникла странная и страшная вѣсть.

— Никаноръ Шариковъ въ тюрьмѣ. Попался въ «экспропріаціи».

Разузнали, въ чемъ дѣло. Оказывается, онъ примкнулъ къ шайкѣ грабителей. Тѣ послали старика куда-то въ провинцію въ первое опасное дѣло, и Шариковъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія.

Его судили и повѣсили.

Послѣ этого миссіонеры на собесѣдованіяхъ говорили:

— Вотъ вамъ, братіе, примѣръ,—Никаноръ Шариковъ. Былъ православнымъ, по-Божьи жилъ. Оставилъ церковь, и Господь покаралъ его страшной карой...

III.

Слесарь Петровъ.

Когда машинистъ Ухтомскій, во время московскаго вооруженнаго возстанія, проводилъ, подъ свистъ солдатскихъ пуль, поѣздъ съ революціонерами, около него очутился какой-то старичокъ, совсѣмъ нереволюціоннаго вида. Сухой,

сѣдой, съ очками на носу. Скорѣе начетчикъ, чѣмъ революціонеръ.

Это былъ слесарь Петровъ.

Жужжали пули, а Петровъ стоялъ спокойно, какъ будто раздумывалъ, отмычкой ли ему отпереть дверь или подобрать ключъ. Обратили вниманіе, что онъ былъ безъ оружія. Кто-то сунулъ ему дрянпенькій револьверъ. Петровъ не понялъ:

— Зачѣмъ? Поправить, что ль?

— Стрѣлять, — чудакъ ты!

Петровъ переложилъ его съ руки на руку и произнесъ:

— Не сумѣю... Обойдусь и такъ.

— Зачѣмъ же ты здѣсь?

— Народу помочь, народъ страждетъ...

Онъ, видимо, тоже задалъ себѣ вопросъ: что же онъ будетъ здѣсь дѣлать? И мучился, что будетъ непригоденъ. Но дѣла для него нашлось много.

Замѣтили, что Петровъ былъ выдающійся человѣкъ. Душевной чистоты необыкновенной. Сѣдой младенецъ. Возьми съ него рубаху — отдастъ безропотно. Пошли на вѣрную смерть, только скажи, что это нужно народу,—перекрестится и пойдетъ. Но убивать не будетъ — а такъ просто, пойдетъ, раскроетъ руки и упадетъ, пораженный пулями.

Его берегли. Но онъ рвался впередъ. Въ Коломнѣ вмѣстѣ съ другими остановилъ поѣздъ съ хлѣбомъ и оружіемъ. И все — и оружіе и хлѣбъ — роздалъ до послѣдней крошки рабочимъ.

Когда онъ говорилъ о народѣ, онъ горѣлъ какимъ-то внутреннимъ огнемъ. Сухія соціалистическія формулы въ его сознаніи и дѣятельности воплощались въ живые, страдающіе или торжествующіе образы.

— Народъ мучается,— говорилъ Петровъ.

Это значило, что самъ онъ мучается за народъ въ гораздо большей степени, чѣмъ народъ. Онъ переживалъ острое, волнующее мученіе, а между тѣмъ его собственная жизнь проходила въ сносной матеріальной и нравственной обстановкѣ. Но онъ видѣлъ много несчастія у другихъ и впиталъ ихъ, какъ губка, въ свою кровь.

Ни въ какихъ партійныхъ «комитетахъ» онъ до революціи не участвовалъ. Агитаторовъ слушалъ, но не всегда одобрялъ.

— Все теоріи разводятъ, — говорилъ онъ, — а нѣтъ бы жизнь наизнанку вывернуть и показать, какова она есть...

Онъ самъ былъ воплощенный, самобытный русскій агитаторъ. Складно говорилъ и всегда начиналъ свою рѣчь такъ:

— Былъ у насъ на заводѣ такой случай...

И вся рѣчь его состояла изъ такихъ случаевъ — безъ всякихъ выводовъ. Но случаи были такъ красочны, выпуклы, что выводы были всѣмъ ясны. Толпа наэлектризовывалась его страстью. Онъ не звалъ никуда — она сама шла. Не звалъ же онъ потому, что самъ не зналъ, что нужно дѣлать. Онъ искалъ вѣрный способъ, какъ помочь народу. И не находилъ. Отдавалъ свою душу, жизнь, всего себя, — но не зналъ, какъ подойти къ горю народному.

Однажды онъ долго слушалъ одного пріѣзжаго «товарища». Потомъ отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Не дѣло ты говоришь народу. «Самосознаніе», «протестъ»... Все это у насъ есть. Какъ же намъ не сознавать своего положенія и своихъ обидъ? Въ разумѣ ли ты? И протеста у насъ много. Но это все не то. Ты скажи тамъ, въ своемъ комитетѣ, что если имъ понадобится для блага народнаго моя старая жизнь, пусть возьмутъ ее. Но чтобы безъ обмана,— чтобы народъ больше не томился такъ... На висѣлицу ли, подъ пули ли, на костеръ-ли или съ дома броситься внизъ— все могу... А о самосознаніи ты болтать, малецъ, перестань! Не обижай насъ!..

Революція подсказала Петрову одинъ изъ способовъ. Прямо отъ станка онъ, какъ былъ въ грязномъ передникѣ, такъ и ушелъ на улицу. И болѣе не возвращался. Тихій, чистый, никогда въ мысляхъ не державшій кровавыхъ намѣреній, гнушавшійся кровавыхъ расправъ, онъ попалъ въ революціонную партію. Вышло все это какъ-то само собой неожиданно. Онъ только вышелъ на улицу, а революціонная толпа подхватила его и понесла. Онъ не успѣлъ ничего продумать, а жизнь его поставила подъ пули и совала

ему въ руки револьверъ. Подъ пули онъ пошелъ, револьвера же не взялъ.

Когда кончилось вооруженное возстаніе, Петровъ какъ то избѣжалъ ареста, но объ его участіи въ остановкѣ поѣзда знала полиція и его искала. Приходилось скрываться. Но изъ Москвы онъ не хотѣлъ уѣзжать.

Переживалъ онъ скверный моментъ. Не ареста боялся и не тюрьмы, а понималъ, что путь, на который онъ попалъ, ничего не принесъ народу полезнаго. Только перебили многихъ. Прежде было народу плохо, теперь еще хуже. Ему говорили въ комитетѣ:

— Товарищъ! Вы очень близоруки. Значеніе возстанія оцѣнитъ исторія и потомство. Мы же такъ близко стоимъ къ событію, что не можемъ замѣтить хорошихъ результатовъ его.

Но Петрову чужда была такая логика.

— Бѣдность вы уничтожили? Произволъ убили? Слезъ и крови стало меньше?.. Нѣтъ, не вижу я ничего хорошаго...

Онъ мучился. И это мученіе было хуже ареста и тюрьмы.

Комитетъ пользовался Петровымъ и послѣ возстанія. По инерціи Петровъ исполнялъ порученія комитета.

Однажды къ нему обратились съ просьбой:

— Товарищъ! Народъ продолжаетъ страдать. А помочь ему нельзя безъ денегъ.

— Что же дѣлать?

— Нужно совершить экспропріацію.

Онъ попробовалъ возражать:

— Это дѣло жуликовъ.

Честная натура его возмущалась и протестовала. Но ему рядомъ фразъ стали доказывать, что «для блага народа можно пожертвовать и честью». Подѣйствовали на мятущагося, нравственно страдающаго и ослабѣвшаго Петрова. Онъ согласился, хотя душа рвалась на части.

— Возьмите револьверъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, отъ этого избавьте.

— Да вы не стрѣляйте, такъ, для острастки носите!

Взялъ и засунулъ въ рукавъ.

Выбралъ онъ одну мелкую фабрику. Подошелъ къ конторѣ и вызвалъ хозяина. Тотъ вышелъ. Петровъ сказалъ ему внушительно:

— Для блага народа нужны 200 рублей. Давай!

Фабрикантъ понялъ что передъ нимъ «экспропріаторъ», но такой наивный, что испугаться его было нельзя. Онъ созвалъ своихъ рабочихъ и сказалъ имъ:

— Ребята! Вотъ пришелъ сицилистъ просить на забастовку!

Толпа угрожающе зашумѣла. Забастовка рабочимъ надоѣла, они только-что принялись за работу послѣ голодовки. Да и время было уже другое,—проснулась реакція въ рабочихъ массахъ.

— Бить забастовщика!—закричали рабочіе.

Но Петрова осѣнило вдохновеніе.

— Ребята, что я вамъ скажу,—обратился онъ къ толпѣ,—я слесарь, вашъ братъ... У насъ на заводѣ былъ такой случай...

Простымъ, народнымъ языкомъ, но въ сильныхъ выраженіяхъ, примѣрами, онъ описалъ предъ рабочими обстановку жизни и труда народа.

Толпа утихла и замерла, слушая. Когда онъ кончилъ, рабочіе неожиданно перешли на его сторону. Фабрикантъ остался одинъ.

Петровъ обратился къ нему:

— Давай деньги! А не дашь,—смотри сюда!

Онъ подошелъ къ нему вплотную и поднесъ къ его глазамъ свой рукавъ. Оттуда еле виднѣлось дуло револьвера. Фабрикантъ далъ 200 рублей. Петровъ доставилъ ихъ цѣликомъ въ комитетъ.

Случайно познакомился онъ съ сектантами. Бывалъ въ «Ямѣ»—трактирѣ, гдѣ они собираются, слушалъ ихъ религіозные споры. Встрѣчали его и на баптистскихъ молитвенныхъ собраніяхъ.

Недостатки вожаковъ сектантства къ нему не пристали. Но мягкая, чуткая душа его уловила пульсъ религіозныхъ исканій. Чѣмъ-то новымъ повѣяло на него отъ религіи.

Старикъ сталъ перерождаться. Пришелъ къ мысли, что путь къ облегченію участи народа не гдѣ-нибудь, а въ немъ самомъ—въ его нравственномъ усовершенствованіи, въ его личномъ приближеніи къ Богу.

— Каждый человѣкъ долженъ жить по-Божьи,—сталъ говорить онъ,—въ мирѣ и кротости. Примѣромъ такой жизни онъ пролагаетъ путь общему человѣческому счастью.

Ближайшую практическую дѣятельность свою онъ выражалъ такой фразой:

— Спасеніе народа не въ возстаніяхъ и кровопролитіи, а въ разсѣяніи мрака религіознаго.

И такъ увѣровалъ въ эту истину, что разорвалъ совсѣмъ съ революціонерами. Переоцѣнилъ съ точки зрѣнія новаго міровоззрѣнія свои прежніе поступки и понялъ, какъ глубоко заблуждался. Для него настала новая, широкая, одухотворенная жизнь, уже безъ сдѣлокъ съ совѣстью.

Между тѣмъ его усиленно искали. Въ Москвѣ ему было опасно оставаться. Тогда его «спрятали за зеркало». Отправили на югъ къ одному нефтянику. Онъ служилъ тамъ слесаремъ и жилъ въ домѣ, охраняемомъ отъ нападеній, солдатами. Въ Москвѣ ему посовѣтовали, чтобы онъ «не раскрывалъ рта». Первое время, онъ дѣйствительно, воздерживался, молчалъ. Но потомъ жизнь втянула его въ свой водоворотъ, да и потребность высказываться въ немъ была неистребимая и началъ онъ сначала «кальту́ру западну́ю изобличать», какъ самъ выражался, а потомъ «головы отъ плѣсени освобождать». Стоитъ у своей работы, а самъ рѣчь ведетъ:

— Былъ у насъ на заводѣ такой случай: рабочій къ попу ходилъ каяться во грѣхахъ...

А у стѣнъ тамъ были уши, которые все выслушивали и доносили начальству. Косо стали смотрѣть на Петрова, держали только потому, что работалъ прекрасно.

Однажды остановился заводъ. Механикъ заявилъ, что сломалась машина, и что только черезъ двѣ недѣли можно будетъ ее исправить. Стоялъ здѣсь Петровъ. Онъ сказалъ хозяину:

— Я къ вечеру пущу заводъ.

Дѣйствительно къ вечеру заводъ сталъ работать. Но Петровъ, благодаря этому, потерялъ должность. Инженеры его возненавидѣли и обвинили предъ хозяиномъ въ пропагандѣ соціализма. Случилась забастовка. Хозяинъ вызвалъ къ себѣ представителя рабочихъ. Явился Петровъ.

— Ты соціалистъ! Тебѣ мой заводъ нуженъ?..

— Зачѣмъ онъ мнѣ?

— Что же тебѣ нужно?

— Мнѣ одному ничего, а вотъ товарищи просятъ прибавку.

— Не дамъ.

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «легче верблюду въ игольныя уши влѣзть, чѣмъ богатому войти въ Царство небесное»...

— Вонъ отсюда!

Хозяинъ разсвирѣпѣлъ. Выдалъ ему сейчасъ же расчетъ и даже проводилъ съ солдатомъ на вокзалъ.

Петровъ пріѣхалъ въ Москву и началъ открыто выступать на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ. На квартирѣ его знали какъ Гусева, а миссіонеры вызывали его, какъ оппонента, его настоящей фамиліей. И всѣ знали его подъ этой фамиліей. И онъ не скрывался. Даже забылъ, что его ищутъ. Долго бы онъ находился на свободѣ, если бы не случайность.

Пришла ему въ голову мысль:

— Я позналъ истину, узналъ свѣтъ, а вѣдь братья мои по комитету до сихъ поръ ходятъ въ заблужденіи...

Сталъ мучиться этой мыслью. Совѣтовался. Ему говорили:

— Брось! Не поймутъ они тебя,—чужіе люди...

— И я былъ чужой, а вѣдь понялъ же? Нѣтъ, пойду и объясню имъ, откуда свѣтъ идетъ. Они вѣдь въ потемкахъ, какъ котята, ползаютъ.

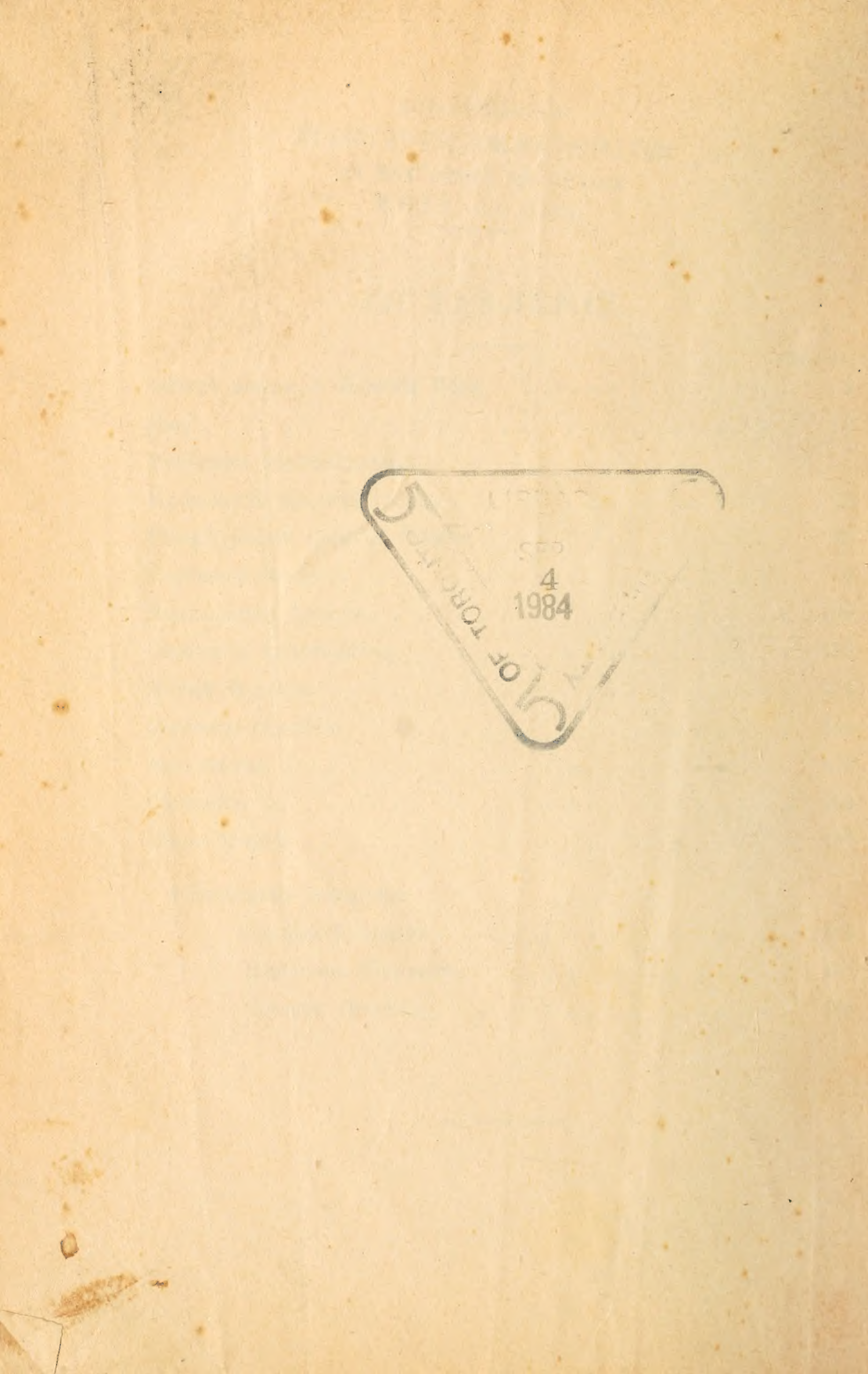
Нашелъ Петровъ свой комитетъ и обратился къ членамъ его съ проповѣдью мира и отвращенія къ крови. Но въ комитетѣ въ то время, какъ водится, сидѣлъ провокаторъ, ко-

торый освѣщалъ дѣятельность комитета изнутри, и Петровъ былъ арестованъ.

Его судили и присудили къ тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ. Сейчасъ Петровъ отбываетъ наказаніе въ одномъ губернскомъ городѣ около Москвы.

Судя по письмамъ, старикъ весь ушелъ въ евангеліе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

OF TORONTO
4
1984

Цѣна 1 р.